

Говард Мэрфи

Елена Блаватская

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛАНДШАФТЫ

Золотая лестница

Вот правда перед вами: чистая жизнь, открытый ум, чистое сердце, упорное стремление к знаниям, ясное духовное восприятие, братское отношение к соученикам, готовность дать и принять совет и наставление, преданность и чувство долга по отношению к учителю, готовность подчиниться велениям ПРАВДЫ сразу, как только мы проникнемся верой в нее и поверим в то, что Учитель владеет ею; терпение, чтобы мужественно сносить несправедливость по отношению к самому себе, смелое заявление о своих принципах, героическая защита тех, кто терпит несправедливые нападки, и постоянная устремленность взгляда к идеалу человеческого прогресса и совершенства, который описывает тайная наука (Gurpa Vidyâ),— вот золотая лестница, по ступенькам которой ученик, поднимаясь вверх, может взойти к Храму Божественной мудрости.

A handwritten signature in black ink, reading "E. P. Blavatsky". The signature is written in a cursive, flowing style with a long horizontal stroke extending to the right.

Елена Петровна Блаватская

Говард
Мэрфи

Когда приходит рассвет,

или

Жизнь и труды

Елены Петровны

Блаватской

Издательство
«Аркаим»

УДК 130.3
ББК 86.42
М97

Перевел с английского
Юрий ОКУНЬ

2-е издание, с изменениями

Книга выпущена в свет по договоренности с издательством «The Theosophical Publishing House» (306 West Geneva Road, Wheaton, Ill. 60187 USA)

Мэрфи Г.

М 97 Когда приходит рассвет, или Жизнь и труды Елены Петровны Блаватской.— Челябинск: Аркаим, 2004.— 288 с.— (Биографические ландшафты).

ISBN 5-8029-0823-8

Елена Блаватская — несомненно, одна из самых загадочных фигур в истории человечества. У нее много ликов, много почитателей и хулителей. Она и отважная путешественница, одержимая жаждой странствий, и медиум, устремляющийся за границы видимого и осязаемого. По мнению одних, она — орудие таинственных Махатм, по мнению других — политическая интриганка и авантюристка. Безусловно же, во всяком случае, одно: основав Теософское общество и «зафиксировав на бумаге» знаменитую «Тайную доктрину», Блаватская словно бы задала иной масштаб и ритм размеренной жизни «старого мира».

Книга Говарда Мэрфи, основанная на точных свидетельствах, документах, переписке и мемуарах, — попытка реконструировать жизнь таинственной «жрицы Изиды», очертив при этом ее характер, судьбу и учение.

**УДК 130.3
ББК 86.42**

© Издательство «Урал LTD», 1999
© Издательство «Аркаим», 2004
© «The Theosophical Publishing House», 1975
© Перевод — Ю. А. Окунь, 1999
© Дизайн серии — А. Ю. Данилов, 2002

ISBN 5-8029-0823-8 (рус.)
ISBN 0-8356-0461-6 (англ.)

И не только сквозь окна, которые выходят на восток,
Когда приходит рассвет, пробивается утро;
Медленно, так медленно поднимается солнце,
Но к западу, смотри, земля наполнена светом.

Артур Хью Клоу

...если человек делает что-то бесполезное, никто не порицает его; если он делает что-то вредное, несколько человек стараются удержать его; но если он пытается подражать богам и поощрять к этому других, то все, кому принадлежит власть, обвиняют его в испорченности. Так что учить правде опаснее, чем входить в пороховой склад с горящим факелом.

Цзянь Самдуп
Книга поговорок

Предисловие

В каждую большую эпоху поступательного развития человечества одна или несколько личностей выступают живым свидетельством того мистического знания, которое вселенская традиция громко провозглашает вслух или сообщает осторожным шепотом по мере чередования прилива и отлива волн исторического бытия.

Современная нам эпоха не составляет исключения. Пробуждение древнего знания и возрождение давно забытых истин, столетиями погребенных в забвении и бесстрастно отрицаемых вслух на торжище дел человеческих, доказывает явление такого свидетеля — Е. П. Блаватской. Ее пылающий факел осветил алтари древних богов и рассеял киммерийскую тьму закоренелого невежества и суеверия, пронеся язык пламени между теми, кто предпочел оставаться слепыми, и теми, кто отважился смотреть и видеть!

Духовная жизнь нашей планеты имеет свои приливы и отливы, подобные приливам и отливам, в которых дает себя знать во всей полноте внутренних ритм жизни космоса. За циклами духовного и интеллектуального плодородия, когда мощно вздымаются волны естественного вдохновения, следуют циклы духовной скудости и интеллектуальной дремоты. Именно тогда и появляются среди людей вдохновенные Учителя, — появляются, дабы помочь человечеству найти тональность Духа и сохранить неразрывными мистические узы, соединяющие его с Божественной Родиной. Стало быть, появлением Учителей правит некий Закон, а их труд среди людей подчинен циклическому порядку, присущему самой природе Космического Существа. Они выступают посланниками еще более высоких существ в иерархии сострадания и наделены их особыми поручениями. При всех различиях в духовном статусе и оккультном знании большинство таких посланников на той или иной ступени своей жизни воплощают

или транслируют через себя энергии еще более высокого порядка, способствующие, таким образом, духовному подъему рода человеческого. Кем была Елена Петровна Блаватская? И что такое Е. П. Б.? Плохо понятая и оскорбляемая, почитаемая одними и ненавистная другим, она по сей день принадлежит к числу живых не меньше, а может быть и больше, чем сто лет назад. Ее имя по-прежнему вызывает бурю чувств во всех странах света, хотя имена большинства ее современников уже давно упоминаются на страницах летописей истории лишь вскользь.

Несколько столетий спустя она, быть может, сольется с мифом, станет той смутно очерченной легендарной фигурой давно прошедших циклов, происхождение и цели которой размыты течением времени, а вокруг образа витают чудеса, вызывающие изумление и ужас.

Но сейчас, когда факты известны, а сообщения очевидцев еще под рукой, пока налицо семейная хроника и личная переписка, достаточно легко представить себе подлинную летопись ее исполненной превратностей деятельности и сделать некоторые очевидные выводы из той впечатляющей массы данных, которую имеет в своем распоряжении современный историк.

Теперь мы обращаемся к беспристрастной летописи и приглашаем читателя к увлекательному путешествию через обширный лабиринт событий и личностей.

Проводник в таком путешествии — наш добрый друг Говард Мэрфи, и мы уверены — путь надежен. Тонкий наблюдатель и беспристрастный историк, искушенный в рискованных литературных начинаниях, он — убежденный теософ и занимательный рассказчик. Его дружественное, а временами юмористически настроенное перо ведет читателя от неопределенности и тревоги ожидания в конце одной главы к непредвиденным приключениям в начале следующей.

Мы предлагаем эту книгу тем, кто хотел бы приблизиться к пониманию динамичной и исполненной тайны жизни «сфинкса» XIX века — Елены Петровны Блаватской. Книга эта, по всей вероятности, получит то широкое распространение, которого бесспорно заслуживает, и побудит часть внимательных читателей к более глубокому поиску истины.

БОРИС ДЕ ЗИРКОФФ

Введение

Две легенды

*Е*сть две легенды о жизни и личности Елены Петровны. Согласно одной, которую досужие перья выудили некогда в помойных ведрах со сплетнями викторианских времен, она была то ли любовницей, то ли второй женой двоюродного брата Агарди Митровича, известного тогда оперного певца. Кроме того, у нее было множество других любовников и по меньшей мере один незаконный ребенок. Отцом его называют многих мужчин, но предпочтение среди них отдают принцу Эмилю фон Сайн Витгенштейну, двоюродному брату российской императрицы.

Продолжение истории гласит, что одно время она зарабатывала себе на жизнь в парижском полусвете, потом была наездницей в турецком цирке, пускалась в сомнительные коммерческие предприятия, давала фортепианные концерты в Лондоне и Париже и при полном невежестве в музыкальной теории дирижировала большим оркестром. Ей даже доверили управление хоровым ансамблем короля Сербии.

Среди ее замечательных талантов был, говорят, дар сочинять сатирические стихи, и однажды она расклеила по дверям и стенам домов старинного Киева оскорбительный пасквиль в стихах на тогдашнего генерал-губернатора — князя Дондукова-Корсакова. Закончилось это ее поспешным отъездом из города.

Позже, когда в Америке стал широко известен спиритуализм, она воспользовалась этим обстоятельством в корыстных целях. Затем, после встречи в спиритуалистских кругах с полковником

Олкоттом, пустилась в самые дерзкие жульнические проделки своего столетия.

Она положила основание Теософскому обществу и в подкрепление его выдумала махатм — тех посвященных в оккультные науки, которым приписывала множество происходивших вокруг нее чудесных явлений. Действительными же причинами так называемых чудес были искусные уловки и фокусы, явно усвоенные ею на какой-то ступени ее пестрой карьеры.

Она даже состряпала ряд текстов, принадлежащих якобы нескольким вымышленным ею махатмам, и под этой маской вела оживленную переписку по трудным для понимания вопросам с мистером А. П. Синнеттом, издателем «Пионера» — газеты, которую считали тогда самой влиятельной в Британской Индии.

Крупное жульничество с теософией и махатмами прикрывало собой сначала русский шпионаж, а затем — добывание денег.

Именно такова суть яркой легенды, и такая легенда приносит недурной барыш сочинителям популярных биографий. Но в какой мере она правдива? Происхождение большинства ее подробностей легко проследить вплоть до гостиних викторианской поры, в особенности русских гостиних. С учетом известных обстоятельств происхождение это не удивительно.

Прежде всего, Елена Петровна нарушила большинство строгих социальных условностей своего времени. Она рассталась со своим мужем почти сразу же после заключения брака и странствовала по просторному, опасному миру середины XIX века в одиночестве. Любая женщина, которая поступала так, — а их было не слишком много, — вольно или невольно навлекала на себя подозрения и становилась мишенью для изобретательных на вымыслы злых языков.

Подливая масло в огонь злословия, Елена окутывала свои перемещения покровом тайны. Более того, она даже поощряла слухи о своем крайне чуждом условностям житейском укладе. Она не хотела позволить своим родственникам в России узнать подлинную причину ее кочевой жизни. Родственники, надеясь она, не примут всерьез расхожие тогда рассказы о безнравственном поведении, но, стань прежде времени известны ее действительные увлечения, они поверили бы всему, что слышали, и,

будучи старомодными ортодоксальными христианами, пришли бы в ужас.

Нимало не заботясь тогда о пустой болтовне светского общества, она использовала слухи в качестве дымовой завесы и скрывала за ней свои следы. «Будь я обыкновенной п...,— писала она (никто не произносил полностью слово «проститутка» в глаза притворной викторианской стыдливости),— они предпочли бы это моим занятиям оккультизмом». Со временем Елена сумела несколько изменить их взгляды, и они восприняли определенные идеи высшего оккультизма. Но в те годы, когда она вела великий поиск в мире тайных культов, ее семья при первой же вести о таких исканиях сочла бы ее «продавшейся Сатане».

Еще одну щепотку острой приправы к пикантным слухам о Елене прибавляло то, что общество часто смешивало ее с широко распространенным тогда вымышленным образом. Это был образ постыдно известной злодейки г-жи Гелуа Блаватской — предводительницы антисемитской политической клики под названием «Черная сотня». Ее придуманные поступки, по всей видимости, часто приписывали Елене.

Скандалные рассказы о Елене естественно исходили из той мишуры, которой пестрели газетные колонки. Одна русская газета выступила, к примеру, с потрясающим сообщением о том, что написанная Еленой в Америке книга *Изида без покрывала* на самом деле принадлежит перу «той самой г-жи Б., которая в семнадцать лет убила своего мужа, а потом бежала из России».

Поколением позже авторы — разгребатели грязи,— полные решимости сделать деньги на мрачных преданиях, полагали, что нашли подлинный источник сведений в «Мемуарах» графа Сергея Юльевича Витте, изданных в 1921 году. Книга вышла в свет тридцать один год спустя после смерти Е. П. Блаватской и несколькими годами позже кончины самого графа.

Сергей действительно был двоюродным братом Елены, но ему не исполнилось еще и года от роду, когда она в своих странствиях впервые оставила Россию. Его мать, Екатерина Витте, всегда была невысокого мнения о своей племяннице Елене, и мальчик, вероятно, в известной степени усвоил ее отношение к родственнице. Когда Елена в конце 1858 года после девятилетних странствий

впервые приехала в Россию, Сергею Витте было всего лишь около десяти лет.

Следовало ожидать, что известный отставной премьер-министр России, пишущий по вопросам, имеющим отношение к национальной истории, обладает достойным доверия пером. В действительности же он делает множество невероятных ошибок даже относительно тех подробностей, которые можно легко обнаружить в исторических хрониках, и часто противоречит сам себе.

Вот всего лишь несколько таких огрехов относительно его собственной жизни: он приводит ошибочные и противоречивые даты с нередким отклонением от истинных на несколько лет, когда речь идет о назначениях его на высокие официальные должности; его высказывания о взаимных отношениях с Николаем II полны внутренних противоречий; он не в состоянии правильно указать хотя бы дату своей собственной свадьбы.

Что же до своей двоюродной сестры Елены, то граф передает здесь множество старых светских сплетен и прибавляет к ним собственную долю яда.

Кроме того, сомнение в достоверности и надежности его воспоминаний вызывают ошибочные высказывания о легко проверяемых фактах истории Теософского общества. Так, например, говоря о месте основания Теософского общества, он подменяет Нью-Йорк Англией и утверждает, что главой Общества была Елена Блаватская, которая поселилась в Париже. На самом деле она жила в Лондоне, а признанным и должным образом избранным главой Общества был его президент-основатель полковник Г. С. Олкотт, резиденциями которого были индийские города Адьяр и Мадрас.

Трудно допустить, что заслуженный государственный деятель, считающийся наиболее одаренным среди царских министров, мог столь небрежно излагать факты в своих «Мемуарах». Он работал над рукописью в Париже во время отпусков и после отставки. Умерший сравнительно молодым, в шестьдесят шесть лет, он вряд ли страдал старческим слабоумием. Разумеется, не исключено и постепенное помрачение разума, но есть люди, которые предлагают более зловещее объяснение.

Виктор Эренсби в своей книге «Зал мистических зеркал» предполагает, что после смерти графа русская тайная полиция завладела

рукописью и внесла в нее изменения, приспособив текст к надобностям имперской пропаганды. Иными словами, она стремилась поставить под сомнение достоверность и надежность воспоминаний графа Витте.

Такие действия были достаточно обоснованы несколькими причинами макиавеллистического свойства. Граф Витте был противником русско-японской войны и выступал против тех хитростей и маневров русского правительства, которые привели к первой мировой. Он был реформатором и либералом, создателем Думы — парламента с «почти всеобщим избирательным правом и выборами, свободными от контроля кабинета». Царь счел, что преобразования зашли слишком далеко, отправил его в отставку, а вслед за отставкой распустил парламент.

Поэтому опасались, что «Мемуары» графа Витте могут обнажить слишком многие подробности политики русского правительства. Известно, что царские агенты и при жизни, и после смерти графа не раз пытались доставить рукопись в Россию для цензуры. Существует теория, согласно которой русская тайная полиция после смерти графа успешно «позаимствовала» рукопись из подвала банка во Франции на срок, вполне достаточный для внесения изменений, и таким образом лишила текст значения исторического документа.

Одновременно, по той же теории, царские агенты не упустили удобного случая фальсифицировать и ту часть воспоминаний, которая касалась Елены Блаватской, чьи произведения были враждебны светским и духовным установлениям российского общества.

В самом деле, не менее странным, чем детские ошибки в фактах, выглядит намерение русского аристократа и видного исторического деятеля стирать на глазах потомков грязное белье своей фамилии даже в том случае, если он сам верил слухам о скандальной, безнравственной и мошеннической деятельности Елены Блаватской.

Беатрис Гастингс, которая писала несколькими годами ранее Эренсби, отметила, что «Мемуары» графа «несут на себе следы подделки». Истина часто выглядит удивительнее вымысла, и шпионская история в ткани подлинной жизни вполне может быть достоверной. Но даже безотносительно к причинам очевидных фактических ошибок ясно, что «Мемуары» нельзя считать надежным источником сведений о жизни Елены Петровны Блаватской.

Росказни о том, что Елена была матерью внебрачного ребенка, опровергнуты медицинскими данными. В 1885 году, когда слух этот распространился в связи с десятилетием со дня основания Теософского общества, последователи г-жи Блаватской запросили у нее медицинское свидетельство по столь щекотливому вопросу. В то время она жила у графини Констанс Вахтмейстер в немецком городе Вюрцбурге.

Графиня в присутствии самой г-жи Блаватской предложила доктору Леону Оппенгеймеру провести необходимый осмотр, после которого он выдал письменное свидетельство.

МЕДИЦИНСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Нижеподписавшийся свидетельствует здесь согласно поставленным перед ним вопросам, что г-жа Блаватская из Бомбея—Нью-Йорка, секретарь по переписке Теософского общества, в настоящее время состоит под медицинским наблюдением нижеподписавшегося; страдает *Anteflexio Uteri*, по всей видимости врожденной, поскольку она, как показывает подробное обследование, никогда не рожала и не переносила гинекологических заболеваний.

Вюрцбург, 3 ноября 1885 г.

(Подпись) Доктор Леон Оппенгеймер,
врач-гинеколог

Подпись практикующего врача доктора Леона Оппенгеймера настоящим официально заверяю.

(Подпись) Доктор Редер,
окружной королевский врач.
Вюрцбург, 3 ноября 1885 г.

Это свидетельство было отправлено в Индию полковнику Олкотту и напечатано еще при жизни доктора Оппенгеймера, который умер в 1912 году.

Елена, разумеется, поддерживала дружеские отношения с мужчинами и, много странствуя по миру, зачастую путешествовала с ними. «Я сильно любила одного мужчину, но еще сильнее любила оккультное знание... Я побывала с ним везде: в Азии, в Америке, в Европе». Но ее дружеские связи были чисто платоническими.

«Каждое ее слово и каждый ее поступок говорили о безразличии к сексу», — писал хорошо знающий Елену полковник Олкотт.

Мужчина, которого очень и очень многие называли отцом ее внебрачного ребенка, принц Витгенштейн, писал ей в письме от 20 апреля 1878 года: «Я горд и счастлив тем, что Вы останавливаетесь под моей кровлей и что я могу представить Вам свою жену, а мои дети — поцеловать Вашу руку; надеюсь, это ясно и понятно; уверяю Вас, что сегодня я склонен произносить подсказанные простой любезностью слова ничуть не больше, чем в шестьдесят четвертом году, когда Вам довелось узнать того искреннего, счастливого и честного молодого человека, каким я тогда был».

Князь Дондуков-Корсаков, тот самый генерал-губернатор, который, как говорили, выгнал г-жу Блаватскую из Киева за публично нанесенное ему оскорбление, на протяжении 1880-х годов состоял в дружеской переписке с ней. Мадемуазель Смирнова, фрейлина царского двора и обладательница воистину змеиного языка, распускала ядовитые сплетни о надувательствах и кражах, совершенных-де Еленой Блаватской. В одном из своих длинных писем Елена просила князя, генерал-губернатора, обстоятельно изучить полицейские бумаги «по всей России» и восстановить ее репутацию ради доброго имени Теософского общества. Никаких свидетельств бесчестных поступков в полицейских бумагах не нашлось. Итак, все те разноцветные мыльные пузыри злословия по поводу Блаватской, которые легли в основание легенды номер один, лопнули после первой же проверки на исходе прошлого (XIX.— *Ред.*) столетия.

Предпоследняя глава и эпилог этой книги покажут, что множество убийственных для личности Блаватской слухов было выставлено напоказ в большой статье нью-йоркской газеты «Сан». Г-жа Блаватская подала в суд за клевету в печати, и влиятельная газета при всех своих возможностях не смогла доказать хотя бы одно-единственное обвинение и была вынуждена отказаться от них.

Вторая легенда восходит к последним годам жизни Елены и набирает силу после ее смерти. Она обязана своим происхождением склонности людей возводить кого-то, наделенного необычайными знаниями и силой, на пьедестал непогрешимости и наивысшего авторитета — непогрешимости и авторитета вне сомнений и критики. Ей, которая

всегда писала и высказывалась против концепции воплощенного Бога, выпала участь самой стать в глазах своих искренних последователей почти божественным существом.

Итак, эта вторая легенда, полярно противоположная первой, представляет г-жу Блаватскую безупречной святой. Никогда не притязавшая на совершенство и непогрешимость даже своих великих Наставников, она первая вдребезги разбила молотом своего презрения «цветастый образ» святого.

Г-жа Блаватская была (и никогда этого не стыдилась) сильной, откровенной, резкой личностью, часто потрясавшей основы светского общества и своими привычками, включая пристрастие к курению, и обыкновением без околичностей говорить то, что думала.

Резко осуждавшая все проявления лицемерия, глупости, мошенничества и «чепухи», она странствовала по отдаленным и опасным тогда окраинам мира, иногда одетая в мужское платье, обычно одна, реже в обществе мужчин, занятых теми же исканиями и способных вместе с ней лицом к лицу встретить сопряженные с поисками опасности и страхи.

Как бы там ни было, вторая легенда лишает великую русскую оккультистку человеческих черт и обращает ее в некий образец совершенства, — естественно, мало связанный с реальностью, — что служит ей немногим лучше, чем образ хитрой обманщицы, искальницы приключений, распущенной женщины и куртизанки.

Автор настоящей книги всеми силами стремится описать и показать подлинную Елену Блаватскую, которая обитала где-то в странстве меж двумя легендами. Это сложная задача. Возможно, ее никогда не удастся решить с полным успехом: в жизни Елены Блаватской есть побуждения и измерения, которые лежат по ту сторону привычных людям горизонтов.

Махатмы, йоги, экстрасенсорные восприятия

После Дарвина западный мир начал верить в эволюцию форм, но не в эволюцию сознания и духа. Те, кто вообще допускал существование души, полагали ее неизменной целостностью, рожденной во грехе вместе с телом. Если такая душа не искупала грех

с помощью Христа, она вечно страдала в аду; если искупала, то вечно праздновала спасение на небесах. Иными словами, не было представления о динамичном эволюционном развитии человека внутри него самого.

Следовательно, Запад не располагал логическим основанием веры в махатм — йогов высокой степени посвящения, чье сознание и экстрасенсорные способности выходили за пределы обычного. Чудеса, если они вообще происходили, происходили в библейские времена и с библейскими Божьими людьми. Век их миновал; на дворе был век науки.

Именно поэтому западный мир одобрил тот документ, который утверждал его собственное неверие, — «Доклад комитета, назначенного для исследования явлений, связанных с Теософским обществом», изданный «Лондонским Обществом исследований психики».

Автор этой книги не намерен давать на ее страницах критическую оценку «Докладу». Такая оценка должна быть точной и исчерпывающей, а это само по себе требует отдельной работы; в свет уже вышли книги, которые подробно рассматривают «Доклад» и обнажают недостаточность представленного им исследования и ложный характер его итоговых положений.

В 1968 году в письме в журнал «Таймс» Общество исследований психики сняло с себя ответственность за «Доклад», отметив, что «ответственность за факты и объяснения их в статьях, напечатанных в “Трудах” Общества, несут их авторы». Авторами в данном случае был комитет, составленный из основателей и руководящих членов Общества: Е. Гурни, Ф. У. Х. Майерса, Ф. Подмора, Х. Си-гуика и Дж. Х. Стэка вместе с их уполномоченным исследователем Ричардом Ходсоном, который посетил Индию.

Поэтому общественное мнение отождествляло и вне сомнений будет отождествлять выводы комитета с самим Обществом исследований психики.

«Бедный Майерс! И несчастный Ходсон! Как страшно осмеют их однажды», — писала тогда г-жа Блаватская мистеру А. П. Синнетту. Даже тогда теософские лидеры должны были счесть «Доклад» во многих отношениях комичным, но они опасались, что он может повлечь за собой последствия, трагические для их работы. Зеленый юнец Ричард Ходсон изобразил полковника Олкотта, который

в бытность свою главным специальным следователем разоблачил обман и коррупцию в ведении войны между американскими северными и южными штатами, а в Индии имел официальное поручение содействовать успехам его исследования, непомерно доверчивым, легковверным и плохим наблюдателем. Но Олкотт многие годы наблюдал теософские явления вблизи и лично встречал нескольких махатм и их учеников-чела во плоти.

Далее, в штаб-квартире Теософского общества был Дамодар К. Маваланкар, прилежный молодой брамин. В «Докладе» он представлен соучастником г-жи Блаватской в изготовлении подложных текстов рукописей, принадлежавших-де перу различных по именам, но равно вымышленных махатм. Однако странно то, что в частной переписке между собой соучастники вымысла высказываются так, будто сами искренне верят в действительное существование своих собственных вымыслов.

Дамодар вместе с Т. Субба Роу и некоторыми другими чела с браминским презрением, сардонически поглядывал на исследовательские труды Р. Ходсона и, к несчастью, ничем не помог ему. Поэтому национальная и кастовая гордость Дамодара пострадала, когда ему пришлось отправиться в странствие к тибетскому ашраму его сатгуру, махатмы Кутхуми Лал Сингха, которого он ранее встречал во плоти.

Как следует из письма махатмы К. Х., феноменально полученного Олкоттом, Дамодар достиг ашрама, но «ему надлежало претерпеть самые суровые испытания, сквозь которые когда-либо проходил новообращенный, во искупление слишком рьяного участия в сомнительных действиях, навлекших бесчестье на священную науку и ее посвященных».

Между прочим, это письмо махатмы настигло Олкотта в Индии и настигло как раз в то время, когда лукавый «изобретатель махатм», г-жа Блаватская, была в Европе.

«Доклад» должен был произвести трагикомическое впечатление на тех нескольких теософов, которые встречали махатм во плоти или получали от них сообщения в те времена, когда Дамодар и г-жа Блаватская пребывали во многих и многих милях от места действия. Например, двое братьев, Нарасимхалу и Суббиях Четта, встретили Наставника Мория в его физическом теле в 1874 году,

когда он проходил через город Мадрас. Г-жа Блаватская еще жила тогда в Америке, а Теософское общество не было основано.

Даже свержкритично настроенный британец А. М. Хьюм признавался, что получал феноменальные послания от махатмы К. Х., и получал их в таких обстоятельствах, которые заставили его поверить в существование этого исключительного Посвященного.

Сегодня, век спустя после первых теософских споров, сложная, пестрая ткань психологических явлений значительно расширена, а климат мышления претерпел заметные изменения. Становится ясным, что западный разум был не готов воспринять ту лавину паранормальных явлений, которую обрушили на него в последней четверти прошлого столетия и спиритуалисты, и теософы.

Один видный исследователь, сэр Уильям Крукс, в известной степени свой человек и у спиритуалистов, и у теософов, стремился убедить своих собратьев-ученых принять всерьез его опыты, материализацию и гипотезы, проливающие свет на тайны психики. Труды его были напрасны и лишь навлекли на него презрительные насмешки.

Тем не менее многие годы спустя психолог с мировым именем, профессор Чарлз Ричет, публично принес извинения за свои собственные насмешки и подтвердил все, сказанное ранее Круксом о явлении материализации. Он писал: «В те времена поклонение общепринятым идеям господствовало до такой степени, что никто не брал на себя труд подтвердить или опровергнуть утверждения Крукса. Люди с удовольствием посмеивались над ними, и я, к стыду своему, должен признаться в том, что принадлежал тогда к числу преднамеренно слепых... Таким был и Огорович. Но он раскаялся и сказал, как говорю сейчас я, бия себя в грудь: “Pater, peccavi! (Господи, согрешил я!)”»

Однако если в последней четверти нашего (XX.— *Ред.*) столетия налицо, как утверждают, новый — мощный — поток психологических феноменов, западный разум должен воспринимать это с большей готовностью. Экспериментальные психологические исследования, начавшиеся еще в прошлом веке, привели к созданию отделений парапсихологии во многих западных университетах. Здесь применяют экспериментальную и статистическую методологию с целью обнаружить и наглядно показать существование экстрасенсорного вос-

приятия (ЭСВ) и его еще более неуловимого брата — психокинеза (ПК). Экстрасенсорное восприятие и психокинез — всего лишь современные понятия для обозначения тех сил, которые в гораздо большей степени проявляли ранее чела г-жа Блаватская и великие Посвященные.

Немало парапсихологов прилагали все возможные усилия с целью отыскать ключ к постановке скрытых способностей человека под сознательное управление воли в той же степени, в которой сознание и воля управляют нашим мышлением и пятью чувствами.

Но искомый ключ лежит в философии и науке йоги. Если мы начинаем понимать это, нам следует мыслить человеческое сознание в понятиях эволюции. На пройденных ранее ступенях эволюции такие способности, как, например, абстрактное мышление и созидательное творческое воображение, были скрыты и просто дремали в животном сознании. Точно так же сегодня экстрасенсорные способности и психокинез по большей части дремлют, но от случая к случаю обнаруживают себя в сознании человеческом.

Практика высшей йоги (или течение времени) разовьет человеческое сознание; понимание станет более духовным и открытым и с помощью пробужденных им сил экстрасенсорного восприятия и психокинеза получит дальнейшее естественное развитие. Иными словами, разум по мере превращения в сверхразум приобретает в дополнение к обычному набору своих орудий — пяти чувствам — инструменты более высокого порядка.

Коль скоро мы принимаем идею индивидуального воплощения душ, развивающихся на протяжении длительных периодов времени в течение земной жизни или жизни где-то в иных местах, логично принять без доказательства факт существования людей, стоящих несколькими ступенями выше обыкновенного человека. Они прошли более длительный подъем по эволюционной лестнице и содействовали собственному развитию упражнениями в самодисциплине, которые называют йогой. Иногда они, по своим соображениям, предпочитают действовать за сценой, помогая людям в приобщении к более высокому знанию и пониманию высшего порядка, иногда воздействуют на значительные события с помощью телепатии и своих экстрасенсорных способностей. В таких случаях их обычно именуют Посвященными, Наставниками, Старшими Братьями.

По сути дела, люди в большинстве своем, не наблюдая их воочию, не верят в их существование, так как оно не затрагивает жизнь обычного человека. Такое отношение, во многом выгодное Посвященным, позволяет им сберечь свои силы.

Существование Посвященных составляет непрременную логическую предпосылку для всех, кто всерьез изучает йогу, эзотерическую философию и религию Мудрости, на которых зиждется теософия. Но существование особых Посвященных в связи с началом теософского движения становится для сознательного исследователя теософских архивов чем-то значительно большим, нежели простое логическое допущение. Всякий, кто глубоко погружается в подшивки документов, дневниковые записи и личную переписку основателей и первых деятелей теософского движения, неизбежно приходит к выводу о том, что махатмы г-жи Блаватской воистину были подлинными живыми личностями.

Сказанное о махатмах полностью касается теософских явлений, или «чудес». Большую часть таких явлений г-жа Блаватская приписывала своим незримым махатмам или их высшим и опять-таки незримым чела. Невидимые, они часто присутствуют среди нас, утверждала она, в своих *mauavi rupas* (ментально-астральных телах). Но Елена сама была обученной в Тибете чела, и мы располагаем свидетельством Наставника К. Х. о том, что многие чудеса она совершала независимо от него, своими силами.

Для того, кто осваивает йогу, такие *siddhis* приемлемы логически. Те же, кто кропотливо исследует документы, не сомневаются, что такие явления становились очевидными благодаря теософским лидерам, в особенности г-же Блаватской. Всякий, кто изучает тексты и видит целостную картину (Ричард Ходсон видел всего лишь незначительную часть ее), несомненно придет к следующему выводу: феномены г-жи Блаватской не были и не могли быть фальшивыми, как утверждала направленная против нее клевета.

А если исследователь архивов изучит к тому же индийскую духовную философию, он увидит истинное положение вещей, которое не поняли и не могли понять члены Общества исследований психики, — не могли потому, что были ограничены концепцией, отрицающей эволюционное развитие души, так же как его отрицала и классическая, и христианская культура.

Но благодаря деятельности г-жи Блаватской и другим доказательствам, Запад сейчас более восприимчив к восточной культуре, а течение мировой мысли давно вынесло на берег и оставило позади себя несовершенный, вводящий в заблуждение «Доклад» — печальный обломок былой западной самоуверенности.

Живые махатмы и психические феномены были насущной частью жизни Елены Блаватской, и эта биография рассматривает их и самих по себе, и в качестве реалий действительности. Здесь нет попытки доказать читателю то, что нельзя с должной определенностью доказать ничем, кроме собственного опыта. Повесть о ней составлена из тех примечательных и значительных событий, которые запечатлели их очевидцы, — повесть о жизни удивительного посланника махатм — Елены Петровны Блаватской.

Часть I

Искания

«...пришествие Христа» означает присутствие *Christos* в духовно возрожденном мире, но отнюдь не действительное пришествие во плоти «Христа» Иисуса; этого Христа не следует искать ни в пустыне, ни в потаенном «внутреннем обиталище», ни в святая святых какого бы то ни было храма или церкви, возведенных человеком, ибо Христос — подлинный эзотерический *Спаситель* — не человек, но *Божественный Принцип* в каждом человеческом существе. Он — тот, кто стремится воскресить в человеке *Дух, распятый его собственными земными страстями* и глубоко погребенный в «склепе» его грешной плоти; он — тот, кто силится отвалить *камень материи* от двери его собственного *внутреннего* святилища; он — *Христос, воскресший в нем*. «Сын человеческий» — дитя не рабыни-плоти, но истинно свободной матери-*Духа*, дитя собственных деяний человека и плод его собственного духовного труда.

«The Esoteric Character of Gospels».
Lucifer. Vol. I, November, 1887, p. 173.
Collected Writings, Vol. VIII, p. 173.

Глава 1

Летом 1831 года в украинской степи появилась холера, взимая, подобно голодному упырю, десятину смерти с городов и селений в ненасытной алчности к трупам. На своем страшном пути она не обошла и город Екатеринослав, раскинувшийся на берегах Днепра, в нескольких сотнях верст от того места, где великая река впадает в Черное море.

Приблизительно пятьюдесятью годами ранее Екатерина Великая заложила первый камень в основание города, а князь Потемкин построил здесь великолепный дворец для отдыха влюбленной императрицы во время ее сказочного путешествия из Санкт-Петербурга к новым тогда чудесам Крыма, завоеванного для нее фаворитом.

Некий француз, посетивший город в 1830-х годах, пишет, что «он построен по такому гигантскому плану, который делает его сухой пустыней, где воистину затерянными выглядят редкие здания и скудное население. Его широкие и правильные улицы, обозначенные лишь немногими жилищами с большими расстояниями между ними, кажутся задуманными для миллиона жителей. Здесь есть несколько больших зданий, множество церквей, базаров и очаровательных садов, но из-за бессмысленной мании русских планировать свои города в огромных размерах он будет восхитительным местом обитания лишь потому, что богат прекрасным Днепром и плодородными холмами вокруг него».

Теперь, казалось, покров страха окутал город, а по его широким улицам непрестанно шли погребальные шествия. В большом барском особняке Андрея Михайловича Фадеева уже случилось несколько

смертей, но в ночь на 11 августа (по григорианскому календарю) здесь совершалось событие иного свойства. В час и сорок две минуты пополудни его хрупкая дочь, Елена Андреевна фон Хан, в преждевременных родах дала жизнь своему первому ребенку. Новорожденная девочка была так слаба и тщедушна, что пребывание ее в этом мире мертвых тел и гробов грозило быть воистину кратким.

Отца ребенка, капитана Петра фон Хана, не было дома; он находился в Польше, где его артиллерийская батарея была занята в подавлении первого польского восстания. Но в доме были родственники матери, и они решили, что, так как слабосильный младенец может в любое мгновение влиться в поток мертвых тел, для спасения его души необходимо немедленное крещение.

По их решению еще до того, как новорожденной исполнились сутки от роду, все большое семейство — родственники, друзья и многочисленная прислуга — собралось в самом просторном зале особняка. Все принесли с собой освященные восковые свечи для обряда крещения. Среди них была девочка трех лет. Она приходилась новорожденной тетей и должна была заменить ей крестную мать, которая отсутствовала. Девочка стояла посередине зала, рядом со священником, облаченным в длинные, ниспадающие складками ризы золотистого цвета.

Обряд шел своим чередом, в монотонном чтении и пении, а горящий воск тем временем все сильнее и сильнее наполнял зал своим горячим и тяжелым запахом. Девочка-тетя, стоявшая подобно всем остальным, задремала; она села на пол, голова ее поникла, а язычок пламени с ее свечи наклонился к облачению старого священника. По обряду крещения нечистую силу предавали отречению и оплеванию; и в это время край облачения священника качнулся над свечой и вспыхнул. Прежде чем кто-то заметил это, его охватило пламенем.

Священник, разумеется, был тяжело обожжен вместе с теми, кто поспешил к нему на помощь. Обряд был внезапно оборван. Но еще до того новорожденная, не зная, что жизнь ее начинается с обожженного по оплошности священника, была должным образом наречена в крещении Еленой Петровной фон Хан.

«Плохое знамение, — говорили об этом суеверные горожане, — впереди ее ждет жизнь бурная и исполненная превратностей».

По распространенному у русских предрассудку, день ее рождения (30—31 июля по старому юлианскому календарю, который еще был в ходу у русских) сообщал ей исключительные психические свойства. Девочке сулили второе зрение, власть над домовым и другими духами и ведание колдовства.

Но ее мать, Елена Андреевна фон Хан, женщина с тонким овалом лица и миндалевидными глазами, в свои семнадцать лет стояла выше столь вздорных суеверий. Она была дочерью княжны, чья родословная уходила в глубь русской истории по длинной линии княжеской фамилии Долгоруковых. Само имя «Долгоруков» означает «наделенный длинными руками». Кроме того, оно могло принадлежать человеку, чье знание и восприятие превосходили обычные, и в былые века имело мистическое значение.

Описывая свое путешествие по России в 1858 году, Александр Дюма говорит о фамилии Долгоруковых, с несколькими представителями которой ему доводилось встречаться: «Один, князь Григорий, оборонял монастырь св. Сергия с 1608-го по 1610 год против тридцати тысяч поляков и казаков под началом четверых видных полководцев того времени... В 1624 году княжна из дома Долгоруковых стала супругой царя Михаила Федоровича, основателя той династии, которая по сей день правит Россией... Петр II сделал князя Ивана Долгорукова своим ближайшим другом».

Далее Дюма повествует о том, что когда властью завладел печально известный Бирон, ставший причиной гибели одиннадцати тысяч русских, князя Ивана и его семейство сослали в Сибирь. Девять лет спустя он был возвращен из ссылки и умер под пытками. Тогда его жена Наталья взошла на высокий утес над Днепром и бросила в воду свое обручальное кольцо. На следующий день она стала монахиней в Киеве и последние тридцать лет своей жизни молилась о душе мужчины, которого любила.

Описание исторических деяний Долгоруковых можно отыскать во многих источниках; все они показывают, что в этой княжеской фамилии из поколения в поколение переходил пламенный, беспокойный и властный дух.

Но не все ее члены были отлиты в той форме, из которой выходят воители. Никто не мог быть мягче и романтичнее Елены Андреевны, матери новорожденного младенца. В девичестве она мечтала об иде-

альном супружестве с женщиной, наделенным столь же глубокими духовными интересами, как и она сама. Но рослый, статный капитан конной артиллерии фон Хан быстро развеял ее мечты. Как и Елена, Петр Алексеевич фон Хан принадлежал к родовитой фамилии графов Хан фон Ротерштерн-Хан, которые приблизительно столетием ранее выехали в Россию из немецкой земли Мекленбург. Отцом Петра был армейский генерал, сделавший превосходную карьеру, матерью — графиня Елизавета Максимовна фон Пробсен.

Отменно образованный, блестящий и веселый, двенадцатью годами старше своей жены, Петр должен был казаться добрым малым. Но все его интересы сводились к лошадям, собакам, ружьям, званым обедам и тому подобному; он был если не враждебен, то равнодушен к литературным и духовным исканиям своей жены.

Она писала: «Все, к чему я стремилась с самого детства, все дорогое и святое моему сердцу было им осмеяно или выставлено передо мной в безжалостном и циническом свете его холодного и жестокого ума».

Она нашла прибежище в сочинении романов о несчастном положении женщины в супружестве. Критики называли ее русской Жорж Санд и возводили начало современного феминистского движения к произведениям Елены фон Хан, Жорж Санд и еще одной романистки из Германии.

В таких обстоятельствах молодую мать не ошеломила радость, когда Петр, с его рыжими заостренными усами, примчался верхом по пыльной дороге, вьющейся среди спелой пшеницы и подсолнухов. Война и служебные дела в Польше были закончены. Стояла осень; маленькой Елене, все еще слабенькой и болезненной, было всего-навсего несколько месяцев от роду.

Теперь началось время странствий то туда, то сюда, — и повсюду, где временно останавливался полк капитана фон Хана — а стоял он по большей части в «маленьких, грязных провинциальных городах», — от жены армейского офицера надоедливо ждали благодетельных действий.

Но для маленькой Елены, или, как ее называли, Лели, такая жизнь была совсем не скучной. Она смотрела из окна на солдатские учения под звуки труб и барабанов, на большие пушки, колеса которых громыхали на полном ходу, когда отец ее очертя голову галопом скакал на пре-красном коне, выкрикивая приказы и воодушевляя солдат жестами.

Леля стала баловнем суровых солдат и научилась у них называть вещи своими именами, когда не могла придумать что-нибудь по сильнее. Склонность к крепкому солдатскому словцу осталась у нее до конца жизни.

Но в частых поездках к деду и бабушке девочка училась совершенно иному. Для крепостных она была персоной исключительной, рожденной в день, который давал ей власть над незримыми существами, прежде всего — над домовыми и русалками, или нимфами, обитающими вдоль речного берега.

Домовой был своего рода незримым зрителем, который пекся о делах дома и хозяйства, охранял его от зловредных ведьм и сглаживал течение жизни за исключением одного дня в году. 30 марта невесть по какой причине он становился озорным проказливым бесом. Для сбережения дома, хозяйства, чад и домочадцев его необходимо было умиловить. Именно здесь, полагали, давала себя знать безмерная значимость Лели. В день, когда надлежало исполнять обряд умиловления, крепостные обносили ее вокруг дома, конюшен и хлебов. Она кропила их со своей маленькой ручки святой водой, а слуги повторяли те мистические присловья и заклинания, которые тысячелетиями были в ходу у крестьян.

В такой обстановке ребенок естественно обретал не только острый интерес к народным преданиям о незримых существах, многие из которых казались ей воочию зримыми, но и ощущение своей власти над ними.

Семейные записи рассказывают о случае, поясняющем это ощущение. Однажды Леля с нянюшкой выехали на прогулку к поросшей камышами реке. Ее коляской правил мальчик лет четырнадцати. Какое-то мелкое ослушание навлекло на него недовольство маленькой Елены. «Я отдам тебя русалке, пусть защекочет до смерти,— закричала она. — Вон она спускается с дерева... подходит... смотри, смотри!» — указывала она вперед и вверх.

Перепуганный мальчик бросил вожжи и скрылся на песчаном берегу. Старая нянюшка, ворча о том, как она накажет мальчишку дома, на обратном пути сама правила коляской. Но мальчик домой не вернулся; неделю спустя рыбаки, промышляя на этой реке, нашли в сетях его мертвое тело.

Утонул случайно, решила полиция, и дело вполне могло обстоять именно так. Но домашняя прислуга и крестьяне окрестных деревень рассудили совсем по-другому. Леля, говорили они, лишила мальчика своего покровительства, и потому русалка тотчас же подстерегла его. Сама Елена веско подтверждала обвинение; да, соглашалась она, именно она и никто иной отдала непокорного крепостного своим верным слугам-русалкам. Семья была повержена в ужас и слухами, и тем, что девочка охотно соглашалась с ними. При всем том Елена, вопреки присущей Долгоруковым властности, была действительно сердечным, добрым и внимательным ребенком. Она мгновенно приходила в ярость, но еще быстрее прощала, забывала и никогда не таила в душе злобу или раздражение. Однако аристократичных родителей беспокоило ее сильное влечение к детям из низших классов общества. «Она всегда предпочитала играть с детьми прислуги, а не с равными себе, и нужно было постоянно быть начеку, чтобы она не убежала из дому водить дружбу с оборванными уличными мальчишками», — писала одна из ее тетушек. Еще сильнее беспокоили семейство утверждения Елены, будто у нее есть незримая команда приятелей по детским играм, с которыми она проводит много времени. Казалось, они были для нее не менее реальны, чем существа из плоти и крови, и ей сильно досаждало, что в их существование никто не верит. С учетом одного более позднего события из ее жизни интересно, что самым любимым среди всех ее «невидимых» приятелей был маленький горбатый мальчик. Именно с ним она болтала, смеялась, пускалась в приключения, а он увлекал ее в бесконечные проказы и озорство.

В 1835 году, когда Елене было около четырех лет, родилась ее младшая сестра Вера. А следующий год принес перемену к лучшему. Петра фон Хана перевели по службе в Санкт-Петербург, и он взял с собой жену и детей. Здесь, в красочной и волнующей жизни столичного города, романистка наслаждалась театрами, выставками картин, новыми книгами и беседами со многими русскими писателями, среди которых был Александр Пушкин. Все это вновь воспламенило дух, приглушенный было скучной жизнью в провинции, и она решила впредь уделять все свое время писательству.

Выполняя это решение, Елена Андреевна на время рассталась с мужем, которому вновь приказано было служить в каком-то гар-

низине на Украине. Вместо отъезда с ним она уехала со своими родителями в Астрахань, романтический полувосточный город на острове, там, где могучая Волга впадает в Каспийское море. Отец ее был назначен в этот город на должность попечителя, или главного куратора калмыцкого населения.

Здесь, пока няньки и мамки заботились о двух ее маленьких дочерях, а ветры с моря гоняли по астраханским улицам песок, Елена Андреевна писала, — писала с тихой полуночи до начала шумных вечерних базаров. Свои произведения она подписывала литературным псевдонимом Зинаида Р-ва.

В своем романе «Идеал» она говорит: «Женщина, самой природой поставленная выше толпы, попадает в положение воистину отчаянное. Стоглавое чудовище общественного мнения объявляет ее безнравственной, забрасывает грязью ее самые благородные чувства, ее чистейшие помыслы... Общество отвергает ее, как отвергает преступника...»

Ее слова, без сомнения, рожденные горьким личным опытом, были удивительно пророческими в отношении той житейской доли, которая выпадет ее дочери Елене Петровне.

Следующие несколько лет жизни писательницы прошли в постоянных переездах; она останавливалась то в доме своих родителей, то в гарнизонах, где служил ее муж, то у источников минеральных вод, где она надеялась поправить здоровье, которое становилось все хуже и хуже. Елена Андреевна подыскала своим дочерям двух гувернанток, одна из которых, мисс А. С. Джефферс, была родом из Йоркшира и говорила с провинциальным акцентом. Юную Елену учили французскому и английскому языкам, музыке и танцам.

Тем временем ее больная, несчастная мать, преодолевая все препятствия, продолжала занятия литературой. Вера вспоминает: «...Мне помнится... моя мать тяжело страдала, но долгими часами писала за перегородкой, покрытой зеленой тканью. Маленький укромный уголок позади этой зеленой изгороди называли ее рабочей комнатой, и никогда ни моя старшая сестра Леля, ни я сама не смели хоть пальцем тронуть что-нибудь в этой комнате, отделенной от нашей только занавеской. Тогда мы никак не могли понять, чем наша мама может долгими часами заниматься в том убежище, где она проводила целые дни. Мы знали только, что она писала за своим столом, но

даже не предполагали, что она трудилась там, зарабатывая деньги на оплату наших учителей и гувернанток».

Когда Елене Петровне исполнилось восемь лет, ее дед по матери, А. М. Фадеев, был назначен саратовским губернатором и обосновался в соименном губернии городе на берегах Волги. Вскоре ее мать-писательница согласилась приехать туда в надежде вылечить болезнь легких. Для двух маленьких девочек поездка по незнакомым местам к дедушке и бабушке была заманчивым приключением. Вера, которой было тогда всего-навсего пять лет от роду, припоминает некоторые впечатления: «Ночь. Нашу крытую повозку мягко покачивало с боку на бок. Утомленные долгой ездой и попытками увидеть город, который так и не показался, мы почти спали. Нас с сестрой убаюкивали мягкое движение по снегу, посвистывание ветра и монотонные возгласы кучера, погонявшего лошадей. Не спала только мама. Она держала меня на коленях и одной рукой прижимала мою голову к себе, стараясь уберечь меня от тряски повозки по неровной дороге... Внезапно меня разбудил сильный толчок на ухабе, а яркий луч света, направленный в лицо, ослепил меня... Наша повозка въехала в большие каменные ворота и остановилась перед великолепно освещенным крыльцом».

Затем она вспоминает о том, как высокая величавая барыня — ее бабушка, княжна — заключила ее в объятия, а высокий худощавый старик в сером сюртуке, ее дед, несколько раз поцеловал ее; как в жилых покоях она смотрела на развешанные по стенам портреты предков и пила горячий чай.

Несколько месяцев спустя, в 1840 году, здесь, в Саратове, родился ее брат Леонид.

Но медицина в Саратове, где жили тогда всего-то тридцать тысяч человек, ничем не могла помочь болезненной молодой матери, и через некоторое время она возвратилась к мужу на Украину. Смерть ее подступала все ближе и ближе.

Ранней весной 1842 года она отправилась в Одессу лечиться минеральными водами. С ней были трое детей, две гувернантки и личный врач, который теперь неотлучно находился рядом. Одесса как черноморский порт, обслуживающий земледельческие степные районы, увеличивалась тогда с каждым днем. От саратовских бабушки и дедушки ее отделял долгий и мучительный путь. Но несмотря на

то, что повозки были тогда неудобные, а дороги — плохие, русская знать часто преодолевала в своих поездках немыслимые расстояния, особенно в тех случаях, когда на карту были поставлены семейные дела.

Именно такая важная семейная причина влекла теперь, в мае 1842 года, саратовского губернатора и его супругу в Одессу. Бесконечную с виду степь еще окутывал зеленый покров буйных трав и молодой пшеницы, когда чета Фадеевых, которым было по пятьдесят три года, совершала трудный путь из Саратова с намерением повидать свою дочь в Одессе.

Елене Андреевне фон Хан, создательнице девяти романов, было всего лишь двадцать восемь лет, но она умирала. Ее черные выразительные глаза на бледном лице казались необыкновенно большими, и было ясно, что страшная болезнь, туберкулез, уже неизлечима. Оставалось только молиться, всеми силами скрывая печаль о своих маленьких детях (Леониду было всего два года), и ждать кончины.

Смерть настигла ее в середине лета 1842 года, и вскоре одиннадцатилетняя Елена, Вера, которой было семь лет, и маленький Леонид отправились с дедушкой и бабушкой в долгий путь по безлесым, бурным просторам осенних степей обратно в Саратов. Здесь для Елены должна была начаться новая жизнь. После бесконечных поездок с несчастной, всегда поглощенной своими мыслями матерью и легкомысленным отцом, который вечно был в отлучках со своим полком, ей пришлось подчиниться строгим порядкам и испытать на себе влияние личности одной из самых выдающихся женщин того времени.

Глава 2

Ум леди Эстер Люси Стенхоуп восхищал ее дядюшку мистера Питта, а ее красоту превозносил мистер Браммель. Она выполняла в Сирии тайные поручения английского правительства, повидала большую часть мира и встречала множество самых интересных людей. Она часто разъезжала в мужском одеянии, но иногда, на Востоке, в одеянии роскошном — вышитых золотом шароварах, атласном жилете, золотом бурнусе, с саблей.

Она писала о людях, которые произвели на нее самое сильное впечатление. В своей книге о России эта надменная, вечно дымящая курительной трубкой английская аристократка говорила: «В этой варварской стране я встретила выдающегося ученого, женщину, которая могла бы стяжать европейскую славу, но осталась совершенно безвестной из-за несчастья родиться на берегах Волги, где нет никого, кто бы мог распознать и по достоинству оценить ее значение в науке».

Елена Павловна Фадеева, урожденная княжна Долгорукова, владела пятью языками, штудировала естественные науки, особенно геологию и ботанику, составила личный музей природных редкостей и писала книги о своих изысканиях в области естественных наук, археологии и нумизматики.

Вопреки сказанному леди Стенхоуп, она отнюдь не была неизвестна виднейшим ученым того времени и состояла в переписке с ними. Г-н Игнас-Хавьер Омер-де-Гелль, геолог и путешественник, письменно признавал ее научные достижения, много способствовавшие его собственным исследованиям. Президент Лондонского географического общества, сэр Роберт Мэрчисон, посетил ее жилище, затерянное в далеких украинских степях, и, говорят, назвал в ее честь одну ископаемую раковину. Правда, не сообщают, сочла ли она это комплиментом.

Эта замечательная княжна Долгорукова, отмеченная благородством ума, внешности и манер, оказала решающее влияние на жизнь своей внучки Елены Петровны фон Хан.

Дом, в котором они жили в Саратове, по-своему сильно воздействовал на ум ребенка. Его описывали как «огромный, похожий на замок барский особняк, где стены длинных величественных залов были увешаны фамильными портретами Долгоруковых и Фадеевых». Под особняком были мрачные подземные ходы и пещеры, в которых, по слухам, обитали призраки крепостных, запоротых насмерть прежним властным и жестоким управляющим.

Эти подземные коридоры с неотразимой силой влекли к себе маленькую Елену. Девочка часто засыпала в них, и после бесплодных поисков в других местах отряд перепуганных слуг, собравшись с духом, искал ее в населенных призраками пещерах. Они могли быть уверены, что найдут Елену занятой разговором с кем-то неви-

димым для всех, кроме нее самой. Она частенько проводила здесь время своих прогулок, предаваясь одиноким мечтаниям или играя со своими незримыми приятелями, в том числе — с маленьким горбатым мальчиком.

С самого раннего детства Елена жила в двух мирах. Одним был мистический мир, недоступный всем, кто окружал ее, даже мудрой старой бабушке. Но для нее самой он был живым и действительным, заключающим в себе множество страшных тайн. Другим был мир сорванца, девочки с мальчишескими ухватками, мир безмерных удовольствий, куда ей надлежало пробить себе путь любой ценой. Именно в этом мужском мире она училась у солдат своего отца клясться, божиться и очертя голову скакать на первом попавшемся казачьем коне — неоседланном или в мужском седле. Но даже в самых ее бесшабашных выходках временами проглядывал иной мир. Однажды, к примеру, когда она сломя голову мчалась галопом по степи, конь перестал повиноваться ей. Он понес и неожиданным поворотом в сторону выбил наездницу из седла. Нога ее застряла в стремях, и она повисла, почти касаясь головой и плечами земли, а конь во весь опор мчался к дому. В таких обстоятельствах многие всадники были бы тяжко покалечены или убиты, и казалось почти чудом то, что четырнадцатилетняя девочка уцелела. «Я отчетливо ощутила себя, — рассказывала она, — в объятиях странной силы, которая поддерживала меня вопреки земному тяготению». Елена была совершенно цела и невредима, когда коня наконец остановили.

Два ее мира прекрасно сочетались, когда она занимала своих младших, а иногда и старших друзей яркими, часто страшными рассказами, сотканными вокруг бабушкиных ископаемых раковин, чучел животных, черепов и скелетов.

«Она привыкла грезить вслух, — вспоминала ее сестра Вера, — и рассказывала нам о своих видениях, несомненно ярких, живых и для нее самой не менее реальных, чем сама жизнь. Как прекрасно она описывала таинственную жизнь этих существ!.. Как пылко изображала она их былые схватки и сражения, уверяя нас, что видела все сама, своими глазами!»

Иногда она рассказывала свои истории, лежа на земле, под открытым небом; тогда она водила пальцем по песку, набрасывая фантас-

тические очертания давно умерших чудовищ, чьи разрозненные останки покоились глубоко в песках вокруг нее. Она описывала их внешний вид и местность, где они обитали, с такой поразительной ясностью, что ее слушатели переносились в дикий доисторический мир, а дети вздрагивали от страха.

Елена обладает великолепным воображением, говорили взрослые; но здесь, вероятно, было нечто большее, чем воображение, — тот врожденный дар психометрического ясновидения, который открывал ей двери незапамятного, давно умершего прошлого.

В повседневном, обыденном мире Елена не выносила никаких ограничений. Она держалась так, будто долгоруковской крови в ее жилах было невыносимо тяжело повиноваться приказам, кроме тех случаев, когда она испытывала глубокое уважение к приказывающему ей. Такое почтение не имело ничего общего ни с должностью, ни с властью. По всей видимости, она должна была признавать врожденную мудрость своей бабушки и покоряться воле старой дамы, но покорялась не всегда, особенно в тех случаях, когда ее донимало острое любопытство.

В старом доме высоко на стене висела картина, укрытая занавесом. Елене захотелось узнать, что же скрывается за тканью. «Портрет одного из твоих предков», — говорили ей. «Тогда *почему* он спрятан и можно ли увидеть его?» — «Нет, *нельзя*».

Маленькая барышня Хан решила, что здесь должно быть нечто в самом деле интересное. Она выждала удобный случай обнаружить это сама. Однажды, когда ей показалось, что путь свободен и препятствий нет, она придвинула к стене стол, поставила на него второй стол, поменьше, а на самый верх водрузила кресло. Затем влезла на шаткие подмости и поняла, что теперь сможет добраться до занавеса, скрывающего тайну. Опершись для равновесия одной рукой о пыльную стену, она потянула занавес в сторону.

Воздействие увиденного было воистину поразительным. Она сделала произвольное движение назад и нарушила свое зыбкое равновесие. От страха упасть или от самого падения девочка, видимо, потеряла сознание. Потом она поняла, что лежит на полу, совершенно целая и невредимая. Еще удивительнее было то, что столы и кресло, которыми она воспользовалась, были аккуратно расставлены по своим обычным местам, а портрет вновь скрыт занавесом.

«Не привиделось ли мне все это?» — удивилась Елена. Нет, не привиделось: высоко на стене, где висел портрет, остался отпечаток ее маленькой ладошки.

Чьи же сильные руки подхватили и спасли ее? Разумеется, не руки кого-то из взрослых, иначе возникла бы страшная суета. Должно быть, думала она, это рослый темный мужчина, который иногда посещал ее видения. Вероятно, именно его руки помогли ей, когда понес конь. Она чувствовала, что так оно и было. Конечно же, он должен быть ее ангелом-хранителем, ее незримым защитником.

Человеку же из плоти и крови, вызывающему ее острый интерес в поисках ответов на множество загадочных вопросов о жизни, «мудрому старцу», было около ста лет. Он жил в лесистой долине на берегу Волги. Людская молва считала его настоящим колдуном, но колдуном в общем великодушным и добрым. Он исцелял проходящих к нему добрых людей и карал грешников, насылая на них болезни. К тому же, как говорили, он видел будущее.

Конечно же, колдун умел обращаться с пчелами, лесными птицами и зверями. Елена могла застать его ходящим среди ульев, с головы до ног облепленного роями жужжащих пчел. Иногда он разговаривал с ними на странном языке, который пчелы, казалось, понимали. Они никогда не жалили старика.

Елена проводила много времени в его лачуге, внимательно слушая пояснения о том, как надо понимать язык пчел и диких животных, рассказы о мистических свойствах растений. Она расспрашивала старика обо всем на свете, выказывая страстное желание учиться.

Однако гувернантки находили, что Елена отнюдь не исполнена рвения к классическому образованию, хотя у нее был дар к музыке и языкам. Те редкие книги, которые она читала с жадностью и интересом, казались неподобающими девице, которую готовили к достойному замужеству и видному положению в высшем свете. Какой смысл могли иметь магия, алхимия и тому подобное для барышни благородного происхождения?

К счастью, в подвалах и на чердаках старого особняка были укромные местечки, а на берегу Волги — густые деревья. Там она могла скрываться от своих наставников и часами читать книги, наполненные необыкновенным знанием. Такие книги можно было найти, если знать, где искать, в большой библиотеке ее деда.

Многие годы спустя она писала об этом князю Дондукову-Корсакову, бывшему тогда градоначальником Одессы: «Мой прадед по матери, князь Павел Васильевич Долгоруков, имел странную библиотеку; его собрание книг включало сотни томов по алхимии, магии и другим оккультным наукам. Я читала их с глубочайшим интересом еще до того, как мне сравнялось пятнадцать лет. В моей голове нашла приют вся черная магия, вся чертовщина средних веков, и вскоре ни Парацельс, ни Кнутхарт, ни Г. Агриппа ничему уже не могли научить меня».

Годы шли. В 1845 году на месяц приехал ее отец, теперь полковник сорока семи лет, с бликами седины на висках и двумя-тремя морщинами на красивом лице. Позже Елена провела несколько месяцев недалеко от Уральских гор, на границе монгольских земель в обществе дяди.

В следующем году ее дед получил назначение на должность директора департамента государственных имуществ в Закавказье и отбыл с женой к новому месту жительства на южной оконечности Кавказских гор — в Тифлис. Дети семейства Хан не уехали вместе с ними. Вместо отъезда на юг они сопровождали свою тетку, сестру матери, Екатерину, которая была теперь замужем за Ю. Ф. Витте, на отдых в сельскую усадьбу на дальнем берегу Волги. В маленьком обществе были обе неизбежные гувернантки, но двоюродный брат Сергей Витте, будущий премьер-министр России, пока еще не родился.

В начале мая 1847 года дети с тетей Екатериной и гувернанткой пустились в долгий путь до Тифлиса. От Саратова они плыли вниз по Волге до расположенной в ее устье Астрахани, а оттуда — на другом корабле по Каспийскому морю до Баку. Сойдя на берег в этом порту, они отправились в запряженной лошаадьми повозке вверх по долине реки Куры и через горные перевалы в Тифлис.

Дедушка и бабушка вместе с девятнадцатилетней тетей Надей проехали часть пути навстречу путешественникам, а потом все с удовольствием отдыхали в нескольких приятных местах по дороге домой. Без малого два месяца спустя после отъезда семейство наконец-то добралось до Тифлиса.

Здесь дедушка и бабушка Елены жили во дворце Чавчавадзе; в прошлом он принадлежал князю Александру Герсевановичу Чавчавадзе, известному грузинскому поэту, чья старшая дочь Нина была замужем за великим русским писателем Грибоедовым.

Но дом этот не принес счастья подрастающей Елене. Ей причиняло муки то, что она считала тиранством сварливых и слишком уж щепетильных гувернанток, а также установленная бабушкой строгая дисциплина. Она находилась в постоянном состоянии мятежа против налагаемых ими ограничений. Такие ограничения были по большей части сопряжены с теми принятыми в хорошем обществе условностями, которые она от всей души считала бессмысленными и дурацкими. Временами она охлаждала свое пылкое негодование и чувство обиды посредством бешеной скачки на самом горячем коне, какого только можно было найти в конюшне. Иногда надолго погружалась в какую-нибудь старинную книгу о путешествиях, алхимии, магии или других видах специального оккультного знания.

Одним из многих посетителей, приезжавших с визитами в тифлисский дом Фадеевых, был Никифор Васильевич Блаватский. Господин Блаватский лысел и казался Елене очень старым; она прозвала его «Облезлым Вороном». Однако в действительности ему было всего-то сорок лет. Господин Блаватский более или менее привлекал ее в двух отношениях. Он хорошо знал Закавказье, где прослужил несколько лет, занимая различные должности в гражданском управлении. Возвратившись после непродолжительного пребывания в Персии, он был назначен вице-губернатором вновь учрежденной Ереванской губернии, расположенной далеко к югу в горах Армении. Из-за отсутствия военного губернатора он, по сути дела, единолично управлял губернией.

Еще одно очко в свою пользу Блаватский заработал тем, что в отличие от знакомых Елене молодых мужчин никогда не высмеивал ее глубокий интерес к оккультизму. Более того, он рассказывал ей интереснейшие истории об армянских колдуньях и чародейках, о тайных науках персов и курдов и даже говорил, что сам располагает собранием редких оккультных книг. Да, Никифор Васильевич Блаватский, если и выглядел иногда глуповатым, все равно составлял общество более приятное, чем ее молодые родственники, — те не думали ни о чем, кроме выпивки, охоты и секса — трех занятий, вызывавших у Елены безграничный ужас и отвращение.

Но в другом мужчине, который часто бывал званым гостем семейства и вел с Еленой долгие удивительные беседы, она увидела гораздо более серьезного и глубокого исследователя оккультного знания.

Это был князь Голицын, родственник наместника императора на Кавказе. В обществе он прослыл «не то франкмасоном, не то колдуном, не то ворожеей».

В один из зимних дней 1848/49 года Елена была помолвлена с Никифором Васильевичем Блаватским. Исследователи с полной определенностью установили время помолвки, но причина ее все еще остается тайной. Тем не менее кажется, что следующие несколько месяцев девушку одолевали сильные предчувствия дурного. Если верить слухам, она сбежала из дому вслед за князем Голицыным, который чуть раньше оставил Тифлис.

История эта берет начало в биографическом очерке, написанном для русских читателей г-жой Писаревой. Она утверждает, что слышала ее от мадам Ермоловой, муж которой в 1840—1850 годах был тифлисским губернатором. Все Ермоловы были закадычными друзьями семейства Фадеевых во времена злосчастной помолвки и сопряженных с нею событий.

Легко представить себе скандал, разразившийся в светских кругах провинциального общества, и ужас, который охватил всю семью. Дед и бабушка больше всего на свете желали как можно быстрее выдать замуж своенравную подопечную. Но по-прежнему ли желает вступить с ней в брак господин Блаватский?

Предполагали также, что князь Голицын сообщил тогда ревностной молодой исследовательнице оккультизма какие-то жизненно важные сведения, включая адрес некоего оккультиста в Египте, и договорился о ее путешествии за границу в обществе еще одной русской дамы.

Но сначала нужно было уладить небольшое дело — бракосочетание с вице-губернатором Н. В. Блаватским.

Глава 3

Биографы называли несколько причин готовности Елены стать женой человека, который не вызывал у нее ни любви, ни хотя бы привязанности. Кое-кто говорил, что ее мягко, но непреклонно принуждала к замужеству семья. Однако она едва ли принадлежала к тем барышням, которые из страха перед общественным мнением могли согласиться на что угодно вопреки собственным желаниям.

Она явно следовала некоей идее. Предполагали даже, что замужество виделось ей вратами свободы, выходом из докучных, надоедливых ограничений, налагаемых наставниками, дедом, бабушкой и многочисленными родственниками. Ведь по сути дела она была сиротой. Отец со своим полком вечно был в отъезде, а каждый взрослый член семьи всегда был готов с упреком напомнить Елене о ее обязанностях. Замужество возвышало ее над всем этим и приобщало к более независимому положению взрослой дамы. Она вполне могла руководствоваться и такими соображениями.

- Ее тетушка Надежда называет еще одну причину и описывает происшествие, случившееся в большом тифлисском доме, когда беспокойный нрав Елены сильнее обычного разозлил одну из гувернанток.
- Вы никогда не найдете мужчину, который женится на вас. Даже «Облезлый Ворон», как вы называете его, не возьмет в жены злючку вроде вас, — колко насмеялась гувернантка.
 - Это все, что вы знаете, — парировала Елена, — Я могла заставить его сделать мне предложение в любую минуту, и на самом деле заставлю, как только увижу в следующий раз.

Гувернантка недоверчиво рассмеялась:

- Я поверю вам, когда это произойдет на самом деле!

Тремя днями позже господин Блаватский посетил дом Фадеевых и сделал семнадцатилетней барышне Хан предложение, которое было принято.

Ее согласие прежде всего было вызвано необходимостью доказать сомневающимся, что предложение о замужестве действительно было сделано. Но если она и в самом деле хотела затем расторгнуть помолвку, должен был найтись способ уладить все до венчания, несмотря на огромное желание родственников любыми средствами выдать ее замуж.

Возможно, эта шальная выходка — побег вслед за князем — была только проявлением страха при мысли о супружестве с Блаватским и попыткой разорвать помолвку. Если дело действительно обстояло именно так, то попытка не удалась. Внешне Блаватский не изменился. Его самолюбию льстило, что привлекательная, одухотворенная девушка семнадцати лет согласилась быть его женой.

Что же касается Елены, то все ее соображения — освобождение от семейных строгостей и доступ к новым сферам оккультных

знаний — выглядят недостаточно сильными для того, чтобы принудить кого-то с ее характером к супружеству без любви. Видимо, брак этот мог иметь какие-то причины оккультного свойства, которые она никогда не раскрывала.

Факты могли быть какими угодно, но, к приятному удивлению семьи, обручение состоялось. В июне 1849 года она в сопровождении множества родственников, включая Витте и дядюшку Ростислава, брата покойной матери, приехала в Гергер в окрестностях Еревана. Тетушка Екатерина Витте была на сносях и как раз перед свадьбой родила будущего премьер-министра России Сергея Юльевича Витте.

Младенцу было всего лишь восемь дней от роду, когда 7 июля все собрались в церкви селения Каменка на красочный обряд бракосочетания. Венчание шло должным образом за одним-единственным исключением. Когда невесту спросили, обещает ли она повиноваться мужу, те, кто стоял близ нее, увидели, как она побледнела, и услышали ее тихий невнятный шепот: «Конечно же нет». Но священник, вероятно, не расслышал неладное, и члены ее семейства с облегчением вздохнули, когда юную мятежницу по всем правилам объявили женой вице-губернатора Блаватского.

В тот же день супружеская чета отбыла в Дарачихаг (Долину цветов) — дачное место в горах неподалеку от Еревана. Здесь, среди сказочных красот природы, семейная пара начала свой медовый месяц. Месяцу этому суждено было стать очень и очень печальным. У них были совершенно различные и даже полностью противоположные представления о значении брачных уз. Никифор надеялся на обычный брак и выполнение супружеских обязанностей в прекрасной горной долине. Но бедолагу угораздило жениться на сильной волевой женщине, которой было воистину предопределено остаться девственницей.

Елена всеми силами старалась забыть еженощные столкновения, а вместе с ними — ту ловушку супружества, в которую она попала, отправляясь верхом через всю долину к подножию горы Арарат. Иногда она думала о побеге, но ее всюду сопровождал телохранитель вице-губернатора, военный вождь одного курдского племени по имени Сафар Али-бек Ибрагим-бек-оглы. Курд этот был неизменно вежливым, почтительным и надежным, слишком надежным охранником и слишком хорошим всадником для осуществления мыслей Елены о немедленном побеге.

Злосчастные дни нехотя складывались в недели, а тяжкое положение не изменялось к лучшему. В дачной местности не было книг, которые стоило бы читать. Елену окружали горы, похожие на стены крепости, а нелюбимый муж превратился в тюремщика. По иронии судьбы то, в чем она раньше видела средство освобождения от навязываемого ей поведения, оказалось еще более жестким и невыносимым ограничением. По выражению ее йоркширской гувернантки, она попала из огня да в полымя.

Временное облегчение настало с приездом ее деда, бабушки и тетушек после почти двух месяцев сплошных кошмаров, которыми был отмечен ее медовый месяц. Они приехали в конце августа, а несколько дней спустя все общество отправилось в Ереван.

Ереван оказался городом бедным, беспорядочно разбросанным по ровным площадкам среди гор. Удивительно красивыми здесь были только вечные снега, застывшие в величественном спокойствии на вершине горы Арарат. Они сияли белизной приблизительно в сорока верстах от города, составляя контраст с его узкими и грязными от пыли улицами.

Единственное, что порадовало Елену в ее новом доме, была «огромная колонна, обломок дворца Тиридата, вся покрытая надписями». Надписи переводил и толковал ей ученый монах из Эчмиадзинского монастыря. Здесь, полагала она, была колыбель, прародина племени аккадян, которые покинули Армению, чтобы стать древними халдеями.

Но за исключением этого развлечения и радости, доставленной несколькими найденными в библиотеке оккультными книгами, город оказался новым местом заточения. Дед с бабушкой и тетушки уехали в Тифлис, отдаленный многими сотнями верст пути через горы. Елена осталась наедине с Блаватским.

Потерпев поражение в медовый месяц, Никифор не оставил надежду осуществить свои супружеские права. Безрассудные настроения молодой жены должны же когда-нибудь да пройти, думал он и решил, что это время настало. Он повел себя с большей силой и властью, стал настойчивее. Битва желаний становилась все более нестерпимой и изнурительной.

Ее стремление бросить все, найти спасение в бегстве крепло с каждым днем. Она начала чувствовать себя так, будто ей было необходимо спасти себя от смертельной опасности. Однажды утром, после еще

более неистойой, чем обычно, ночной ссоры, Елена собрала свои светлые вьющиеся волосы в тугой узел на затылке. Глядя в зеркало, она заметила холодный свет, заменивший обычно оживленное выражение ее голубых глаз. Настало время действовать. Она надела шляпу для верховой езды и уложила несколько необходимых вещей в седельную сумку.

Как только она услышала, что муж ее уехал в свое присутственное место, она отправилась напрямик на конюшню и приказала конюху оседлать своего любимого казачьего коня. Это был сильный, выносливый верховой конь, способный, как и она сама, провести в непрерывной скачке по горам целый день.

Важнее всего было быстро исчезнуть, поскольку в любое мгновение вице-губернатор мог послать Али-бека сопровождать ее всюду, куда бы она ни собралась поехать. А от него она никогда не смогла бы убежать. Поэтому Елена сказала конюху, что надумала проехаться в южном направлении и на самом деле направила коня на юг. Позже, когда конюх потерял ее из виду, она повернула к северу и во весь опор помчалась в горы, отделяющие ее от Тифлиса.

Никто из обитателей тифлисского особняка, за исключением, быть может, ее младшей сестры, не запрыгал от радости при внезапном и драматическом появлении перепачканной с дороги госпожи Елены Блаватской. Что делать с ней теперь? Вопрос был серьезным и трудным. На следующий день семейный совет решил, что найти выход должен ее отец.

Но полковник Петр фон Хан был тогда далеко на севере, под Санкт-Петербургом. К тому же он только что вновь женился — на баронессе фон Ланге. Тем не менее вопрос о том, что же делать с молодой женщиной, был теперь его проблемой. Дед и бабушка полагали, что они уже сделали все возможное, благополучно выдав ее замуж. Они с радостью отправили бы ее назад к мужу, но из ее угроз поняли, что она просто-напросто снова найдет способ бежать и на этот раз отправится в какое-нибудь еще более отдаленное место, чем их дом. Они написали ее отцу письмо с просьбой повидать ее, поговорить с ней и определить наилучший способ действий. Полковник ответил, что не в состоянии приехать так далеко, в Тифлис, но встретит свою заблудшую дочь в Одессе, если они сумеют отправить ее с подобающим сопровождением в этот город на берегу Черного моря.

По тону его письма, часть которого ей прочитали вслух, Елена поняла, что полковник вряд ли будет снисходителен к дочери, которая причинила столько беспокойства семье. Скорее всего он прикажет ей возвратиться к Никифору Блаватскому. Вынести это было невозможно. Стало быть, лучшее, что она может сделать, — не видеть отца, несмотря на сильную к нему привязанность. Тем не менее внешне она согласилась с планом старших.

Поэтому в то время, когда дед и бабушка были заняты обстоятельными приготовлениями к ее поездке, она сама была увлечена подготовкой собственных тайных планов. В долгом путешествии к Одессе самым удобным был путь через горные долины к порту Потти на Черном море, а оттуда — на корабле. Дед и бабушка поручили двум надежным людям, один из которых давно и преданно служил им, сопровождать Елену до тех пор, пока она не встретит отца.

Но Елена задумала где-то в дороге ускользнуть от своих провожатых. В ее намерения входили полный разрыв с прошлым, отъезд из России и начало великого поиска. Такие планы юной дамы восемнадцати лет от роду конечно же были в то время невероятно дерзким, рискованным предприятием.

По некоторым данным — и это вполне вероятно, — ее действия опирались на сведения, полученные от князя Голицына, и на оказанную им помощь. А вскоре после того, как Елена покинула русскую землю, именно он устроил ей встречу с русской путешественницей графиней Киселевой.

Глава 4

В письме князю Александру Дондукову-Корсакову, написанному через тридцать лет после этих событий, Елена утверждала: «Все, что я мечтала найти, был тонкий магнетизм превращений, «соль» человеческая, чего не имел папаша Блаватский. А я ради того, чтобы понять и обладать всем этим, готова была принести себя в жертву, обесчестить себя!»

По существу, ее великий поиск имел своей целью символический философский камень, обращающий свинец человеческой природы в царственное золото природы божественной. Доктор Франц Гарт-

манн в своей книге «Парацельс» называет его той твердой опорой, скалой, на которой зиждется основание духовного строения. «Это Христос в человеке, воплощенная божественная любовь. Это свет мира, самая сущность того, из чего был сотворен мир; это не просто дух, но дух воплощенный».

Елена Петровна Блаватская еще до отъезда из Тифлиса понимала, что если она сядет в Потю на пароход, бежать ей не удастся. Пароход доставит ее напрямик в Одессу, где встречи с ней ожидает полковник фон Хан. Поэтому она должна так или иначе опоздать на пароход. Но старый слуга строго выполнял приказы своего господина и твердо решил прибыть в порт вовремя. Елена всеми силами старалась предотвратить отъезд, не позволяя старику разгадать свои намерения. Поэтому двести верст путешествия стали непрерывным столкновением воли и твердых намерений.

Елена почти победила. Когда они добрались в Потю, пароход только что отошел от берега. Но в порту было еще одно судно — небольшой парусный корабль «Коммодор» под английским флагом, и Елена утешила старого слугу, сказав, что разузнает, не доставит ли их это судно в Одессу.

Она поднялась на борт и нашла капитана. Он пояснил, что плывет в Керчь на Крымском полуострове, далее — в Таганрог, что на северной оконечности Азовского моря, а затем по проливам и через Черное море в Константинополь.

«Хорошо, — сказала восемнадцатилетняя аристократка, — я плыву с вами в Константинополь».

«Но это невозможно, — уведомил ее капитан, — у меня нет помещения для пассажиров». Йоркширская гувернантка не сумела дать ей необходимого запаса слов для беглой английской речи, но Елена сумела создать впечатление, что располагает бесконечным запасом рублей. Она предложила капитану крупную сумму, если он возьмет на борт ее вместе со слугами в качестве пассажиров. Он уступил.

В Керчи, где вообще-то им следовало покинуть корабль, она отправила слуг в город с приказанием найти и приготовить ей приличное помещение. Она сойдет на берег следующим утром, и они останутся в Керчи до тех пор, пока не найдут средство добраться до Одессы сушей или морем. Не ведая о ее действительных намерениях, послушные долгу слуги отправились на поиски жилья.

В ту же ночь «Коммодор» вышел из порта с Еленой на борту. Следующим утром она стояла на палубе, наслаждаясь светом и свободой, — свободой ничуть не меньшей, чем у чаек, летящих над Азовским морем.

В этом путешествии Елена узнала, что далеко не все мужчины относятся к ней так, как она того хотела бы — как к одному из них самих. Капитан явно считал ее очень привлекательной и, видимо, решил, что она целиком и полностью в его власти. Елена поняла, что этот первый встреченный ею англичанин был скорее свиньей и нахалом, чем капитаном.

Их корабль встал на якорь в некотором удалении от береговой линии Константинополя, но капитан и не пытался отправить свою пассажирку на берег. Это очень трудно и опасно, внушал он ей, и обстоятельства не станут иными до тех пор, пока она не окажет ему известную любезность. На сей раз он имел в виду не рубли.

Поэтому она решила попросить о помощи стюарда, который был дружелюбно расположен к ней и выглядел добрым малым. Не сможет ли он нанять в гавани один из тамошних каиков? Она, конечно же, заплатит, и хорошо заплатит ему за труды. Стюард боялся капитана и не решался сказать ни да, ни нет. Но с помощью денег она в конце концов уговорила его.

Вечером, несколько дней спустя, когда капитан был в отъезде, каик доставил Елену и ее багаж с «Коммодора» в укромное место на берегу. Перед ней лежал очаровательный и немного пугающий город Константинополь.

Она рассказывает об одном случае, который вполне мог произойти и во время ее первого приезда в Константинополь, так как она уже тогда испытывала недостаток средств, а мог совпасть и с ее вторым приездом в тот же самый город.

«В Константинополе мне нужны были деньги. Я решила заработать тысячу, — ее предлагали тому, кто выиграет скачки с препятствиями. Нужно было взять восемнадцать заграждений на дикой лошади, которая уже убила двоих грумов. Я взяла шестнадцать. На семнадцатом моя лошадь вздыбилась, упала назад и придавила меня. Я увидела мужчину, великана, одетого не по-турецки. Он вытащил меня из-под лошади в залитых кровью лохмотьях, — и ничего больше, кроме воспоминания о лице: я уже видела его

раньше. Это был тот самый таинственный Покровитель, который всегда появлялся в случае крайней необходимости».

Иными словами, она вновь получила незримую помощь, на этот раз в полной опасностей столице Турции.

Встреча со старинной знакомой ее семейства, графиней Киселевой, была, как предполагают, подготовлена заранее. Так или иначе, описание следующих лет, по общему согласию — достаточно туманное, изображает ее в путешествиях с графиней по Турции, Греции, Египту и Франции. В Египте она встретила с коптским оккультистом Паулосом Метамоном, чей адрес передал ей князь Голицын. Метамон был весьма богат, влиятелен и «широко известен как маг».

Позже мы находим ее в обществе еще одной русской аристократки, дружной с ее семейством, княгини Багратион-Мухранской. С этой дамой она путешествует по европейским странам и приезжает в Лондон, где они какое-то время живут в отеле «Мивартс» (теперешнем «Кларидже»). Некоторые ее биографы утверждают, что в Лондоне в 1851 году она проводила время со своим отцом. Но в письме к Синнетту сама Елена рассказывает, что отца с ней не было. После отъезда княгини она осталась одна «в большом отеле, расположенном где-то между Сити и Стрэндом или на Стрэнде. Но в отношении названий и номеров Вы можете расспрашивать меня с тем же успехом, что и в отношении номера того дома, где Вы жили в своем прошлом земном воплощении». Прошлое в ее памяти, особенно даты и номера, — это всего лишь иллюзии, нереальный покров видений.

Приблизительно тогда же в ее жизни происходит нечто действительно важное, но обстоятельства, место и время случившегося опять-таки до предела запутаны. В путевом альбоме она записывает, что событие это произошло в Рамсгейте 12 августа 1851 года. Но позже она рассказывала друзьям, что в действительности оно случилось в Лондоне, а упоминание о Рамсгейте было «ошибкой», предназначенной вводить в заблуждение тех, кто листал альбом. У нее были, подчеркивает она, весомые основания не доверять бумаге подлинных фактов.

Елена рассказывает, что однажды, когда она шла по улице, ее внимание привлекла экзотическая, но приятная внешность нескольких индийских принцев. Один из них был на редкость высок ростом. Разглядев его лицо, она по биению своего сердца узнала в нем

того самого мужчину, который так часто появлялся в ее видениях и которого она называла своим Покровителем. Невероятно, но он был живым, из плоти и крови, и, облаченный в красивое форменное платье, шел по лондонской улице. Первым ее побуждением было броситься вперед и заговорить с ним. Но он подал ей знак остаться позади, и Елена ошеломленно застыла, пока он со своими друзьями уходил все дальше и дальше.

На следующий день некое внутреннее побуждение заставило ее пойти на прогулку в Гайд-парк, расположенный с другой стороны улицы, напротив отеля «Мивартс». Она в одиночестве сидела на садовой скамье, раздумывая о вчерашней неожиданной встрече. Не могло ли все это пригрезиться ей? Но она уже увидела его, невероятно реального, шагающего к ней по траве. Как он узнал, что она придет именно сюда? Казалось, все ее существо поднялось навстречу ему; ее охватил невыразимый восторг. В то мгновение она поняла, что сделает все возможное и невозможное в мире для этого Великого человека. Внешне он был статным, величественным, исполненным спокойствия индийским принцем. Но она знала, что на самом деле он был чем-то неизмеримо большим.

Елена пыталась встать, но он мягким жестом усадил ее на скамью и сел рядом. Он рассказал ей, что вместе с несколькими индийскими принцами был в Лондоне по важному делу и, конечно же, заранее знал, что увидит ее здесь и сможет поговорить с ней.

Елена не могла поверить в реальность происходящего. Он продолжал говорить о том, что хотел поведать ей некоторые важные сведения о будущем и просить ее содействия в том большом труде на благо рода человеческого, который начинает он и другие.

В те времена она не слишком пеклась о человечестве, но после его слов загорелась желанием сделать все возможное.

Он дал понять Елене, что задача будет далеко не из легких, и предупредил о проблемах и трудностях, которые непременно настанут. Ей рекомендовалось основательно подумать об этом до их новой встречи, прежде чем принимать решение. Он же по-прежнему будет помогать ей, как только в этом возникнет необходимость. Со временем, если она решит принять участие в великом труде, ей придется провести известное время на Тибете, чтобы подготовить себя к предназначенной ей миссии.

С этого дня жизнь Елены наполнилась новым значением. Она начала понимать, что поиски оккультного знания были не только любопытством, но и подготовлением к особому пути, предназначенному ей свыше. И она обрела единственного мужчину, которого могла воистину любить, восхищаться им и повиноваться ему. Он не был призрачным порождением ее ума, он был реален! Другие могли воспринимать его как индийского принца, но Елена знала — он не был простым смертным.

Глава 5

Путеводителя по центрам эзотерического знания нет; оккультное золото существует там, где вы находите его. Понимая это, Елена пустилась в странствие по всему миру на его поиски.

Сначала они привели ее в Канаду, к местным индейцам, о которых она узнала лишь то, что они были первоклассными ворами. Затем она искала мормонов в Иллинойсе. Но здесь «оккультное чутье» вновь обмануло ее ожидания, когда она выяснила, что мормоны под предводительством Бригема Янга только что ушли на Дикий Запад.

Следующая попытка Елены была опять-таки неудачной. Она отправилась в самый центр колдовства в Новом Орлеане с намерением изучить тайны вудуизма. Но прежде чем она слишком глубоко погрязла в колдовстве и черной магии, вмешался ее Страж. Своим внезапным появлением он, на сей раз бесплотный, предостерег ее, что она связалась с теми зловещими силами, которые лучше оставить в покое.

Поэтому Елена отправилась далее к югу, через Техас в Мехико и через Центральную Америку в Перу. Ее целью были расположенные там останки древних цивилизаций.

В 1852 году мы находим ее в Вест-Индии в обществе «одного англичанина», который упомянут в нескольких свидетельствах о ее жизни, но ни разу не назван по имени. Мы знаем, что она впервые встретила с ним в Германии вскоре после того, как покинула Россию, и обнаружила, что он занят теми же поисками, что и она сама. Теперь Елена действовала вместе с ним и неким индусом, которого она встретила в Мехико и считала тогда учеником тайного братства Посвященных.

Трое ищущих решили вместе отправиться в Индию. Они прошли под парусами вокруг мыса Кап на Цейлон, а оттуда — в Бомбей. Это был первый приезд Елены в страну ее великой судьбы. Дата прибытия предположительна и туманна, но, по всей видимости, это произошло в конце 1852 года.

Троица вскоре распалась: у каждого складывались собственные планы исканий. Елена стремилась в Тибет, — именно там она надеялась увидеть своего Покровителя. Она смело пыталась достигнуть запретной земли, но так как время еще не пришло, Покровитель не помог ей, и попытка закончилась неудачей.

Поставленная в тупик срывами собственных планов, она уехала в Южную Индию, провела там некоторое время и возвратилась в Англию через Сингапур и Яву.

Большинство летописцев ее жизни согласны с тем, что она была в Англии несколько месяцев 1853-го и прожила там часть 1854 года, возможно до тех пор, пока царь Николай I в апреле 1854-го не объявил Англии войну и пока не начались серьезные боевые действия в Крыму. Ее сестра Вера, описывая этот период, отмечает, что Елена была членом Лондонского Филармонического общества, и ее удерживал там контракт. О выдающихся способностях Елены в качестве пианистки сказано многое, так что нет нужды повторяться.

Сама она говорит, что на протяжении этих месяцев в Лондоне снова встретила своего «таинственного индуса», и снова «в облике иноземца». На сей раз он прибыл в Лондон в обществе лишенного трона туземного князя. Князь этот был, вероятно, Дулип Сингх, махараджа Лахора, которого позже представили королеве Виктории. Князь и его свита прибыли в Саутгемптон в июне 1854 года. Стало быть, встреча Елены с ее Покровителем должна была произойти незадолго до ее отъезда из Англии. На этом свидании ее высокий, увенчанный чалмой Покровитель, как она сама рассказывала, сообщил, что судьба ее связана с Индией. Место призвания станет доступным, но позже, «в двадцать восемь или тридцать лет». А пока нет причин, мешающих ей провести там известное время и получше узнать эту страну.

Вероятно, именно в дни своего тогдашнего пребывания в Лондоне или, может, несколько ранее она, испытывая страшную подавленность, депрессию от неудачных поисков, стояла на мосту Ватерлоо с наме-

рением покончить с собой. «Грязная, тусклая вода Темзы казалась мне привлекательной могилой». Но прежде чем она смогла бы прыгнуть с моста, рядом с ней снова оказалась таинственная фигура ее Стража (сама Елена не отмечает, был он в земном теле или вне его). Он рассеял ее подавленное настроение и убедил в том, что поиски ее не будут напрасными, — она отыщет «философский камень».

К тому времени миновало около пяти лет со дня ее решительного побега из Еревана. Она уже объехала вокруг света, и у нее не было ни малейшего желания возвратиться в Россию. Ей казалось, что лучше дрожать от страха в путешествиях по окраинам мира, чем жить в безопасности в доме Блаватского.

Лето 1854 года застает ее сначала в Нью-Йорке, затем — в Чикаго, а потом — в крытом фургоне, идущем с караваном переселенцев на Запад. В этом путешествии она наконец-то познакомилась с мормонами в Солт-Лейк-Сити, городке штата Юта. Здесь она гостила у миссис Эммелины Бланш (Вудворд) Уэллс, редактора и издателя «Вуменз Экспонент», — впоследствии та, сплетничая со своей внучкой, как-то упомянула, что госпожа Блаватская носила тяжелые мужские ботинки.

Возможно, Елена совершила еще одно путешествие из Калифорнии в Мехико и Южную Америку. Но во всяком случае, где-то в 1855 году она уже пересекла Тихий океан и встретилась в Японии с некоторыми членами братства Ямабуши. Из Японии она отправилась на парусном корабле в Индию и приступила к решению увлекательной задачи — изучить эту таинственную страну.

Здесь мы находим еще одного очевидца, чьи башмаки покрывала та же самая пыль, которой были запачканы ботинки Елены. Это был бывший лютеранский пастор из Германии герр Кюхльвейн — возможно, родственник ее старой гувернантки, носившей то же имя. Он отправился в Индию ради своих собственных мистических изысканий и действительно нашел там молодую госпожу Блаватскую. К тому же полковник фон Хан просил Кюхльвейна отыскать его странствующую дочь, — при случае, когда позволяли обстоятельства, полковник посылал ей деньги и, конечно, очень беспокоился о ее безопасности и благополучии.

Отыскать ее, вероятно, было не так уж трудно: русские путешественники в Британской Индии времен Крымской войны были

редкостью. Они встретились в Лахоре, где Кюхльвейн и двое его товарищей, «братья N...», готовились под разными именами тайно проникнуть в Тибет. Елена, исполненная желанием вновь попытаться проникнуть на заповедную землю, согласилась с их планами. Они вместе отправились в Кашмир, в Шри-нагар и через долину Синда к Леху, расположенному на одиннадцать с половиной тысяч футов выше истоков Инда. Из Леха, главного города области Кадакх, несколько путей вели в сам Тибет, а севернее и западнее его лежали земли, называемые иногда малым Тибетом.

В своей книге *Изида без покрывала* Е. П. Блаватская пишет о нескольких своих встречах с татарским шаманом, который обладал явными телепатическими и другими экстрасенсорными способностями. Она повествует о том, как однажды попала в отчаянное положение, и шаман вызвал ей на выручку отряд в двадцать пять всадников-ламаистов.

Еще одна история гласит, что приблизительно в то же самое время она стремилась достигнуть Тибета на другом краю Индии, близ Дарджилинга. Проникнуть туда она не смогла: ей приказал уехать британский армейский офицер, лейтенант Муррей, служивший там пограничным начальником.

Многие годы спустя сам Муррей — отставной генерал-майор — поведал полковнику Олкотту и еще одному слушателю о том, как его солдат настиг госпожу Блаватскую где-то поблизости от границы. Ее доставили в дом Муррея; она познакомилась с его женой и около месяца гостила у них.

Беатрис Гастингс пытается устранить явное противоречие между этими двумя рассказами с помощью достаточно вероятного предположения, согласно которому солдат Муррея застал Елену близ границы в то время, когда она не шла в Тибет в одиночестве, но возвращалась оттуда. Если дело обстоит именно так, то она вполне могла ранее отыскать способ проникнуть в Тибет на северо-западе, из Кашмира, как утверждает другое повествование.

После отъезда из дома лейтенанта Муррея Елена затерялась в странстве великого континента Индостан. Описаний проделанных ею опытов и приобретенных знаний, говорила она Синнетту, хватило бы на целую книгу. Со временем она действительно написала об этом книгу, или, вернее, ту серию очерков для «Московских новостей», которая позже составила книгу *Пещеры и джунгли Ин-*

достана. Эту книгу и другие произведения на русском языке она подписывала литературным псевдонимом Радда-Бай. Но книга эта не содержит точного описания ее опытов; это скорее оригинальное смешение фактов и вымысла в том стиле, который принес ей литературную известность у русских издателей.

Елена рассказывала друзьям о времени, проведенном в Индии: «Я была зачарована. Я провела в путешествиях около двух лет, строго следуя предписанному мне пути, и каждый месяц получала деньги, ни сном, ни духом не ведая, кто посылает их. Я получала письма от Него [ее Покровителя], *но за эти два года ни разу Его не встретила*».

Еще до того, как в 1857 году вспыхнул мятеж сипаев, таинственный индус письменно приказал ей отправиться на Яву для «известного дела», а затем вернуться в Европу.

Возвратившись в Европу, она путешествовала по Франции и Германии. Позже, к исходу 1858 года, девять лет спустя после отъезда из дому, она ощутила непреодолимое желание вновь увидеть свою семью. К тому времени ей исполнилось двадцать семь лет; она стала зрелой женщиной, дважды объехала вокруг света, жила в экзотических странах, видела и изучала то, что лежало далеко за пределами самых дерзких мечтаний домоседов, оставленных ею на родине. Разумеется, теперь можно было не опасаться, что они постараются подчинить себе течение ее жизни или вернуть ее Н. В. Блаватскому. Возможно, к этому времени пылкая страсть Никифора все же остыла. Она от всей души надеялась на это, когда в ностальгическом настроении отправилась наконец в Россию.

Глава 6

Когда полковник фон Хан знал, где можно застать свою дочь Елену, он посылал ей деньги; но бывали продолжительные периоды времени, когда он даже не получал никаких известий о том, жива ли она еще. Он знал, что Вера не получила от нее ни одного письма, впрочем, как и все семейство Фадеевых.

Семья действительно никогда не получала известий от нее самой, но иногда узнавала о ней из тех скандальных слухов, которые дока-

ывались далеко на юг, до самого Тифлиса. Но чаще всего они не верили сомнительным рассказам. Некоторые были уверены, что долгое молчание — свидетельство ее смерти. Иначе она написала бы хоть строчку тем, кого так любила!

Вице-губернатор Никифор Блаватский всеми силами старался добиться расторжения своего брака, но церковь отказала ему в разводе. Поэтому он смирился со своей судьбой соломенного вдовца в надежде удалиться вскоре в свое сельское имение, «укромный уголок, о котором никто не знает, и жить там в окружении тихих радостей одиночества... Я утомлен безрадостной жизнью в Ереване»,— писал он Надежде, любимой тетушке Елены.

Несколько лет спустя после бегства Елены из России ее сестра Вера вышла замуж; мужем ее стал Николай Яхонтов. Но он вскоре умер, и на Рождество 1858 года молодая вдова с двумя маленькими сыновьями приехала к своему свекру генералу Яхонтову в Псков, на север России. Полковник фон Хан, все еще привлекательный мужчина, тоже был там. Он давным-давно ничего не слышал о своей блудной дочери, и никто не мог и подумать о том, что она приедет с гостями, которых звали на Рождество.

Рождество было особенным: вместе с ним праздновали свадьбу Вериной золовки. Тройки и сани, переполненные гостями, с весело звенящими колокольчиками подъезжали по снегу прямо к дому; слуги спешили в прихожую на звон дверного колокольчика, который, казалось, никогда не умолкнет. Шум приветствий и разговоров наполнял большие гостиные. В ярком свете люстр выстреливало пробками шампанское.

Наконец все уселись за стол; настало счастливое, но серьезное и важное мгновение. Самый достойный мужчина встал с бокалом в руке предложить тост за новобрачных. Он дождался молчания и почти начал тщательно подготовленную речь, когда вновь, звонко и требовательно, прозвонил дверной колокольчик.

Внезапное и странное предчувствие овладело Верой: она была уверена — у дверей звонит ее давно потерянная сестра. Мысль была безумной, она знала это, но сердце ее взволнованно билось, и прежде чем слуги хотя бы пошевелились, она вышла из-за стола и опрометью бросилась к входу.

Невероятно, но это действительно была Елена, закутанная в усыпанную снегом одежду. Слишком взволнованные для слов, сест-

ры обнялись со слезами радости на глазах. Вера повела сестру на свадебное празднество.

От неожиданности гости замолчали. Мгновение спустя полковник фон Хан, вытирая седеющие усы, вскочил на ноги, и все сразу заговорили. Глаза Елены светились любовью к соотечественникам и удовольствием от столь драматического появления. Прошло немало времени, прежде чем достойнейший муж смог вернуться к своей речи и своему тосту.

Еще до своего появления в Пскове Елена дала о себе знать деду, бабушке и тете Надежде, которые оставались на юге, в Тифлисе. Она, видимо, написала им откуда-то из России или по дороге в Россию и, возможно, просила узнать, как отнесется к ее приезду господин Н. В. Блаватский. 12 ноября 1858 года он получил от Надежды письмо, на которое ответил на следующий же день: «До сих пор я ничего не знал о возвращении Е. П. в Россию. По правде говоря, это давно перестало интересоваться меня. Время уносит все, даже саму память. Вы можете заверить Е. П. моим словом чести в том, что я никогда не буду преследовать ее».

Из семейных воспоминаний, написанных впоследствии и Верой, и Надеждой, мы узнаем, что по возвращении Елены Петровны Блаватской в Россию вокруг нее происходило гораздо больше таинственных явлений, чем вокруг той девочки, которая когда-то уехала отсюда.

«Негромкие постукивания и приглушенные до шепота голоса, таинственные и необъяснимые звуки слышались теперь постоянно и повсюду. Куда бы ни пришла вновь прибывшая обительница дома... были слышны удары и перемещения всего содержимого почти в каждой комнате дома, на стенах, на полу, в окнах, на диване, в диванных подушках, зеркалах и часах — короче говоря, везде». Станные вещи происходили вокруг Елены с самого детства, но теперь феномены приобрели большую частоту и настойчивость. Казалось, ее окружают незримые существа, которым она обеспечивает готовый источник психической силы. В известной степени она могла подчинять такие проявления своей воле, но по большей части они пребывали вне и выше ее власти. Она считала это большим неудобством, а нередко — сильной помехой; она знала, что может частично подчинить их своей воле или изгнать — либо сойти с ума. Она стремилась заставить этих существ повиноваться, и безуспешно.

События эти происходили приблизительно десятью годами позже возникновения современного спиритизма в Америке; начало ему положили странные явления в доме Джона Фокса в Рочестере. Вера в духов распространилась в Европе и в 1854 году была привезена в Россию людьми, которые наблюдали спиритические явления за границей. В светских гостиных Санкт-Петербурга многие забавлялись новым сумасбродством, хотя его осуждали и государственная церковь, и «научные авторитеты». Церковь называла его делом Сатаны, а ученые отметали как «психическое расстройство».

Обитатели Пскова, расположенного в ста восьмидесяти верстах от Санкт-Петербурга, слышали о таких вещах, но никогда не видели своими глазами ни одного спиритического явления. Теперь здесь быстро распространилось известие о том, что Елена была «медиумом»; общество было взбудоражено. В особняке Яхонтова без устали звонил дверной колокольчик.

В большинстве своем те, кто приходил туда, подозревали, что их каким-то образом дурачат. Все происходившее казалось им слишком фантастичным для действительности. Они требовали обыскать «медиума», связать руки и ноги и подвергнуть всем мыслимым испытаниям. Елена снисходительно подчинялась.

Многие все-таки не верили. «Как она проделывает *все это*? — спрашивали они. — *Что такое* эти постукивания?», «Как вы можете так хорошо угадывать мысли?», «Как вы смогли узнать, о чем я думаю?» и тому подобное.

Труднее всего было убедить мужчин. Даже ее брат и отец думали, что где-то в своих странствиях Елена научилась делать эти сложные салонные фокусы для развлечения общества.

Однажды вечером гостиная была наполнена посетителями; одни играли в карты, другие музицировали, но большинство досаждали Елене разговорами о неких психических трюках. Ее брат Леонид, теперь уже сильный, мускулистый молодой человек, «исполненный университетской латинской и германской премудрости», стоял за креслом сестры и высокомерно слушал ее рассуждения о том, как маги могут изменять вес вещей.

— И вы хотите сказать, что *сами* в состоянии сделать это? — ехидно усмехнулся он.

— Я уже *делала* это несколько раз, но не могу ручаться за успех.

За словами Елены немедленно последовал хор обращенных к ней просьб еще раз испытать свои силы.

В конце концов она согласилась, предупредив их, что ничего не обещает. Затем, попросив одного из молодых людей проверить вес маленького шахматного столика, стоявшего поблизости, она устремила на него напряженный, пристальный взгляд своих голубых глаз. Мгновенье спустя она жестом попросила того же молодого человека снова проверить вес столика. На сей раз он оказался не в силах хотя бы приподнять маленький столик над полом.

Все были поражены; все — кроме Леонида, который, заглянув молодому человеку в глаза, явно заподозрил, что сестра действовала в сговоре с ним.

— Можно ли попробовать *мне*? — сардонически усмехаясь, спросил он.

— Пожалуйста, мой дорогой.

Он подошел и с улыбкой взялся за столик мускулистой рукой. Улыбка погасла, когда столик даже не пошевелился. Он сделал шаг назад и тщательно осмотрел странный предмет. Затем он сильно ударил столик ногой, но тот остался недвижим, будто приклеенный к полу. В следующее мгновенье он обхватил столик обеими руками и начал всеми силами раскачивать его из стороны в сторону. Дерево трещало, но столик не сдвинулся с места ни на йоту. В конце концов Леонид выпрямился и с удивлением посмотрел на сестру.

«Как странно», — тихо сказал он. Все согласились, что положение было и в самом деле по меньшей мере странным. Вслед за тщетными усилиями нескольких мужчин повторить попытку Елена со своим обычным беззаботным смехом сказала брату: «А теперь еще раз попробуй поднять столик».

Он медленно и осторожно подошел к маленькой вещи, постоял в нерешительности, сделал глубокий вдох и, ухватив за ножку, рванул столик вверх со всей силой, на какую только был способен. Он почти потерял равновесие и вывихнул руку, когда столик с легкостью перышка взвился в воздух.

После этого Леонид не высмеивал более «психические феномены», на которые ссылалась его сестра.

Полковник фон Хан, прославивший у современников старым вольтерьянцем, ни во что не верил и не удостаивал ни малейшим интересом

«суеверный вздор», как называл он новое модное сумасбродство. Однажды вечером у него были в гостях двое мужчин; полковник был знаком с ними многие годы, а с одним учился когда-то в «Пажеском корпусе». К его удивлению и даже отвращению, их обоих сильно занимали те глупые психологические игры, которыми обычно забавлялись женщины. Гости в свой черед бранили его за безразличие. Один из них, генерал, сказал: «Я не понимаю, как ты можешь держать глаза и разум закрытыми перед теми удивительными явлениями, которые совершает твоя дочь!»

«Вздор! — резко ответил полковник. — Это не стоит внимания серьезных людей». Он продолжал раскладывать карты для *гран-пасьянса*.

Но его старинных друзей было не так-то легко принудить к молчанию. В конце концов они уговорили его на простой эксперимент. Он должен был выйти в соседнюю комнату и написать на клочке бумаги любое слово, которое только придет ему на ум, а потом они поглядят, сможет ли незримая разумная сила повторить это слово постукиваниями.

К удовольствию друзей, полковник уступил. Он подошел в соседней комнате к письменному столу, взял полоску бумаги, написал на ней слово, положил в карман и вновь занялся своими картами. Но, улыбаясь в усы, он прислушивался к тому, что происходило рядом.

Кто-то повторял алфавит; постукивания указывали нужные буквы, а генерал записывал их. Елена, по своему обыкновению, казалось, ничего не делала. Она и в самом деле сидела сбоку, достаточно далеко от стола. У нее не было ни малейшей возможности проделать какой-нибудь хитрый фокус!

Наконец постукивания утихли. Но никто из тех, кто сидел за столом, не был, по всей видимости, удовлетворен полученным словом.

«Они потерпели неудачу, — думал полковник, — и я знал, что так и будет». Глядя поверх очков, он спросил:

— Ну что, получили вы свой ответ? Он должен быть очень тонким и глубоким!

Полковник встал и подошел к столу. Вера в замешательстве и смущении протянула ему полоску бумаги, на которой было записано слово, продиктованное постукиваниями.

При взгляде на слово у полковника глаза полезли на лоб, а красноватое лицо побледнело. Он поправил очки, прокашлялся и странным, напряженным голосом громко прочитал слово вслух:

— Зайчик! Да, Зайчик! Как это странно!

Он вынул из кармана лист бумаги, на котором писал в соседней комнате, и молча подал его участникам опыта. Они прочитали: «Как звали моего любимого боевого коня, на котором я ездил в свою первую турецкую кампанию?» Внизу страницы он написал в круглых скобках слово «Зайчик».

После этого случая полковник с жаром вновь обращенного погрузился в область психических феноменов. С их помощью он стремился проверить и по возможности восполнить потерянные линии в генеалогическом древе своего рода, начиная с рыцаря-крестоносца графа фон Ротерштерна.

Однажды, разбуженный криком петуха (hahn), граф обнаружил в своей палатке сарацина. Незванный гость намеревался убить его. Спасший ему жизнь петух был включен в родовой герб и родовое имя, которое с тех пор стало звучать Хан фон Ротерштерн-Хан.

Дядюшку Елены, И. А. фон Хана, почт-директора в Санкт-Петербурге, одолевало честолюбивое желание закрепить за своим старшим сыном наследственный титул графа. Он проявил деятельный интерес к этой мистической работе. В подтверждение сведений, полученных из незримых источников, были наведены справки по документам в архивах России и Германии. Во всех вопросах, которые только можно было проверить по бумагам, представленный психическими посланиями *таинственный разум* не ошибся ни разу.

Часть этой работы была, вероятно, проделана в Санкт-Петербурге, куда полковник взял с собой Елену, Веру и дочь от второго брака Елизавету. Елизавете (Лизе) было тогда, весной 1859 года, около девяти лет. Все они жили в Санкт-Петербурге в гостинице «Отель де Пари». Отсюда семейство вскоре уехало в Ругодиво Псковской волости, где было расположено имение, унаследованное Верой от мужа.

Ее муж купил имение Ругодиво с деревней с несколькими сотнями крепостных незадолго до своей смерти. Ни сама Вера, ни кто-то иной из членов ее семьи раньше ни разу здесь не бывали. Также никто ничего не знал о прежних владельцах, крепостных и соседях.

Старинный барский дом в окружении поросших густым сосновым бором холмов, большие парки с древними деревьями и тихие озера должны были, думалось Елене, часто посещать любопытные призраки. В одной комнате она особенно ясно видела несколько фигур; многие из них выглядели весьма своеобразно. Она описывала странные привидения Вере, которая была не способна видеть их сама. Как ни странно, вторым и последним человеком во всем доме, способным видеть призраки, была маленькая Лиза. Но Лиза, несколько раз увидев их идущими по коридору, приняла привидения за живых людей, населяющих большой дом.

Осторожные расспросы старых слуг имения показали, что, судя по внешности, в доме обитали призраки тех, кто некогда жил и умирал в его стенах. Комната, где они чаще всего появлялись, была общей для всех них, иными словами, тем покоем, где они умирали. В смертном покое их тела лежали от трех до пяти дней, прежде чем их выносили для погребения в старую часовню на другом берегу темного озера.

Елена сделала несколько интересных замечаний о привидениях. Эти выводы свидетельствуют о глубине ее знания и освещают работу того времени. Вера, которую одолевали и страх, и любопытство, хотела «вызвать» духов на спиритическом сеансе. Елена отвечала: «Мы можем их вызвать, но что из того? Можно ли на кого-то из них полагаться или верить ему? Я заплатила бы любую цену за способность властвовать и управлять ими так, как могут властвовать и управлять *Они* — несколько личностей, которых я могла бы назвать поименно. Но я не могу. Я многие годы должна терпеть неудачу за неудачей», — печально заключила она.

— Кого ты называешь «они»? — спросила Вера.

— *Тех, кто знает и может*, — не медиумов!

Позже она заметила:

— Это очень интересно; но еще интереснее то, что я вижу их [привидения] очень редко... гораздо реже, чем в те давние годы, когда я была ребенком.

Она пояснила сестре, что смутные фигуры, которые она видела, — это отражения мертвых тел, а не бессмертных душ.

— Почему никогда нельзя или только изредка можно войти в соприкосновение с близкими и дорогими? — спрашивала Вера. — Я имею в виду любимых, родных или друзей — вместо призраков чужих людей!

— Вопрос, на который трудно ответить, — заметила Елена. — Как часто, с какой предельной настойчивостью старалась я увидеть и распознать в призраках, являющихся мне, кого-нибудь из дорогих нам родных или друзей. Как страстно в глубине души я желала этого — но все было тщетно! Эти «отражения умерших», — продолжала она, — привлекают не живые люди, но те места, где они жили и страдали, где их личности и внешние формы оставили самые глубокие отпечатки в окружающей их психической атмосфере.

Вскоре после этих опытов и споров Елена тяжело заболела. В области сердца открылась глубокая рана. Она тяжело страдала; временами ее били судороги, за которыми наступал подобный смерти транс. Озадаченные и перепуганные, полковник и Вера послали в соседний город за врачом.

Когда врач при первом посещении исследовал рану, Елена лежала перед ним в изнеможении и без сознания. Внезапно он увидел темную призрачную руку, которая медленно, с перерывами и остановками, двигалась от шеи к пояснице его пациентки. Одновременно комнату наполнил хаос шумов и звуков. Они исходили с потолка, с пола, от оконных стекол и каждого предмета обстановки. Бедняга был перепуган до такой степени, что наотрез отказался остаться в комнате наедине с потерявшей сознание больной.

Считанные дни спустя рана закрылась; остался только шрам. Елена никогда не рассказывала ни своей семье, ни кому-то еще, как она получила эту страшную рану, которая время от времени открывалась.

Весной 1860 года Елена и Вера с двумя маленькими сыновьями оставили Ругодиво; они собрались навестить деда и бабушку в далеком Тифлисе. Вера описала множество странных происшествий, которые сестрам пришлось пережить за три недели путешествия на почтовых лошадях через всю Россию.

Так, например, в Задонске их пригласили посетить просвещенного Исидора, одного из трех митрополитов (самых высших в то время духовных чинов в иерархии русской православной церкви). Исидор был тогда митрополитом Киевским, но сестры знали его как друга своего семейства с тех давних пор, когда он был экзархом — князем церкви, правящим несколькими епархиями Грузии. Именно он отказал Никифору Блаватскому в просьбе о расторжении брака с Еленой.

Исидор с отменной любезностью принял их в доме владыки-архиепископа. «Но,— пишет Вера,— едва мы разместились в гостиной святейшего митрополита, как страшный гам, шум и громкие постукивания внезапно обрушились со всех сторон с такой силой, что даже мы с трудом могли вынести это. В большой гостиной трещали и стучали все предметы обстановки, начиная с огромной люстры под потолком, каждая хрустальная подвеска которой, казалось, двигалась сама по себе, до стола, на котором покоились локти его святейшества... Бесполезно говорить о том, насколько смущенными и растерянными мы выглядели. Но правда вынуждает меня сказать, что смущение моей непочтительной сестры было смешано с выражением большего, чем хотелось бы мне, веселья».

Однако старец испугался лишь на мгновение. Он, видимо, уразумел те причины, которые стояли за феноменом, и расспросил дам о его истоках. Затем он мысленно задал несколько вопросов о незримом существе Елены и, казалось, получил ответы столь интересные и удовлетворительные, что напрочь забыл о своем обеде и удерживал у себя посетительниц более трех часов.

Прощаясь с ними и дав им свое благословение, почтенный старец сказал Елене: «Пусть дар, которым вы обладаете, не тревожит ваше сердце и не станет впоследствии источником страданий для вас, ибо он, вне сомнений, дан вам с некоей целью, и вы не должны держать ответ за него. Напротив, если вы воспользуетесь им с должной пронизательностью, то сможете сделать много добра своим собратьям — творениям Господним».

По всей видимости, святейший Исидор лично не придерживался тех враждебных психическим силам взглядов, которым следовала церковь. Он, вероятно, хотел также уверить молодую женщину из семьи своих старых знакомых в том, что ее способности и силы были способностями и силами света, а не тьмы. Вместе с тем в его словах была нотка предостережения: ей надлежало использовать эти силы и способности разборчиво, осторожно и сдержанно. К несчастью для нее самой, разборчивость, осторожность и сдержанность заботили тогда Елену меньше всего на свете.

Глава 7

В Тифлисе Елена обнаружила, что бабушка в семьдесят один год все еще напряженно работала. Бывшая княжна Долгорукова научилась писать левой рукой после удара, который лишил ее возможности пользоваться правой. Погруженная в серию ботанических исследований, она не только описывала, но еще и чертила и рисовала интересные ботанические образцы. Однако здоровье ее становилось все хуже и хуже, и в конце 1860 года она умерла.

Следующий год стал годом освобождения русских крепостных, которое внешне почти не изменило привычный житейский уклад во дворце Чавчавадзе, где все еще обитали дед Андрей Фадеев и тетушка Надежда. Завсегдатая их дома генерал П. С. Николаев писал в своих воспоминаниях:

«Все бесчисленное множество *прислуги* (бывшие крепостные) по-прежнему оставались в их семье; теперь они лишь получали деньги. У членов семейства все шло по-прежнему. Я любил проводить у них вечера. Ровно в четверть одиннадцатого старый генерал [А. М. Фадеев], шаркая по *паркету* тепло укутанными ногами, удалялся в свои покои. В тот же миг, быстро и беззвучно, во внутренних комнатах разносили на подносах ужин и докладывали, что кушать подано. Сразу же после ужина закрывали двери гостиной, и началась оживленная беседа на какую-нибудь тему. Рассматривали и критиковали современную литературу, обсуждали социальные вопросы современной жизни России; иногда темой были рассказы приехавшего с визитом иностранного путешественника. Временами все жадно слушали описание последней боевой схватки с горцами, переданное одним из ее участников, прокаленным солнцем офицером, только что прибывшим с поля боя в Кавказских горах. В другой раз на огонек заглядывал старомодный испанский масон (в свое время офицер русской армии) Квартано и вспоминал захватывающие истории о войнах великого Наполеона. Или вновь появлялась “Радда-Бай”, внучка генерала Фадеева — Елена Петровна Блаватская; ее упрашивали рассказать о каких-нибудь бурных эпизодах ее жизни в Америке или в путешествиях; тогда можно было быть уверенным в том, что беседа неожиданно свернет на предметы мистические, а сама она начнет “вызывать духов”...»

За время пребывания в Тифлисе Елена, видимо, примирилась с мужем. В переписке она сообщает, что проживала с ним в Ереване в доме господина Кобрчавского по Головинской улице в течение года. «Но,— говорит она,— у меня не хватило терпения жить с таким глупцом, и я снова уехала».

Однако в других своих рукописных текстах она противоречит этому высказыванию и говорит, что провела с ним только три дня. Как бы ни было, отношения между супругами были в то время дружелюбными. На это указывает и тот факт, что господин Блаватский в установленном порядке обратился к властям с прошением выправить паспорт маленькому мальчику по имени Юрий. Паспорт, который сохранился по сей день, был выдан в Тифлисе в августе 1862 года и описывал ребенка как подопечного господина и госпожи Блаватских.

Происхождение этого малыша окружено тайной. Позже некоторые враги Елены заявляли, что он был ее собственным незаконным ребенком. В то время даже отец, говорила она, подозревал ее до тех пор, пока она не представила «врачебное свидетельство», которое подтвердило ее невинность. Однако Никифор Блаватский не разделял такие подозрения или не подавал виду, что сам подозревает свою законную супругу в непристойном поведении.

Тем не менее сплетни время от времени появлялись вновь, и многие годы спустя, когда она жила в Германии, ей пришлось в защиту своего доброго имени и ради Теософского общества запасть еще одним медицинским свидетельством (см. «Введение»).

Когда мистер Синнетт в 1880-х годах записывал воспоминания Елены, он всеми силами старался выведать у нее что-нибудь о Юрии. Она рассказала ему очень и очень немного, заметив, что честь повелевает ей хранить молчание и не называть имя матери этого мальчика. Очевидно, раскрыть ее имя значило вызвать скандал в европейском высшем обществе. Отца она упоминала как «весьма аристократичного барона»; слухи называли имя барона Мейендорфа из Эстонии.

Юрий был горбат — странное напоминание о том маленьком горбуне из потустороннего мира, с которым она играла в детстве. Она испытывала безмерную, страстную привязанность к Юрию, называя его «существом, которое я любила, по выражению Гамлета, “как сорок тысяч братьев и отцов сестер своих и чад своих любить не могут”».

В те времена в путешествиях между определенными территориями России требовался паспорт, и она получила паспорт для мальчика, но нигде нет ни строчки о том, откуда же в 1862 году взялся сам мальчик. Несколькими месяцами позже она, по всей видимости в одиночестве, странствовала по Грузии и вдоль побережья Черного моря. Вероятно, ее побудили к этому путешествию те же самые причины, которые уже приводили ее в отдаленные, малоизвестные земли: стремление к оккультному знанию, страстное желание познать тайну «философского камня» и напряженные усилия подчинить себе те психические силы, которые теперь, становясь все могущественнее и могущественнее, заставляли ее страдать.

Странствия вели ее сквозь дикие земли Закавказья с их огромными скалами, похожими на исполинские стены. В те времена земли эти были покрыты густыми девственными лесами и населены дикими воинственными племенами. Но в глубине великих лесов обитали те, кто вызывал любопытство и симпатию Елены, — *kudiani*, или туземные колдуны.

Теперь она находилась в древней, наполовину легендарной земле — Колхиде. Некогда Язон со своими аргонавтами прибыл сюда за средством снять со своей семьи наследственное проклятие — Золотым Руном — и отыскал его с помощью здешней могущественной волшебницы Медуи.

Некоторые племена Колхиды были, говорят, потомками аргонавтов. Во всяком случае, здесь творилось великое смешение рас, хотя общество было по своему строению просто феодальным, состоявшим из гордых землевладельцев и бедных крестьян. Эти собственники земли, в чьи похожие на крепости замки Елена добиралась верхом, были тогда столь же невежественны и суеверны, как их крестьяне, и неистовы, как корсиканские разбойники. Обычно она объезжала их стороной и направляла своего коня к дымным хижинам колдунов и предсказателей — людей, наделенных необыкновенным знанием и незаурядными способностями.

Вскоре по всем этим краям широко прокатилась весть о русской дворянке, которая в одиночестве странствует по горам и ютится среди отверженной части рода человеческого. Более того, говорили, что женщина эта обладает необычайными способностями. Она-де в силах общаться с духами, снимать убийственное воздействие «дур-

ного глаза» и решать любые сложности личного свойства. Высшие классы не одобряли ее образ жизни, но страстно желали извлечь выгоду из ее способностей.

Местная знать прибывала со всех сторон посоветоваться с новой лесной «колдуньей».

В то время техника связи Елены с незримым поднялась на новую, более высокую ступень. Вместо явлений полтергейста она применяла теперь автоматическое письмо. Она сидела с пером в руке, внешне расслабленная и безучастная, а внутренне вся в «состоянии напряженного сосредоточения». Рука с пером двигалась помимо ее сознания, направляемая той волей, которая действовала посредством ее мышечного и нервного механизма.

Сообщают, что результаты были воистину удивительны и вполне успешны. Однако посетители были далеко *не всегда* удовлетворены ими. Елена была неизменно готова помогать нуждающимся, но никогда не использовала свои способности во вред кому бы то ни было. Но именно этого и домогались многие ее заказчики! Они, в сущности, считали магию средством поражать своих врагов. В чайной заручиться ее содействием в качестве колдуньи ей предлагали крупные подношения. Она отвергала их, — отвергала с презрением, и лишь изредка — дипломатично.

Так или иначе, обхождение без церемоний с теми, кто пытался использовать ее способности в собственных корыстных целях, и явная склонность к обществу крестьян и туземных колдунов доставили ей множество врагов среди местных влиятельных семейств.

Искушение брать деньги за применение оккультного искусства было поистине серьезным испытанием ее характера: она частенько испытывала отчаянную нужду в деньгах. Ее скромный образ жизни обходился недорого, но у нее была склонность тратить деньги без счета, и тратить больше, чем она могла себе позволить, помогая несчастным и замученным бедностью людям вокруг себя.

Однажды ей пришлось написать своей тетушке Екатерине Витте с просьбой помочь деньгами. В ответ она получила сердитое и брюзгливое письмо. Тетушка писала: «Можно подумать, что у Вас, подобно другим беднякам, нет ни копейки. И весьма удивительно узнать, что Вы каждый месяц получаете по сто рублей. *Я совершенно уверена* в том, что Вы действительно получаете их за

исключением одного месяца зимой, когда Блаватский не получил свое жалование. У меня есть письмо Алек. Фед. [майора Алексея Федоровича фон Хана], в котором он сообщает, что отправил Вам мое письмо и деньги Блаватского... Это было в июле. Сейчас август, и Блаватский на днях снова послал Вам деньги в присутствии мужа N...»

Сохранившаяся переписка госпожи Витте показывает, что она всегда очень придирчиво относилась к своей племяннице. Но это письмо вызывает особый интерес. Оно говорит, что Никифор Блаватский помогал своей жене деньгами, — значит, они *были* тогда в добрых отношениях.

Странствия Елены в диких краях Закавказья закончились неожиданным образом. Несколько ранее она приобрела дом в военном поселении Озургети в Мингрелии, — приобрела, вероятно, на доходы от «сплава леса и вывоза прута орешника» — торгового предприятия, в котором она, по словам биографов, какое-то время участвовала.

Однажды она заболела. Симптомы были по меньшей мере странными. Физически она испытывала небольшой жар и полную потерю аппетита. Елена отказывалась от всего, кроме небольшого количества воды, и большую часть времени проводила в полудремотном, безучастном состоянии, хотя сознания полностью не теряла.

Но психически ее поразила кризис столь сильный, что привел к раздвоению личности. Когда друг или слуга окликал ее по имени, она открывала глаза и отзывалась. Но как только ее оставляли в покое, она закрывала глаза и становилась, по ее собственным словам, кем-то иным, «совершенно другой личностью в другой, очень далекой стране»; личность эта воистину жила в ином временном измерении. Позже Елена так описывала это состояние:

«В тех случаях, когда меня прерывали в течение беседы в последней ипостаси (моей *иной сущности*), скажем, на половине предложения, произносимого мною или моими посетителями, разумеется незримыми, ибо они были реальны лишь для меня одной, — стоило мне закрыть глаза, и оборванное предложение продолжалось с того слова, на котором его прервали. Когда пробуждали меня самое, я прекрасно помнила, чем я была и что делала в своей второй сущности. Но в бытность свою кем-то иным я знать не знала, кто такая Елена Блаватская».

Военный хирург, единственный медик в маленьком городке, считал себя совершенно бессильным. Он знал только одно: состояние ее быстро ухудшается, и она несомненно умрет, если останется в Озургети. Но городок лежал в стороне от дорог, а больная была не в силах ехать верхом или в повозке по ухабистым проселкам. В конце концов он решил отправить ее на туземной лодке вниз по течению узкой реки Риони. Риони, Фазис аргонавтов, была судоходной, но ее редко использовали вместо сухого пути.

Скользя в молчании между высоких берегов с живыми изгородами древних лесов, Елена лежала при смерти, а лодочники переживали страшные сверхъестественные события. В первую ночь пути они своими глазами видели и клялись в том, что видели, как больная выскользнула из лодки и пересекла реку по воде в направлении лесов. Но в то же самое время тело ее лежало ничком в постели на дне лодки. Когда то же событие с призраками вновь произошло на вторую ночь, они были готовы бросить и лодку, и больную. Только храбрость их старшины удержала лодочников при исполнении обязанностей. Сам он дрогнул в третью ночь, когда увидел *две* призрачные фигуры, хотя его хозяйка во плоти спала прямо перед ним. Но он с ожесточением собрал свои нервы в кулак, успокоил перепуганных собратий и благополучно привел лодку в Кутаис. Здесь Елену встретили друзья и отвезли в коляске домой, к ее семейству в Тифлис.

Заботами своей любимой тетушки Надежды Елена поправилась. Она выдержала великую битву с оккультными силами, которые едва не убили ее, и вышла из кризиса полной хозяйкой этих сил. В письме одному родственнику она писала: «Я освободила и очистила себя от того, что делало меня убийственно соблазнительной для бродячих привидений и бесплотных *влечений*. Я свободна, — свободна благодаря тому, кого благословляю каждый час своей жизни». Где-то в «древней Колхиде» она сбросила с себя проклятие нежеланных способностей медиума и стала магом.

Теперь психические феномены были подвластны ее воле, а не проказам «бродячих привидений». По словам Елены Петровны Блаватской, время до и после 1865 года разделяет «непреодолимая пропасть».

Вслед за полным выздоровлением она уехала из России, видимо вместе со своим подопечным Юрием. Но через два года, в 1867-м, она вернулась снова.

Мы находим ее стоящей на краю открытой могилы, под блеклым осенним небом, в некоем маленьком городке на юге России. Последние обряды были совершены и последние слова сказаны, когда тело маленького горбуна, Юрия, которого она любила больше, чем всех других людей, опускали в могилу. Членов ее семейства здесь не было. Ее единственным спутником на краю могилы был известный певец, оперный бас Агарди Митрович. Как он очутился там?

Митрович был другом ее семейства. В странствиях его пути несколько раз пересекались с путями Елены, и пересекались обычно в обстоятельствах драматических. Впервые это произошло в 1850 году в Константинополе. Поздней ночью, возвращаясь в сопровождении гида в отель «Миср», она увидела распростертое на пустынной улице тело. Это был Митрович, предательским образом трижды раненный в спину. Она отправила своего гида за помощью, а сама, по ее словам, почти четыре часа охраняла тело, «пока гид смог найти носильщиков-муши, чтобы поднять его. Тем временем единственный турецкий полицейский, который рискнул подойти, просил *бакшиши*. Он предложил перекатить мнимого мертвеца в ближайшую канаву, а затем проявил решительный интерес к моим кольцам и убрался лишь после того, как увидел, что мой револьвер нацелен на него».

Она доставила Митровича в расположенную неподалеку греческую гостиницу, где его опознали и оказали медицинскую помощь. Когда Елена на следующий день навестила его, он был уже в сознании. По его просьбе она написала его жене, которая была тогда в Смирне. Та поспешила приехать и взять на себя заботы о своем муже.

«После этого случая я на несколько лет потеряла их из виду, — писала Елена, — и встретила снова во Флоренции, где он со своей женой пел в театре Пергола. Он был *карбонарий*, революционер наихудшего толка, вечный мятежник, венгр из Митровича*, города, название которого он взял себе как *воинский псевдоним*. Затем я еще раз встретила его в 1861 году в Тифлисе, опять-таки с женой, которая, полагаю, умерла после моего отъезда в 1865 году; тогда мои родственники хорошо знали его, и он дружил с моими кузенами Витте. Потом, когда я привезла бедное дитя в Болонью выяснить, не могу

* Теперь Сремска Митровица в Югославии.

ли я спасти его, я вновь встретила его [Митровича] в Италии, и он сделал для меня все, больше, чем сделал бы брат».

Мальчик умер без документов о своем имени и родителях. Елена не хотела видеть свое имя на его надгробии: это дало бы «пищу для сплетен». Митрович помог ей. Он проводил в последний путь и похоронил ребенка некоего весьма *аристократичного барона* в маленьком городке на русском юге под своим собственным именем, заметив, что «ему это не трудно».

«После этого, не извещая своих родных о возвращении в Россию, я привезла туда бедного маленького мальчика, которого не сумела возвратить живым гувернантке, найденной для него бароном. Я просто написала отцу ребенка, известила его о столь приятной для него случайности и с тем же самым паспортом возвратилась в Италию».

Два прошедших ранее года, между отъездом из России в 1865-м и возвращением с целью похоронить Юрия осенью 1867-го, Елена путешествовала по Балканам и, возможно, по другим странам света, хотя это не установлено с должной определенностью. Единственный путевой блокнот, который остался после нее, вне сомнений, принадлежит именно к этому времени. Типичным для нее образом она не поставила в блокноте ни одной даты, но отметила, что во время ее пребывания в Белграде, «страшном турецком городе, грязном, опасном, плохо вымощенном, но полном дукаатов... турки были заняты эвакуацией крепости. По приказу султана Рези-паша должен был оставить ее в прежнем виде, и сербы праздновали свою свободу. Михаил Обренович собирался в Константинополь благодарить султана. Пушки дали сто один залп».

Известно, что ключи от Белградской крепости были вручены князю Михаилу Обреновичу (1823–1868) Аль Рези-пашой 13 апреля 1867 года. Следовательно, Елена должна была быть в Белграде немногим ранее этой даты. Блокнот показывает, что она (и, предположительно, Юрий, хотя он и не упомянут) путешествовала до и после того по разным городам на Балканах. Свои поездки она совершала на поезде, в экипаже и на пароходах по Дунаю.

Незадолго до поездки в Россию она была в Италии, в Болонье, где тщетно пыталась найти средство исцелить мальчика, каким бы ни было его недомогание. После похорон она возвратилась в Италию.

2 ноября 1867 года она определенно участвовала в сражении при Ментано в роли солдата гарибальдийской армии. Ее левая рука была дважды перебита в бою ударами сабли, и она получила два тяжелых пулевых ранения в правое плечо и в ногу. Когда в разгар сражения она упала, соратники сочли ее убитой и оставили позади себя. Позже ее подобрали на поле боя.

Часть 1868 года она провела в Италии и, может быть, именно в это время жила в Бари на Адриатическом море, где «училась у одной колдуньи». Столь же вероятно, что приблизительно в это время или несколько ранее она «жила у вертящихся волчком дервишей, у друзов горы Ливан, арабов-бедуинов и марабутов Дамаска».

Где-то в течение 1868 года она получила письмо от своего индийского Покровителя; ей предписано было ждать в сербских горах до тех пор, пока от него не придет точное приказание приехать в Константинополь и встретиться с ним в этом городе. Она отчаянно надеялась, что свидание будет скорым и он возьмет ее с собой в Индию и Тибет.

Глава 8

Елена отвлеклась от чтения старинного манускрипта, начертанного знаками Сензар, который она всеми силами старалась перевести на английский, и посмотрела в окно. Как и всегда, при виде множества увенчанных снегами гор на страже мирной долины, она почувствовала душевный подъем. Оттуда не доносилось ни звука, кроме случайного позвякивания далеких колокольцев на шеях коров или птичьей трели с дерева недалеко от дома. Таким, думала она, должно быть место пребывания совершенного мира и счастья.

Иногда ей нужно было ущипнуть себя и убедиться в том, что она действительно находилась здесь во плоти, а не претерпевала еще один опыт раздвоения личности, что она в самом деле жила на Тибете, близ Шигатза, в доме кашмирского Посвященного Кутхуми Лал Сингха. Его сестра и дети сестры тоже были здесь. И самым чудесным было то, что большую часть времени под одной кровлей с ней пребывал великий Покровитель ее видений, Учитель Мориа!

Казалось, прошла целая жизнь с тех пор, когда он сидел с ней на скамье в лондонском Гайд-Парке и говорил, что когда-нибудь она

будет готовиться в Тибете к тому особому труду, который ей надлежит совершить. Годы и годы, казалось, миновали после того, как он встретил ее в Константинополе и перенес через цепи гор на эту крышу мира! И столь же давно она и *в самом деле* мало что знала и понимала. Она знала лишь то, что солнце светило, сверкая в чистом прозрачном воздухе, или все было серым, а над горами таинственно кружили грозовые тучи. А потом в мир приходили вечная рождественская мишура и белизна снежного покрова, украшенного деревьями, сверкающими, как стекло. Затем вновь появлялись солнечный свет, пенье птиц и журчащие ручьи. Времена года сменяли друг друга, но самое время оставалось недвижимым в той ауре мира, которую Учителя, казалось, соткали вокруг этой божественной местности.

Правда, не все время своего пребывания на Тибете она проводила в доме близ долины Шигатза. С помощью Покровителя, которому, как она теперь понимала, суждено было стать ее Гуру, она получила доступ в несколько ламаистских монастырей — древние хранилища учености, куда никогда ранее не ступала нога европейца, будь то мужчина или женщина.

Такие занятия составляли часть ее обучения, но самыми важными, чувствовала она, были те наставления, которые она получала лично от своего Гуру. Когда он пребывал вне дома, ей вполне хватало дел: она занималась своими *sadhana* (духовными упражнениями), беседовала с красивой и умной сестрой Учителя Кутхуми (его обычно называли К. Х.) или узнавала нечто новое от самого великого Посвященного. Это новое по большей части касалось Священной науки, но был и еще один, мирской, предмет, в котором он также наставлял ее.

С тех пор, когда в Лондоне посмеивались над йоркширским выговором Елены, наследием ее гувернантки Августы Джефферсон, она возненавидела английский язык и пользовалась им только в тех редких случаях, когда была вынуждена говорить по-английски. Но Учитель К. Х. получил образование в нескольких европейских университетах. Как и сама Елена, он обладал лингвистическими способностями, однако — в отличие от нее — сносно говорил по-английски и по некоторым причинам весьма и весьма настаивал на том, что и *ей* следует подучить язык.

Она вновь обратилась от созерцания гор за окном к своему переводу из архаического текста Сензар. Учитель К. Х. задал ей это упражнение, как задавал другие, с целью улучшить как ее английский, так и ее знание тайного языка жрецов.

Она закончила перевод и собралась было выйти на солнечный свет и, может быть, поиграть с обожаемой племянницей К. Х., когда услышала его шаги за окном. Он возвратился с прогулки верхом и прохаживался в одеянии всадника в тени деревьев. Елена принесла ему свой перевод. Она с волнением смотрела на его тонкое чувствительное лицо с почти прозрачной кожей. Он выглядел так молодо — и все же был вместилищем зрелой мудрости. Теперь его добрые голубые глаза обратились к ней, и она услышала его мягкий голос: «Ваш английский становится лучше!»

Неожиданно он положил руку ей на лоб, в ту его часть, которую френологи называли седалищем памяти (между бровями, приблизительно на дюйм выше основания носа), и сказал: «Постарайтесь извлечь из моей головы то небольшое, что я знаю об английском языке».

Она ощутила слабую боль, и ее охватила холодная дрожь. После этого каждый день в течение приблизительно двух месяцев он давал ей такие телепатические уроки английского языка. В дополнение к ним он настойчиво разговаривал с ней по-английски, хотя она сама предпочитала тот разговорный французский, которым он также хорошо владел.

В ноябре 1870 года, накануне отъезда Елены из Тибета, Учитель К. Х. написал по-французски письмо ее семейству в России. Со времени ее отъезда в 1865 году в старом доме произошли заметные перемены. В 1867 году умер ее дед, Андрей Михайлович Фадеев, а незамужняя тетушка Надежда переехала в Одессу. В этом городе жили и другие ее родственники, и среди них — Екатерина Витте со своей семьей.

Если бы даже Елена и захотела написать им из Тибета, отправить письмо обычной почтой было невозможно. И о чем она могла написать? Она действительно любила своих близких, но знала, что никто из домашних не поймет, чем она занималась и что было для нее счастьем.

Поэтому от Елены за пять лет не было ни слова. Семья, всеми средствами пытаясь отыскать ее, наводила справки и выспрашивала у

знакомых путешественников, не попадались ли им на глаза хоть какие-то следы ее пребывания в чужих краях. «Но,— писала ее незамужняя тетушка,— все наши поиски заканчивались ничем. Мы готовы были поверить, что она умерла».

Затем 7 ноября 1870 года мужчина азиатской наружности пришел в дом, где жила Надежда, с письмом. На конверте без почтовой марки были только ее имя и адрес — «Одесса». Она поспешно вскрыла конверт и развернула письмо. Оно было написано по-французски, без подписи, с одним только странным знаком в конце. Надежда вопросительно подняла глаза, но посланника, доставившего письмо, уже и след простыл. «Он исчез у меня на глазах»,— вспоминала она позднее.

В переводе письмо гласит: «Благородным родственникам г-жи Блаватской нет причины печалиться. Их дочь и племянница отнюдь не покинула этот свет. Она жива и хочет известить всех, кого любит, что здорова и счастлива в том далеком и безвестном приюте, который она сама избрала для себя. Она тяжело болела, но милостью Владыки Сангиа (Господа Будды) нашла преданных друзей, которые исцелили ее телесно и духовно. Поэтому ее домашним надлежит сохранять спокойствие. Прежде чем взойдут и пойдут на убыль восемнадцать лун, она возвратится к своему семейству».

Не было ни единого указания ни на местность, откуда пришло письмо, ни на средства его доставки, кроме пропавшего азиата. Но оно все же принесло в семью определенное утешение.

Надежда бережно хранила это таинственное, но утешительное письмо. Оно было написано тем почерком Учителя К. Х., который позже стал широко известен по переписке Учителя с мистером А. П. Синнеттом, английским журналистом и первым членом Теософского общества.

Почти в то же самое время на другом краю света, в горной долине близ Шигатза, Елене было велено проститься с ее уединенным прибежищем мира и довольства. В доме было несколько других Учителей и чела. Чела дружелюбно прощались с ней. Учителя дали добрый совет. Махатма К. Х. поспешил рассеять охватившие ее печаль и уныние. Он улыбнулся ей со своей обычной добротой и шутливо сказал: «Ну, если вы усвоили не слишком многое из Священных наук и практического оккультизма — а мало кто мог ожидать это

- от женщины, — то, во всяком случае, слегка изучили английский. Теперь вы говорите по-английски *лишь немногим хуже*, чем я сам!»
- Ее возлюбленный Гуру сам проводил ее с Тибета и наставил на обратный путь в Европу. Но ей следовало сделать несколько дел и пройти определенные испытания, прежде чем она снова смогла бы увидеть старые, хорошо знакомые пейзажи Украины. Посвященные с удивительной точностью предсказали, сколько лун взойдет и пойдет на убыль до времени ее возвращения домой.
- В декабре 1870 года она отправилась морем через Суэцкий канал, который был открыт для движения судов годом ранее, на Кипр, а оттуда — в Грецию. Там она встретила Иллариона, еще одного члена Великого Братства. Несколько месяцев спустя она по неизвестным причинам отплыла на пароходе «Эвномия» из порта Пирей в Египет. Подобно многим торговым судам тех времен, «Эвномия» имела пушки, снаряды и порох — средства защиты от пиратов.
- Елена стояла на палубе, наблюдая, как греческие острова, розоватые и похожие на жемчуг, поднимались из невероятной голубизны Эгейского моря. Очертания острова Спетсай только начинали появляться слева по борту, когда сильный взрыв потряс корабль — взорвался пороховой погреб и разрушил всю переднюю часть судна. Тридцать пассажиров были убиты, многие ранены. Елена, к счастью, избежала ранения, но была очень взволнована и лишилась багажа и денег. Убитых оставили на острове Сирос, живых — на Спетсае. Греческое правительство предоставило им другие средства добраться до места назначения.
- Итак, Елена в конце концов оказалась в Египте, в Александрии, с очень немногими личными вещами и незначительной суммой наличных денег. Она писала, что выпуталась из этого затруднительного положения, выиграв какие-то деньги «на № 27», вероятно в рулетку.
- В конце 1871 года она была в Каире и жила в «Отель д’Ориент». Здесь она встретила мисс Эмму Каттинг, которая почти тринадцать лет спустя сыграет в крестных муках Елены Блаватской роль Иуды Искариота. Но в то время мисс Каттинг стремилась войти в контакт со своим недавно умершим братом-алкоголиком. Она была наслышана о психических силах и способностях Елены и искала знакомства с ней. Елене снова недоставало денег, и Эмма

по-дружески дала ей взаймы. Так был посеян ветер, который принес бурю.

Илларион, по всей видимости, тоже прибыл тогда из Греции в Египет; Елена пишет о встрече с ним в этой стране. Она возобновила знакомство с известным коптским мистиком и оккультистом Паулосом Метамоном. То ли с помощью этих людей, то ли сама по себе, в одиночку, Елена совершила в стране фараонов несколько чудес, которые принесли ей сомнительную известность и вновь вызвали толки в связанных общими интересами международных кругах того времени.

«Она — диво, непостижимая тайна... То, что она делает, просто феноменально. Если это не больше, чем ловкость рук, мы имеем в г-же Блаватской женщину, которая превосходит всех Боско и Робертов Гудини нашего столетия», — вот типичное для тех времен письмо одного русского дворянина из Египта своему сослуживцу, офицеру его полка, в Россию.

Но сама Елена продемонстрировала в Египте странное непонимание людей и обстоятельств. Она, видимо, горела желанием начать свою мировую миссию, использовать расхожий интерес общества к оккультным явлениям и познакомить его с основами эзотерической восточной философии.

Вопреки совету Паулоса Метамона, который прекрасно знал Египет, она основала Спиритическое общество для исследования и изучения психической науки. Она старалась, но так и не сумела заполучить хорошего медиума из Англии или Франции, так что пришлось использовать медиумов-любителей. «Французские спиритуалистки в большинстве своем нищие бродяги, если не искательницы приключений в тылах армии инженеров и рабочих месье де Лессепса, — писала она своей тетушке в Россию. — Я ловила их на самом постыдном обмане людей, которые приходили изучать спиритические феномены, а сталкивались с фальшивыми явлениями. У меня было несколько неприятных сцен с теми, кто считал ответственной за все это меня, и только меня одну... Меня едва не застрелил один сумасшедший грек, — он был на тех двух сеансах, которые мы провели при открытых дверях, и, по моим предположениям, им овладел некий отвратительный призрак».

Поэтому госпожа Блаватская распустила свое общество, потерпевшее фиаско через две недели со дня основания, сменила адрес и переехала на жительство в Булак близ Каирского музея.

В далекой Одессе Надежда Андреевна Фадеева очень тревожилась о своей племяннице. Почему теперь, когда Лелинька — так она звала ее — оставила Индию и Тибет, она не едет прямо домой? Что она делает в Египте? Попросту подвергает себя ненужным опасностям — таков, кажется, смысл писем, которые сейчас приходят от нее.

Однажды Агарди Митрович зашел навестить мадемуазель Фадееву и к слову сказал, что вскоре поедет по своим делам в Египет, в Александрию. Это был тот случай, упустить который она не могла.

«Не съездите ли вы в Каир повидать Лелиньку и упросить ее поехать домой? Если вы сделаете это, то окажете мне большую услугу», — умоляла она.

Митрович охотно обещал съездить и упросить. Из-за данного слова он еще раз пересек путь Елены, — пересек и открыл тем самым последнюю страшную страницу драмы своей жизни.

По словам Елены, Илларион загодя предупредил ее и о приезде Митровича, и о том, что жизнь его здесь в большой опасности: «Некий мальтиец по наущению римских католических монахов расставил ему западню и намерен убить его». Митрович, видимо, нажил себе достаточно врагов в римской католической церкви. «Он был, — говорила она, — «мадзинист», нанес оскорбление римскому папе и был выслан из Рима в 1863 году».

Теперь Елена, которая несколькими годами ранее с помощью графини Киселевой спасла его от виселицы в Австрии, решила еще раз помочь своему другу, сильно рискуя собственной жизнью и добрым именем.

Она отправила ему письмо о том, что ему следует сразу же приехать в ее каирский дом. Когда тот прибыл, она сказала, что ему надлежит скрыться здесь как в убежище и нигде не показываться. Но Митрович был беспечен, отважен и не выносил ни малейших ограничений своей свободы. Поэтому несколько дней спустя он покинул каирский дом Елены и уехал назад в Александрию. Илларион снова предупредил Елену о том, что он видел там смерть ее друга. Она немедленно помчалась вслед за Митровичем с намерением убедить его вернуться в Европу с первым же пароходом.

Но, когда она достигла Александрии, ей сказали, что Митрович совсем недавно ушел пешком в Рамлех в нескольких милях далее по берегу моря. Позже она узнала, что по пути он зашел выпить бокал лимонада в отеле того самого мальтийца, которого видели беседующим с монахами.

Он пришел в Рамлех и упал там без чувств. Графиня Лидия Пашкова слышала об этом и известила Елену. «Я приехала в Рамлех и нашла его в маленькой гостинице. Врач сказал мне, что он лежит в тифозном жару и что около него сидит *какой-то монах*».

Зная его отвращение к священникам, она велела монаху выйти вон. Тот отказался. Поднялся шум. В конце концов она позвала полицию, и монаха изгнали.

Она жила в маленькой гостинице, обихаживая Митровича в его «непрерывной и страшной агонии». Она не знала наверняка, отравлен он или в самом деле болен брюшным тифом. Десять дней спустя он умер. Смерть его стала для нее проблемой еще большей, чем все прежние. «Церковь отказала ему в погребении, заметив, что он был *карбонарием*. Я обратилась к нескольким франкмасонам, но они боялись».

Ей, видимо, не оставалось ничего иного, как похоронить его самой. С помощью одного абиссинца, ученика Иллариона, и гостиничного слуги она выкопала могилу под одиноким деревом на морском берегу. Позже, вечером, она наняла мужчин перенести тело на берег и похоронить его там.

За это последнее проявление дружеских чувств к тому, кто сам помогал *ей* в обстоятельствах поистине безысходных, она получила суровое внушение от русского консула в Александрии. «Консул заметил, что не мое дело водить дружбу с революционерами и мадзинистами, а люди говорили, что он был моим любовником».

Несколько лет спустя, когда происходило то, что теперь именуется заговором Куломба, враги Елены Петровны Блаватской сделали попытку расследовать этот случай в Египте и придать ему особо важное значение. В то время ее любимая тетушка Надежда Андреевна Фадеева высказала свои соображения в письме от 23 ноября (5 декабря по новому стилю) 1887 года.

«Все это нелепица, и я не понимаю, почему ты должна уделять ей хоть какое-то внимание. Я пишу по-французски, так что полковник Олкотт сумеет прочитать письмо, которое ты можешь показать

ему. Что могут сказать все эти подлые Куломбы и те, кто собирается верить им, когда в Александрии и Каире тебя знали многие русские — госпожа Пашкова, русский консул Элиан Грегуар, мистер Лависон,— и никто из них никогда не слышал о тебе ничего подобного, хотя они жили в Каире и видели тебя каждый день. Наконец, если ты найдешь нужным, я готова написать Олкотту и отрицать эти нелепые, смешные сплетни. Я могу рассказать ему, что господин Агарди Митрович, которого все мы хорошо знали и в Тифлисе, и в Одессе, был нашим общим другом; что он не был и не мог быть ни твоим мужем, ни твоим любовником уже потому, что обожал свою жену, которая умерла за два года до того, как сам он, бедный, умер в Каире; что она погребена на тифлисском кладбище; что начало вашей взаимной дружеской приязни восходит к тому году, когда он женился. Более того, всем известно, что именно мы просили его съездить и повидать тебя, а потом быть твоим спутником по дороге в Одессу (в 1871 году); и он умер, не успев привезти тебя домой, а после его смерти ты добиралась домой сама. Все это приложимо и к тем сплетням, которые делают бедное доверенное тебе дитя твоим собственным сыном, когда все, что нужно сделать, чтобы люди могли узнать, *кто он есть на самом деле*, — только показать его бумаги. Но это уже твоя собственная ошибка; как я сказала полковнику Олкотту в Эберфельде, ты всегда слишком уж насмеялась над тем, *что могут сказать люди*. Вместо возражения злым языкам тебе доставляет удовольствие, высмеивая людей, прибавить еще что-нибудь к их словам. Воистину ты наказана тем, чем сама грешна».

Но в то время, когда русский консул делал ей внушение, Елена становилась все более и более привычной к колючкам официального фанатизма и стрелам злобных сплетен. Тогда они мало что значили для нее. Однако она знала, что ей пришло время оставить Египет.

На обратном пути в Россию Елена посетила Сирию, Палестину и Ливан. Затем она прибыла в Константинополь и оттуда на корабле, который пересек Черное море,— в Одессу, достигнув дома на «восемнадцатую луну» после таинственного письма.

Однако в этот последний приезд на родную землю она прожила дома менее двенадцати месяцев. Весной 1873 года она уже в Париже, куда ее привело письмо от Гуру; она живет в доме № 11 по рю

Л'Университэ вместе с тем своим двоюродным братом Николаем Густавовичем фон Хан, который приходился сыном дяде Густаву, брату ее отца.

Несмотря на то, что Елене исполнился тогда сорок один год, она была дородна и не притязала на телесную красоту, змеиные языки обвиняли ее в принадлежности к полусвету, обществу не самых строгих нравов, которое проживало в неподражаемом, веселом и беспутном Париже.

Но женский врач, доктор Л. М. Марке, хорошо узнавший ее за время ее недолгой жизни в Париже, писал, что поведение Елены было *«безупречным* и давало все основания считать ее во всех отношениях порядочной женщиной. Она проводила время в занятиях живописью, писала и редко выходила из своей комнаты. У нее было очень и очень мало знакомых, но к их числу принадлежали месье и мадам Лемер (ведущие спиритуалисты, которые после Аллена Кардека возглавили его движение). Я ценил госпожу Блаватскую как одну из наиболее достойных и интересных дам, которых когда-либо встречал, и после моего возвращения во Францию наше знакомство и дружеские отношения с ней возобновились».

От Учителя Мориа пришло еще одно письмо. Он просил ее немедленно отправиться на корабле в Америку. Елена всегда считала просьбы своего Гуру приказом; она никогда не помышляла ни о чем, кроме повиновения. Разумеется, она понимала, что такие распоряжения не были приказами в воинском смысле слова. Она располагала свободой выбора. Но ей было известно и то, что *чела* (ученик), который не выполняет оккультные приказания, вряд ли получит их в дальнейшем. А это для Елены Блаватской было невысказано.

Был июнь, в Париже стояла жара. В Нью-Йорке жара будет еще сильнее, но в это время хорошо пересечь Атлантику. Она приехала в Гавр и купила билет первого класса на пароход, который уходил в плавание на следующий день. Билет стоил сто двадцать долларов золотом, и в кошельке у нее оставалось очень мало денег. Поэтому она заранее написала отцу с просьбой переслать ей некоторую сумму через русского консула в Нью-Йорке. Полковник фон Хан всегда безотлагательно высылал ей деньги, когда знал ее адрес.

Елена, разумеется, не предполагала, что в то время отец ее был тяжело болен и что к тому времени, когда ее просьба дойдет до него, великодушного старого полковника не станет.

Несколько человек, которые лично знали Елену, описывают характерный для нее случай, который произошел на причале в Гавре. Она увидела здесь несчастную, в слезах, бедно одетую женщину, подошла к ней и мягко спросила: «В чем дело?»

Тогда женщина рассказала ей печальную историю. Ее муж в Америке скопил и прислал ей деньги — сумму, достаточную для переезда в Америку пассажирами третьего класса. Она жила в Гамбурге и там купила билеты на пароход у того, кого считала агентом по эмиграции. Он обманул ее, и теперь на корабле ей сказали, что билеты подложные. У нее не было денег ни на другие билеты, ни на возвращение в Гамбург.

Услышав это, Елена вскипела от ярости и возмущения. «Идемте со мной», — сказала она. В судовой конторе она повторила историю женщины. Там сожалели, очень сожалели, но если у женщины нет настоящих билетов, на борт ее взять нельзя.

«Очень хорошо, — ворчливо сказала Елена. — Вот мой билет первого класса. Возьмите его назад и дайте мне билет в третий класс. Остаток пойдет на билеты для этой леди и ее детей».

Все, кто был в конторе, смотрели на нее с таким удивлением, будто она сошла с ума. Но она говорила всерьез, и они нехотя повиновались. Билеты в третий класс стоили тридцать долларов каждый, и это была грабительская цена. Елена достаточно поездила по свету и прекрасно знала, на что будут похожи эти десять дней в переполненных помещениях третьего класса на пароходе, который везет эмигрантов, — грязь, скверные запахи и крысы! Поистине десять дней ужаса во всем, кроме теплого товарищеского отношения благодарной женщины и ее детей.

В начале июля 1873 года пароход вошел в док Нью-Йорка. Елена простилась со счастливой женщиной, которую встретил здесь муж. Сама же поспешила на двухколесном кэбе в контору русского консула. Но деньги от отца не пришли.

Елена была почти разорена, но беспокоилась не о деньгах, а о том, что случилось дома. Она зарабатывала себе на жизнь раньше, зарабатывает и теперь, пока будет ждать распоряжений Учителя.

Глава 9

В 1873 году до нью-йоркского неба не дотягивалось ни одно высокое здание, кроме колокольни церкви св. Троицы. На скалах, там, где сейчас проходят Вторая и Третья авеню, среди хибарок скваттеров паслись козы.

Мэдисон-стрит составляли в основном небольшие двухэтажные особняки, окруженные прекрасными садами. Но среди них был сдаваемый в аренду многоквартирный дом. В нем проживали сорок женщин. Дом № 222 по Мэдисон-стрит был порождением тех времен, когда у женщин еще не было доступа в деловой мир. Те, кто *вынужден* был сам зарабатывать себе на жизнь, находили лишь плохо оплаченную работу телеграфисток, школьных учительниц и швей. Сорок таких женщин вместе снимали этот дом. Это был первый опыт кооперативного жилья.

В общей комнате, которую называли офисом, сидела женщина. Одной из обитательниц дома, молоденькой школьной учительнице Элизабет Хант, она казалась «очень крупной: у нее было широкое лицо, широкие плечи; ее волосы были светло-каштанового цвета и вились, как вьются волосы у некоторых негров. От нее исходила некая сила».

Действительно, это была Елена Блаватская. Подобно магниту, она притягивала к себе тех работающих женщин, которые жили здесь, в немногие часы их досуга. Они собирались вокруг нее, смотрели, как она скручивает свои сигареты, рассказывая им удивительные истории о своих путешествиях, или, если попросить ее как следует, с мягким профессиональным туше играла на пианино.

«Ее считали спиритуалисткой, — писала впоследствии Элизабет Хант, — хотя я никогда не слышала об этом от нее самой, а те ее высказывания, которые касались подобных предметов, были скорее теософскими, чем спиритическими. Мисс Паркер [близкая подруга Элизабет] давным-давно, многие годы тому назад, потеряла мать, а когда она попросила Мадам связать ее с матерью, Мадам сказала, что не в силах сделать этого, поскольку ее мать растворилась в существах высшего порядка и вышла за пределы досягаемого.

В затруднительных обстоятельствах, будь то обстоятельства умственного или психического свойства, все непроизвольно тянулись к ней

[Елене Петровне Блаватской], ощущая ее бесстрашие, ее отчуждение от условностей, ее глубинную мудрость, обширный опыт и сердечное расположение к потерпевшему поражение».

У Елены тоже были свои затруднительные обстоятельства. Частые посещения русского консула в сопровождении мисс Паркер убедили девушку в том, что Елена в самом деле русская аристократка, а не искательница приключений, но так и не принесли тех денег, которых Елена ждала от отца. Она хотела работать, ей необходима была работа. Но где ее было взять?

Мистер Ринальдо — хозяин дома, в котором она тогда жила, — собирая с его обитательниц плату, познакомился с ней и узнал о ее затруднительном положении. Он обещал помочь ей в поисках работы, привел двух своих молодых друзей-евреев и познакомил их с Еленой. Они владели фабрикой воротничков и юбок. Вскоре Елена, у которой был дар к рисованию, сделала для них наброски рекламных плакатов. «Я прекрасно помню эту рекламу, — говорит мисс Хант, — на ней были маленькие фигурки (вероятно, *diaka*), одетые в юбки и воротнички их производства. Я думаю, что они первыми в Нью-Йорке применили рисованную рекламу».

Среди посетителей дома, которых пленила объехавшая весь белый свет необыкновенно даровитая русская, была и та, кого девушки называли «мадам француженкой». Она и вправду была канадской француженкой, вдовой по имени мадам Маньон, и жила совсем неподалеку, на Генри-стрит, параллельной улице Мэдисон. Мадам Маньон уговорила Елену переехать к ней и жить вместе, пока из России не придут долгожданные деньги.

Это было облегчение, перемена к лучшему и в денежных делах, и в языке. Она снова могла говорить по-французски, а не на английском языке, который был для нее все еще труден. Но вскоре после этого переезда пришло письмо из России. Писала ее единокровная сестра Елизавета (Лиза); она сообщала прискорбное известие о смерти их отца. Действительно, он умер в самом начале июля, но семейство не могло известить Елену до тех пор, пока не получило письмо с ее нью-йоркским адресом. Письмо Лизы было датировано 18 октября (по старому стилю) 1873 года.

Оно передавало последнюю волю их отца и, в частности, гласило: «...как Вы можете видеть, согласно выдержкам из заверенного но-

тариусом завещания, Ваша доля исчислена в 6 тысяч рублей серебром. 1500 рублей будут выплачены Вам немедленно; остальные 4500 рублей остаются у меня на хранении до тех пор, пока Вы не потребуете их. Располагая Вашим последним, адресованным батюшке письмом, я решила, что будет уместным безотлагательно, не дожидаясь Вашей просьбы, послать Вам Ваши деньги. 1500 рублей в 5%-х банковских билетах уже отправлены Вам».

После получения денег Елена переехала в собственную бедно обставленную комнату в доме на углу Четырнадцатой стрит и Четвертой авеню. Визит к ней вызвал у Элизабет Хант чувство вины: комната Елены была расположена над салуном, где подавали спиртное.

Но Елене не хватало денег для покупки роскошной квартиры в изысканном районе, и не хватало в особенности потому, что среди ее новых друзей были те, кто нуждался в помощи. Экономка дома № 222 рассказывала журналисту: «Одной девушке, которая попала в беду и прижила ребенка, она [госпожа Блаватская] дала столько денег, что их достало на маленький домик в сельской части штата, и наказала ей: «Никогда не говорите, кто дал вам эти деньги».

Это могло произойти только после того, как она получила из России остаток своего наследства. Касаясь вопроса о деньгах, Элизабет Хант приводит слова госпожи Блаватской о том, что всякий раз, когда ей нужны деньги, «ей достаточно попросить *Их*, и она найдет все необходимое в одном из выдвижных ящичков маленькой стеклянной горки на своем столе». Элизабет не могла взять в толк, почему Мадам постоянно нуждается в деньгах. Она, конечно же, не понимала, что оккультный закон запрещал г-же Блаватской использовать такие силы для своих собственных надобностей.

Согласно истории, которую сама Елена рассказала полковнику Олкотту, когда они встретились приблизительно годом позже, в то время у нее действительно была при себе значительная сумма денег. Рассказ не позволяет выяснить, каким образом или когда она получила эту сумму (которая, по мысленным подсчетам полковника, достигала 23 тысяч французских франков). По его словам, Учитель доверил ей деньги и велел ждать распоряжений. Елена, разумеется, не могла тратить их на свои повседневные нужды.

Наконец, повествует он, пришел приказ. Ей надлежало выехать по известному адресу в Буффало, штат Нью-Йорк, без всяких объяс-

нений вручить деньги определенному человеку и незамедлительно вернуться в Нью-Йорк. Прибыв по указанному адресу, она нашла там мужчину, который, сидя за столом, писал прощальное письмо жене; на столе лежал заряженный пистолет. Мужчина попал в финансовые затруднения и был намерен именно в этот час покончить с собой. Очевидно, роль Елены сводилась к тому, чтобы вовремя вручить ему деньги и тем самым спасти его «ради событий, которые воспоследуют во времени,— событий поистине мирового значения». Елена рассказала полковнику, что ровно год спустя после этого случая она должна забыть и навсегда забудет имя этого человека и его адрес в Буффало.

Но в обыденной жизни, подчеркивали ее друзья, у нее была присущая русским склонность бросаться деньгами так, будто они были в тягость. Приблизительно в середине 1874 года она встретила старинную знакомую из Тифлиса, даму по имени Клементина Жеребко. Клементина убедила ее пуститься в рискованное сельскохозяйственное предприятие. Елена заключила с ней совершенно законный договор о товариществе, по которому она выплачивала госпоже Жеребко 1000 долларов и становилась совладелицей фермы в шесть акров земли в графстве Суффолк, на Лонг-Айленде. По договору, «все доходы с урожая, домашней птицы, изделий и других плодов хозяйственной деятельности на означенной ферме надлежит делить поровну, равно как и все расходы». Однако документ, дающий право собственности на землю, должен быть составлен на имя г-жи Жеребко.

Елена не испытывала ни тени сомнения в том, что она отыскала средство преодолеть свои вечные экономические сложности и радовалась материальной обеспеченности. Счастливая, она оставила жаркий Нью-Йорк после того, как прожила там целый год, и отправилась на лонг-айлендскую ферму.

Но вскоре дела там пошли плохо. Вот что рассказала Елена в нью-йоркском журнале «Санди Меркьюри» в ответ на статью, ранее напечатанную на его страницах:

«В первый месяц я потратила около 500 долларов на постройки и все остальное; по истечении этого месяца она [г-жа Жеребко] упросила меня расторгнуть договор и была готова выплатить мне мои деньги. Я согласилась и дала ей разрешение распродать с аукциона все, что

мы имели, за исключением земли и построек на ферме. Мы вдвоем поехали в Нью-Йорк с намерением заключить соглашение. Она должна была выдать мне долговое обязательство или закладную на имущество на сумму, которая причиталась мне, немедленно по приезде в Нью-Йорк. Увы! на третий день после того, как мы поселились в общей квартире, я пришла домой и обнаружила, что прелестная графиня исчезла, не сочтя нужным оплатить мне маленький счет на тысячу долларов».

Нью-йоркские друзья убедили Елену добиваться возвращения своих денег по закону и свели с бруклинской юридической фирмой Бергена, Джекобса и Ивинса. Здесь она встретила Уильяма Ивинса — адвоката, который испытывал интерес к оккультизму и вскоре стал ее добрым другом. Но ее дело долгие месяцы дождалось своей очереди быть рассмотренным в суде.

Тем временем Елена нашла новый способ зарабатывать. Она переводила на русский язык все статьи по спиритизму, какие только появлялись в американских журналах. Она полностью перевела на русский вторую часть «Эдвина Друда» — романа, закончить который Ч. Диккенсу помешала смерть. Медиум по имени Джеймс закончил роман на английском языке и уверял, что его рукой водил дух Диккенса.

«Дух ли Диккенса или сам медиум Джеймс, — писала Елена своей соотечественнице А. Н. Аксаковой, — не суть важно. Американская и европейская пресса за немногими исключениями хорошо приняла книгу как совершенное факсимиле стиля Диккенса и его неподражаемого юмора».

Одновременно она заводила друзей среди тех, кого интересовал спиритизм, и в особенности среди тех, чьи интересы простирались на более широкие течения в культуре того времени.

Пятнадцатью годами ранее, в 1859 году, вышло в свет дарвиновское «Происхождение видов». Воздействие этой книги в Америке становилось все более и более сильным. Эволюционная теория была предметом горячих споров. Некоторые охотно принимали ее и радовались тому удару, который она наносила по старой, умирающей церковной теологии. Она обеспечивала им научное обоснование их агностицизма или атеизма.

Другие яростно отрицали ее, придерживаясь того традиционного учения, согласно которому Бог сотворил человека по своему об-

разу и подобию и поместил его в Эдемский сад некоторое, вполне исчислимое время тому назад. Они были крайне недовольны тем, что по новой теории «происходили от обезьян», на самом деле возмущаясь тем, что у них-де нет души, сами они суть не более, чем тело, а потусторонний мир — всего лишь мечта, сдуру принятая за действительность.

Это была философия, действительно печальная и мучительная для умов, воспитанных в уюте христианской веры. Но, возмещая причиненные ей потери, набирала силу новая наука — спиритизм, — которая крепла на глазах и шла вперед, основываясь на удивительных явлениях 1880-х годов. «Позвольте ученым безбожникам говорить все, что они могут сказать, — заявляли его восторженные сторонники, — есть вполне определенные и, главное, фактические доказательства того, что человек живет после смерти».

К этому времени госпожа Блаватская обрела наиболее общее представление о том, в чем состоит предназначенный ей свыше всемирный труд. Для начала ей надлежало использовать новый тогда интерес общества к психическим феноменам и постепенно привести общество к тому более глубокому учению, которое стоит за такими феноменами. Следовало отвести поток интеллектуальной мысли от ложных выводов дарвинизма. Спиритизм, сам по себе далеко не достаточный, можно было использовать как залог более глубокого и удовлетворительного понимания таинств жизни, которое обнаруживалось в эзотерическом учении Посвященных.

Да, теперь она точно знала, к чему готовили ее Учителя и зачем она послана в эту грубую, неотесанную, но свободно мыслящую страну. Но она еще не знала, где и когда ей следует начинать. Было существенно важно не допустить еще одно ошибочное начало, подобно тому, которое она импульсивно совершила в Египте. Ей надлежало дожидаться *Их* слова.

Однажды на улице в начале октября 1874 года Елена заплатила доллар за выпуск нью-йоркской газеты «Дейли график». Она не могла смириться с подобным расходом: смешно, но было совершенно невозможно купить газету за меньшую цену. Причиной жаркой погони за «Дейли график» было сенсационное сообщение о «спиритических материализациях», происходивших в старом сельском доме близ деревни Читтенден в штате Вермонт. Журна-

листа, который вел репортаж с места событий, звали полковник Генри С. Олкотт.

Сама Елена читала сообщение без особого интереса. Она видела и такие же, и еще более примечательные феномены в других частях света. Тем не менее это явление было названо самым поразительным и необычным в современной Америке. Возможно, ей следует поехать туда самой и посмотреть, что же происходит на самом деле.

Затем она получила послание от своего далекого Гуру — внятное, ясное, безошибочное телепатическое послание, одно из таких, какие она смогла получать после своей подготовки на Тибете. Послание гласило, что ей определенно следует ехать в тот старый сельский дом в Вермонте, где разгуливают «духи». Там она встретит мужчину, избранного быть ее сподвижником в великом труде. Настало время начинать его.

Часть II

Солнце восходит
медленно, так медленно

Для постижения принципов закона природы... читатель должен помнить фундаментальные утверждения восточной философии...

1. Чудес не бывает. Все, что происходит, происходит вследствие закона — вечного, неизменного, постоянно действующего.

2. Природа тройственна: есть видимая, объективная природа; есть природа невидимая, постоянно пребывающая, сообщающая энергию, точный прообраз и жизненный принцип первой природы; а выше их обеих — *дух*, источник всех сил, единственно вечный и несокрушимый.

3. Человек также тройственен: у него есть объективное физическое тело, сообщающее жизнь астральное тело (или душа); обе эти ипостаси осмыслены и просвещены третьей — верховным бессмертным духом...

4. Магия как наука есть знание этих принципов и того пути, на котором личность, пока она еще пребывает в теле, может обрести всеведение и всемогущество духа и его власть над силами природы. Магия как искусство есть применение такого знания на практике.

5. Тайное знание в ложном применении — колдовство; в благотворном применении — истинная магия, или *мудрость*.

6. Медиумизм противоположен посвящению; медиум — пассивное орудие в руках внешних сил; посвященный действительно властвует над собой и над всеми внутренними силами.

7. Все, что извечно было, есть и будет, оставляет свой след в астральном свете и на плоской поверхности незримой вселенной; истинно посвященный с помощью своего духовного видения может узнать все, что можно было знать прежде и можно узнать сейчас.

8. Человеческие расы разнятся в духовной одаренности точно так же, как разнятся в цвете кожи, стати и всех основных внешних свойствах.

9. Первая фаза магического искусства есть добровольное и сознательное удаление внутреннего человека (астральной формы) из человека внешнего (физического тела).

10. Краеугольный камень *магии* есть добротное практическое знание магнетизма и электричества, их соотношений и потенциальных возможностей.

Если подытожить сказанное в нескольких словах, *магия есть мудрость духа*; природа — материальный союзник, ученик и слуга мага. Все сущее пронизано одним, наиболее общим жизненным принципом, и принцип этот подвластен совершенной человеческой воле.

Глава 10

В читтенденском доме привидений завтракали. Елена сидела рядом с мадам Маньон, канадской француженкой, которая сопровождала ее в пути из Нью-Йорка. Они только что приехали и впервые ели здесь. Некоторое время спустя пришел мужчина и сел прямо напротив них, хотя за длинным столом с избытком хватало других свободных мест. Не обращая на него внимания, Елена продолжала разговор по-французски со своей спутницей, но чувствовала, что мужчина пристально рассматривает ее.

Быстро взглянув на него, она увидела крупный нос и на нем очки в золоченой оправе, густые бакенбарды и несколько меланхоличное, но умное лицо. Ему должно быть около сорока, предположила она. После завтрака она вышла со своей подругой из столовой на яркий солнечный свет и свернула себе сигарету. Прежде чем она успела чиркнуть спичкой, тот же самый мужчина встал перед ней, предлагая огоньку. Внезапно она поняла, что этот человек с классическим профилем и благородной наружностью и есть полковник Олкотт. Она ощутила проказливое желание поддразнить его.

Он сделал несколько любезных замечаний — по-французски, но с выговором янки. Она посетовала, что ей пришлось заплатить целый доллар за тот выпуск «Дейли график», в котором ее интересовало описание событий на ферме Эдди.

- И даже после этого я сомневалась, стоило ли мне приезжать сюда.
- Почему же?
- Ну, я опасалась, что полковник Олкотт может воткнуть меня в одну из своих газетных статей.

Его глаза мгновенно обратились к Грин Маунтинз, а затем — прямо к ней.

— Вам нечего опасаться на этот счет, мадам, — сказал он, — без вашего позволения полковник Олкотт ничего не сделает. Могу заверить вас в этом, потому что я и есть полковник Олкотт, к вашим услугам!

Елена рассмеялась, назвала себя и пожала его руку. Она чувствовала, что именно этому человеку предназначено стать ее сподвижником. Правда, никто не мог быть уверен в том, что Учителя, если они избрали его для свершения труда, не будут в течение некоторого времени подвергать его дальнейшим испытаниям. Но она чувствовала, что ее географический поиск закончен, ее нескончаемое странствие по миру завершено. Теперь она поедет лишь туда, куда пошлет ее Гуру. Однако закончен был лишь внешний поиск; внутренние искания были еще определенно далеки от завершения.

Конечно, сейчас, в октябре 1874 года, у нее будет несколько интересных вечеров в той комнате, которую непосвященные называют «мастерской призраков», а несколько приятных солнечных дней она проведет в разговорах со своим новым другом и, думалось ей, будущим сподвижником.

Госпожа Блаватская находилась в той комнате на верхнем этаже сельского дома, где проходили сеансы. Ее присутствие вызвало появление нескольких странных существ среди тех материализованных форм, которые расхаживали по помосту, пока Уильям Эдди пребывал в состоянии транс.

Среди призрачных посетителей, появившихся исключительно для нее, был грузинский мальчик, слуга в доме ее тетушки Екатерины Витте. Елена обратилась к нему на его родном языке, и по ее просьбе он сыграл на гитаре несколько национальных черкесских мелодий.

Другим был тот старый персидский купец в полном национальном одеянии, которого она и ее семейство многие годы знали в Тифлисе. Появился здесь и знакомый ей по Тифлису «нукер» — слуга, который ездит верхом перед важным лицом или около него. Когда Елена неверно назвала его имя, он поправил ее. Елена повторила имя правильно; он гортанно произнес по-татарски «чох яхши» (очень хорошо), отдал поклон и ушел.

Одним из самых поразительных призраков был необычайно рослый воин из Курдистана; он нес длинное копьё, украшенное яркими разноцветными перьями. Он потрясал копьём и делал в знак приветствия и уважения другие жесты, принятые у курдистанских племен. Елена сразу же узнала в нем Сафара Али-бека, того молодого вождя, который по приказу ее мужа должен был охранять ее во время прогулок верхом в окрестностях Еревана и горы Арарат.

Елена без всякого удивления встречала и эти, и другие существа из ее собственного прошлого в доме, расположенном в сельской местности штата Вермонт. Но она едва не упала в обморок при появлении седого господина, одетого в обыкновенный черный костюм. Она подумала, что это был сам полковник Петр фон Хан; наконец-то она увидела одного из тех, кого любила и с кем страстно хотела поговорить, — своего дорогого отца! «Вы мой отец?» — волнуясь, спросила она по-английски. Он покачал головой и ответил на русском: «Нет, я ваш дядя». Все, кто был в комнате, утверждала она, должны были слышать слово «дядя» (uncle). Это был покойный Густав фон Хан, председатель уголовного суда в российском городе Гродно. Внешне он был очень похож на ее отца, поясняла она, хотя немного уступал ему в росте.

Полковник Олкотт использовал в своих исследованиях происходящего все приемы, которые только могла подсказать его изобретательность. Он был восхищен столь очевидными явлениями. Как могли даже самые отчаянные скептики из тех приблизительно тридцати человек, сидевших в «круглом зале», поверить в то, что кто-то из семейства Эдди знал обычаи, народную музыку, иностранные языки и тому подобное — словом, все необходимое для столь тщательно подготовленной фальсификации? И даже если эти простые бедные крестьяне *могли* где-то получить столь специальные знания, у них не было под рукой ни костюмов, ни реквизита, а стремительное приобретение их вслед за приездом госпожи Блаватской само по себе было бы чудом.

Елена решила, что с лихвой оправдала все хлопоты и расходы на долгое путешествие из Нью-Йорка. Теперь она была в состоянии нанести на страницах «Дейли график» страшный удар по всем этим самодовольным и ограниченным скептикам и материалистам, не говоря уже о еще более существенном знакомстве с полковником Олкоттом.

Однако она знала и не удивлялась тому, что некоторые приезжали на ферму Эдди с намерениями *разоблачить* «обман и мошенничество», которые-де творились там. В большинстве своем они составляли себе вполне определенные представления еще до приезда на место действия. Они проводили на ферме одну или, возможно, две ночи, а затем со всех ног неслись прилюдно обличать и поносить семейство Эдди.

Одним из самых предвзятых «разоблачителей» Эдди был некий доктор Джордж Бирд из Нью-Йорка. После мимолетного посещения фермы он начал в печати настоящую атаку, заявляя: «Мне нужен всего лишь подержанный занавес ценой в три доллара, чтобы показать, как материализовать все духи, которые посещают дом Эдди». Он рассчитал, и правильно рассчитал, что такие высказывания принесут ему лично по меньшей мере двойную выгоду. Они вызовут спор в печати, а спор даст ему полезную для карьеры известность, паблисити. Далее он покажет себя сторонником тех двух ангелов, которые враждуют между собой, но совместно защищают общество, — сторонником старинной церкви и современной науки. Церковь и наука были уважаемы; спиритизм уважаемым *не был*.

Доктор Джордж Бирд представлял собой тех наиболее опасных врагов госпожи Блаватской, которые будут описывать *все* паранормальные явления в качестве «обмана и мошенничества» и, таким образом, в меру своих возможностей обрекать мыслящий разум XIX века на безысходное заточение в оковах материализма. Сама Блаватская не могла согласиться с такими толкованиями и объяснениями подобных явлений в современном ей спиритизме, но знала, что многие из этих феноменов вполне реальны. Поэтому она облачилась тогда в мантию спиритизма, взялась за перо и написала на английском статью для американской прессы.

Статья под названием *Чудесные спиритические явления* была напечатана в нью-йоркской «Дейли график» от 30 октября 1874 года. Она была столь же полемической, как и многие ее позднейшие произведения, и написанной в живом, увлекательном стиле. Статью она отправила в печать из дома № 124 по Шестнадцатой Восточной улице в Нью-Йорке.

Это была большая статья; в ней Елена говорила о том, что своими собственными глазами видела на протяжении примерно четыр-

надцати ночей на ферме Эдди. Она с убийственной иронией разобрала по косточкам Джорджа Бирда и в конце бросила ему открытый вызов. Ему было предложено «за сумму в 500 долларов прилюдно показать перед зрителями и в тех же самых условиях те явления, которые были засвидетельствованы на ферме Эдди, или, при неудаче, взять на себя постыдные следствия своего мнимого *разоблачения*».

Бирд так и не ответил на вызов. Он написал еще несколько статей, и в печати продолжился спор между спиритуалистами и материалистами. Единственным приятным следствием статьи Блаватской было дружеское и благодарное письмо от Элбриджа Джерри Брауна, молодого американца, редактора журнала «Спиритуэл Сайентист». Он благодарил ее за услугу спиритизму, хвалил «привлекательный стиль» ее статьи и просил разрешения позвонить ей по телефону, если она когда-нибудь придет в Бостон, где выходил в свет его журнал.

Госпожа Блаватская, которая к тому времени открыла в себе добрую журналистскую жилку, написала статью в номер «Спиритуэл Сайентист» от 3 декабря 1874 года. В этой статье она обрушилась на краеугольные основы и устои самодовольного приличного общества, в том числе на церковь, и вместе с тем — на «духовную трусость» так называемых спиритуалистов. Поскольку она до сих пор, вопреки собственной критике известных сторон спиритического движения, появлялась на люди в облачении спиритуалистки, они все еще считали ее своей самой бесстрашной заступницей.

Елена знала, что она обязана поддерживать веру в подлинность спиритических феноменов. Иначе, в связи с разоблачением мошеннических действий нескольких видных, хорошо известных медиумов, тысячи спиритуалистов утратят веру и соскользнут назад, в атеистический материализм.

Поэтому она позволила публике наклеить на себя ярлык спиритуалистки и, кстати, чувствовала себя не слишком уж неловко. Она считала, что может принять такое положение, подразумевая в понятии спиритизма более широкое дополнительное значение. Она и в самом деле была спиритуалисткой в «древнем александрийском,— поясняла она в письме тетушке Надежде,— а не в современном американском смысле слова». Даже в разго-

ворах с полковником Олкоттом, который наконец-то возвратился из Вермонта, она считала нужным тщательно обдумывать каждое слово. Тамошние феномены убедили его в бессмертии души, и он стал весьма и весьма ревностным спиритуалистом.

Олкотт был теперь почвой, почти готовой принять семена истинного оккультизма. Но в то время он слишком отождествлял себя со спиритическим движением и, вне сомнений, был его стойким и верным, но не упрямым представителем.

Когда она склонит полковника на свою сторону, его личные качества несомненно послужат широкому эксперименту Великих. Она начала свою кампанию по образованию и «обращению» полковника, удивляя его феноменами, которые создавала исключительно с помощью своей подготовленной воли — без темных комнат, погруженных в транс медиумов и других внешних атрибутов спиритизма.

Одновременно члены Египетской Ложи Великого Братства начали писать Олкотту письма. Они исподволь подводили его к осознанию определенных целей, впечатляя силою своего сознания, телепатией и ясновидением, а часто и прямой передачей ему своих писем.

Елене казалось, что, кроме полковника, Учителя намерены привлечь к великому делу мистера Э. Джерри Брауна и его журнал «Спиритуэл Сайентист» — самое лучшее тогда спиритуалистское издание. Если другие журналы использовали спиритуалистское движение для получения сенсационных историй, то «Спиритуэл Сайентист» был гораздо более серьезным и толковым. Возможно, он мог стать средством распространения той эзотерической философии, которая открывала истинную перспективу и подлинное значение оккультных феноменов.

Как только Елена увидела эту возможность, она взяла на себя тяжкий труд осуществить ее. Она сама написала для этого журнала множество статей и старалась побудить к этому некоторых знакомых ей спиритуалистов-интеллектуалов.

«Постепенно, с помощью таких людей, как Вы,— писала она в письме профессору Хираму Корсону из Корнеллского университета,— Эпес Сарджент, генерал Липпитт, полковник Олкотт и другие, кого я могу назвать поименно, в список сотрудников журнала вошли известные авторы, и мне хотелось бы, чтобы список этот был пополнен

перечнем тех авторов, которые выступают исключительно на его страницах. Я думаю, не следует обременять мистера Э. Дж. Брауна единоличным руководством нашей кампанией».

Но, к сожалению, в мистере Э. Дж. Брауне исподволь прорезывался закоренелый, твердолобый спиритуалист, которого в определенных ключевых вопросах нельзя было сдвинуть с места.

Кроме того, у Елены возникла тогда острая проблема личного свойства. Известность фермы Эдди привела в ее жизнь некоего выходца из русской Грузии, который всеми силами старался наладить тогда экспортно-импортное предприятие в Филадельфии. Он объявил себя безумно влюбленным в Елену и сделал ей предложение руки и сердца.

Елена сначала удивилась. Несмотря на свои всего-то сорок три года, она считала себя непривлекательной «женщиной-гиппопотамом». «Вы городите чушь», — прямо ответила она ему. Он настаивал. Она рассердилась. Он даже угрожал покончить с собой, если Елена не станет его женой. Все, что ему нужно, утверждал он, видеть ее, разговаривать с ней и защищать ее от мирских нужд и трудностей. Его любовь была бескорыстным обожанием ее интеллектуального величия. Он не просил ничего для себя. Никаких супружеских прав. Никакого брачного сожителства. Она сможет даже оставить свою фамилию и делать только то, что сама пожелает. Он не будет вмешиваться и задавать вопросы.

В конце концов она устала сопротивляться. Возможно, она думала, что брак этот принесет ей экономическую обеспеченность и она будет в состоянии целиком и полностью сосредоточиться на своей миссии. Судебный процесс против Клементины Жеребко еще не начался, и она никак не могла выручить хотя бы часть своих денег. Она понемногу зарабатывала своими статьями и рассказами о сверхъестественном в печати, но заработок этот не был финансово надежным.

К тому же у нее могли быть и более серьезные основания вступить в этот брак — и оккультные, и иные. Позже она говорила полковнику Олкотту, что была связана с этим грузином кармически, и союз их был по природе своей неким наказанием за «ту ужасную гордыню и воинственность, которые препятствовали моей духовной эволюции».

3 апреля 1875 года она отправилась с Микаэлом Бетанелия в Первую унитарную церковь Филадельфии, и достопочтенный Уильям

Х. Фарнесс в должном порядке сочетал их браком. Елена слышала, что ее первый муж умер. Но в действительности он был жив, так что с точки зрения закона брак ее был двоемужеством.

Полковник Олкотт был тогда в Филадельфии, но на свадьбу не пришел. По его мнению, бракосочетание должно было состояться, если должно было состояться вообще, 1 апреля, в день дураков. Бетанелия, писал он, «был невыразимо ниже ее по умственным способностям; более того, никогда не мог быть ей мало-мальски сносным супругом и располагал очень незначительными средствами: его торговля все еще не ладилась».

Вскоре после вступления в этот брак госпожа Блаватская отправилась в Риверхед на Лонг-Айленде. Там должно было слушаться ее судебное дело. Вместе с ней в маленькой деревенской гостинице остановились несколько юристов, клерков и других служащих. Здесь был ее адвокат Уильям Ивинс и еще один студент-юрист, который должен был выступать в качестве переводчика (часть свидетельских показаний была на французском языке). Все они испытывали глубокий интерес к гностицизму, каббалистике, алхимии, неоплатонизму и другим предметам подобного рода. В стенах скучной деревенской гостиницы шли оживленные и пленительные дискуссии. Ивинс стал поклонником госпожи Блаватской и ее другом на всю жизнь. Он познакомил ее с несколькими блестящими молодыми американскими юристами ирландского происхождения, которым суждено было стать верными помощниками в ее труде.

Перед началом процесса юридические советники госпожи Блаватской тщательно прочли с ней ее показания в суде и отметили, какие положения следует подчеркнуть. Но, когда она встала на место для свидетелей, они были до крайности встревожены тем, что услышали от нее. Елена явно выстраивала показания совершенно иначе, нежели они ей советовали. О чем только думала эта женщина? Она определенно проиграла процесс, решили они.

Когда они высказали потом недовольство ее показаниями, она объяснила, что показания подсказывал ей «некто», стоявший рядом с ней и невидимый для них. Она называла этого некто Джоном Кингом, и они подумали, что речь идет о ее «добром знакомом» призраке.

Мадам покинула Риверхед после того, как суд «оставил дело без решения, о котором в свое время уведомит ее». В нескольких письмах

она расспрашивала Ивинса о продолжении судебного разбирательства и, наконец, удивила его письмом «с наброском того решения, которое суд постановит в течение ближайших нескольких дней в связи с исходом дела в ее пользу». В полном согласии с ее предсказанием суд действительно вынес решение в ее пользу и по тем самым основаниям, которые она очертила в своем письме. Ей присудили 1146 долларов и возмещение судебных издержек.

Второй брак Елены длился менее четырех месяцев. Бетанелия был не в состоянии выдержать свою роль в платоническом соглашении, а у нее не было ни малейшего намерения жить с ним обыкновенной семейной жизнью, которая влекла за собой сексуальные отношения и утрату независимости в своих поступках. Ее природа восставала и против того, и против другого. Над ней властвовало ее особое призвание.

В конце июля, по возвращении в Нью-Йорк, она жила в квартире, найденной для нее полковником Олкоттом. Они хорошо работали вдвоем. Он все еще питал глубокий интерес к спиритизму, а Елена помогала ему в исследовании нескольких выдающихся медиумов. Это, как говорила она сама, было частью ее обязательной работы. Такие исследования могли помочь ей прочно утвердить в общественном сознании мысль о том, что подлинные психические феномены реальны, пусть даже многие медиумы и мошенничали.

В основном она сражалась не со спиритуалистами: свою главную битву она вела против скептиков, циников и надменных, но рядовых и заурядных ученых — специалистов в области психологии.

К счастью для дела, полковник Олкотт некоторое время назад развелся с женой; но два его сына еще получали образование, и он не был полностью свободен от семейных уз. Он много работал в своей юридической конторе на Бик-стрит и писал хорошие статьи для прессы, в основном статьи по проблемам психики. Этому же предмету была посвящена его книга «Люди из другого мира». Она вышла в свет в марте 1875 года и была хорошо принята по обе стороны Атлантики, в том числе такими ведущими исследователями, как Альфред Рассел Уоллес, член Королевского общества, и русский автор, философ, статский советник И. А. Аксаков.

Последний написал полковнику Олкотту и просил его подыскать с помощью госпожи Блаватской хорошего и надежного медиум-

ма, который будет согласен приехать в Россию и быть предметом исследований комитета университетских профессоров и других ученых. Олкотт и Елена согласились помочь ему.

Кроме наставления полковника в высшем оккультизме — занятия, которое, по мысли Елены, было выше ее сил даже в том случае, если его предназначили ей Учителя, — она была до предела занята своими сочинениями и другими делами. Днем она писала статьи для американских изданий и делала переводы для русских журналов. По вечерам у нее бывали посетители, приходившие послушать ее. Она не слишком хорошо читала публичные лекции — этой стороной дела успешно занимался Олкотт, — но на *званых вечерах* в живой беседе бывала великолепна. Принцесса Елена фон Раковитц пишет: «Она была неотразимо обаятельна в беседе, которая касалась главным образом глубокого знания всего высокого и благородного; а ее поистине льющийся через край энтузиазм в сочетании с очень самобытным и часто грубым юмором создавал ту манеру выражаться, которая приводила в комическое отчаяние склонных к ханжеству англосаксов».

На ее *званые вечера* с беседами приходили многие интеллектуалы из лучшей университетской профессуры. Одних приводил полковник, других — ее старые связи с Уильямом Ивинсом и ведущими спиритуалистами того времени.

Госпожа Блаватская обсуждала со всех сторон вещи и идеи по большей части самого диковинного свойства и часто сводила их к рассказам о своих путешествиях и приключениях. Более глубокие идеи оккультизма она продвигала медленно и осторожно. Одни посетители принимали ее передовое мышление, другие — не принимали. Но все считали, что она побуждает мыслить. Она была подобна свежему ветру с моря в тяжелой атмосфере американского пуританства 1875 года.

Иногда она использовала паранормальные явления, такие как звон своих «астральных колоколов», в которые, говорили, звонил ее слуга-эльф по имени Поу Дхи. В действительности, какие бы элементы таких явлений она ни применяла, все феномены были полностью подчинены и подвластны ее воле. На самом деле, под покровом загадочных явлений она заинтересовывала, испытывала и обучала людей, в том числе и Олкотта, для грядущего великого

события. Событие это ознаменует собой официальное начало того великого дела, к которому она так долго готовила себя.

В большом альбоме, куда она вклеивала газетные и журнальные вырезки о «боях в печати», ее рукой отмечено получение новых наставлений от Братства: «Из Индии получены распоряжения: приступить к созданию философско-религиозного общества, подыскать название для него, а также избрать Олкотта».

Такие распоряжения подразумевали начало публичного изложения учений истинного оккультизма. Они же предполагали тотальную войну против спиритуалистов, многие из которых, такие как профессор Корсон, генерал Липпитт, Эпес Сарджент, Эндрю Джексон Дэвис и Роберт Дэйл Оуэн, были прекрасными людьми и ее близкими дорогими друзьями.

Глава 11

Люди полулежали на низких диванах, сидели в креслах, покрытых индийскими драпировками и подушками, или усаживались, скрепя и поджимая ноги, на мягкие восточные ковры, расстеленные на полу. Дым фимиама поднимался перед безмятежными профилями восточных статуй и наполнял комнату своим ароматом.

Полковник Олкотт насчитал здесь семнадцать человек, включая себя и госпожу Блаватскую, и со странным чувством значимости вспомнил сегодняшнее число — 7 сентября. Всякий раз, когда вокруг были «семерки», он ощущал оккультное значение этого.

Собрание происходило в квартире госпожи Блаватской, но центром внимания сегодняшнего вечера была, в порядке исключения, не она. Люди собрались послушать мистера Джорджа Фелта. Он был геометром, инженером, а по мнению многих — гением. Во всяком случае, разговор обещал быть чрезвычайно приятным и интересным.

Показывая изысканные рисунки, Фелт обсуждал утраченный Канон Пропорции, известный древнему миру и нашедший свое воплощение в шедеврах его архитектуры и искусства. Он утверждал, что вновь открыл утраченный канон с помощью тех ключей к нему, которые были найдены в храмовых иероглифах Египта. По его

словам, он открыл еще и то, что древние египетские жрецы, посвященные в науку магии, вызывали и использовали духов стихий. Они оставили формулы этой науки в иероглифических записях; Фелт исследовал их и обнаружил, что они работают.

В числе его слушателей был доктор Сет Пенткост, эрудированный каббалист; он откашлялся и спросил говорившего:

— Можете ли вы практическим способом доказать свое знание этой оккультной науки?

— Я могу вызвать в поле зрения сотни туманных фигур, напоминающих человеческие существа, — ответил Фелт, — но до сих пор я не обнаружил у этих привидений ни малейших признаков разума.

— А эта способность вызывать привидения доказуема?

— Я могу показать наблюдателям подлинных призраков, но это потребует времени и проведения целой *серии* лекций.

— Но можем ли *мы* узнать формулы и проверить их сами?

— Да, *некоторые* из вас смогут. Все зависит от степени оккультного развития личности.

Приблизительно на этой стадии кому-то в голову пришла определенная мысль; по одним данным, ее высказал Олкотт, по другим — Блаватская. Возможно, они говорили вдвоем. Они поддерживали телепатическую связь между собой и мощными умами Посвященных во внешнем мире. Во всяком случае, они обменялись запиской, которая прошла через руки их молодого друга и сотрудника Уильяма Кван Джаджа.

Записка предполагала создание Общества, которое посвятило бы себя такому роду оккультной науки. Все согласилось с этим. Затем полковник Олкотт выступил с предложением создать Общество здесь и сейчас. Его идея вызвала общее восторженное одобрение.

Наконец, было решено, что следующим вечером все соберутся еще раз, вновь обсудят дело и прикинут устройство такого Общества. Согласились и с тем, что стоит пригласить мистера Фелта прочитать серию лекций и за эту работу выдать ему вознаграждение.

Собрание, как и предполагали, состоялось на следующий вечер; еще одно — шесть дней спустя, 13 сентября, и затем — в середине октября. В итоге этих встреч было основано Общество. Его президентом стал полковник Олкотт, вице-президентами — доктор Сет Пенткост и мистер Джордж Фелт, а казначеем — мистер Генри Дж. Ньютон,

богатый фабрикант на покое. Должность секретаря-протоколиста занял мистер Джон Сторер Кобб, английский адвокат и доктор права. Юридическим советником Общества был назначен мистер Уильям Кван Джадж.

Подыскать подходящее название для Общества после длительного обсуждения поручили мистеру Чарлзу Соузерну — писателю, библиографу, человеку широкой культуры. Он был членом Общества Розенкрейцеров и масоном высокой степени. Некоторые говорили и о том, что он был по меньшей мере знаком с Братством Посвященных.

Вероятно, слово «теософия», которое предпочли всем остальным возможным названиям, не совсем подходило к тому облику Общества, каким его видели шестнадцать из первых семнадцати основателей. Но оно очень хорошо подходило к тому, чем должно было Общество стать, — так задумали те, кто стоял за кулисами, и, вне сомнений, это хорошо понимала госпожа Блаватская.

Было решено первое официальное заседание Общества с торжественной речью его президента провести 17 ноября в зале общественного здания в Нью-Йорке.

Но еще до наступления этой важной даты Елена, которая знала, какое впечатление произведет на ее друзей-спиритуалистов открытие Общества, собралась съездить в Итаку, штат Нью-Йорк, чтобы провести некоторое время в доме одного из ведущих умов среди американских спиритуалистов того времени, профессора Хирама Корсона.

Одно время она переписывалась с профессором. Приглашение в Итаку было следствием того глубокого интереса, который вызвали у профессора ее письма. Но сама она сильно беспокоилась о том, как воспримет маленький провинциальный городок, куда ее пригласили, ее неугасимую сигарету и «ухватки прусского гренадера на побывке». Корсон был видной фигурой и приобретал все большее и большее значение в Корнеллском университете, где он был профессором англосаксонской и английской литературы.

Елена кое-что знала об утонченном внешнем лоске академического общества и опасалась, что не отвечает его требованиям. Тем не менее профессора весьма и весьма интересовал вопрос о призраках. Возможно, его первоначальный интерес был вызван смертью дочери.

Его жена, француженка, разделяла его интерес, но была не столь одержима. Их обоих можно было сделать хорошими союзниками не только в войне против материализма, но и в распространении более глубокого понимания психических явлений.

Итак, пару дней спустя после собрания, на котором обсуждали предполагаемое общество, Елена двинулась в путь протяженностью в триста миль — сначала пароходом по реке Гудзон, а затем — по железной дороге в Итаку. 17 сентября она прибыла в двухэтажный дом в колониальном стиле.

Поездка не принесла ей полного успеха. Профессор писал своему сыну: «Я думал, что мы проведем несколько сеансов и совместными усилиями вызовем духов. Но она [мадам Блаватская] не только не проявила склонности к ним, но и решительно противилась чему-нибудь в этом роде... Она — огромный русский медведь...» И в другом письме: «Я никогда не видел такого сильного существа; она ревностна в своих целях, поведение напряженное, окружающее для нее ровным счетом ничего не значит: пусть рухнут небеса — она не свернет со своего пути».

По всей видимости, путь ее состоял в том, чтобы «писать с утра до полуночи с недолгими перерывами на обед и скручивание сигареты». Действительно, она начала тогда первый пробный набросок того, чему суждено было стать *Изидой без покрывала*.

Но если она и не разделяла склонность профессора к спиритическим сеансам, то показывала ему, что силой своей сознательной воли может вызывать психические явления, такие как постукивания по обстановке и телу. Некоторые имевшие место феномены он счел совершенно поразительными. Однажды, к примеру, она создала удивительно похожий портрет покойной дочери Корсонов. При виде его миссис Корсон залилась слезами и с восклицанием: «Это работа дьявола!» — бросила портрет в огонь. Но другой образчик магии сослужил французской даме лучшую службу.

Сын Корсонов, Эжен, который позже издал письма госпожи Блаватской к своим отцу и матери, описывает его так: «Однажды вечером предсказали мороз, но, когда моя мать захотела убрать с балкона комнатные растения, Е. П. Б. попросила ее не беспокоиться: она-де прикажет Джону внести их в дом. Все беззаботно отправились спать, а утром нашли все комнатные растения в доме».

Те, кто знал тогда Елену Блаватскую, знали и Джона Кинга, призрака, который, видимо, должен был всегда и всецело быть в ее распоряжении, хотя иногда капризничал. Джон притяжал быть заблудшим на земле духом печально известного пирата XVII века сэра Генри Моргана. По какой-то причине ему пришлось стать слугой, или «домашним духом», госпожи Блаватской. Она написала множество забавных коротких рассказов о нем. Иногда он, видимо, должен был служить посланником того или иного Посвященного.

Но кем бы или чем бы ни был Джон Кинг, он не ограничивался в своих действиях одной стороной Атлантики. Его хорошо знали несколько видных исследователей психических явлений в Европе. Двое из них, профессор Бутлеров, прославленный русский химик, и Аксаков, в описании сеансов в Лондоне летом того же 1875 года сообщают: «Мистер Крукс [впоследствии сэр Уильям Крукс], подтвердил, что призрак по имени Джон Кинг появлялся в его собственном доме, пока миссис Крукс держала руку на плече Уильяма [медиума], спавшего за занавесом».

Четверть века спустя Артур Дж. Г. Флетчер писал сэру Оливеру Лоджу о явлениях на одном сеансе: «...Своего рода витая колонна тумана... казалось, сама придавала себе определенную форму до тех пор, пока не приняла облик мужчины в полный рост, с длинной черной бородой, очень красивым лбом и благородной внешностью... Он подошел прямо к нашему столу и остановился у дальнего края точно напротив меня. Он доброжелательно приветствовал всех нас и несколько времени спустя сказал, что его имя Джон Кинг».

Это описание очень напоминает того Джона Кинга, который написал для генерала Липпитта свой портрет в Америке в 1870-х годах. Портрет был позже подарен Теософскому обществу. Теперь он висит в международной штаб-квартире Общества в индийском городе Адьяр и выглядит таким свежим, будто его только что закончили.

Даже совсем недавно существо с тем же самым примечательным психодинамизмом появлялось среди европейских исследователей психики и называло себя Джоном Кингом. По мысли нескольких теоретиков, и во времена госпожи Блаватской, и позже одним и тем же именем пользовался целый ряд различных существ — фантомов покойников и живых людей или таких существ, которые не

были ни тем, ни другим. Но все, кто использовал это имя, обладали одной и той же способностью вызывать сильные психические феномены (ПФ) в комнатах, где происходил тот или иной сеанс. Для Елены эта сильная и привлекательная личность вызывала такие феномены всегда и повсюду, при любых условиях.

Елена провела у Корсонов около четырех недель. После ее отъезда профессор писал сыну: «Госпожа Блаватская уехала. И хотя жить с ней во многих отношениях неприятно, ее посещение доставило всем нам большое удовольствие. Она весьма и весьма замечательная женщина. Бердсли [фотограф из Итаки] сделал несколько ее великолепных снимков».

Но для Елены самыми важными были вопросы о том, хорошо ли она посеяла свои семена. Станет ли профессор ее союзником в Великом Труде? Ответить на них могло только время.

Она возвратилась в Нью-Йорк приблизительно в середине октября, ко времени третьего собрания созданного ею Общества, которое состоялось на сей раз в доме деятельного спиритуалистского лектора, миссис Эммы Гардинг-Бриттен.

Елена решила, что мужчина, явно избранный Посвященными в качестве ее главного сподвижника, полковник Олкотт, хорошо дополнял ее. Он был сильным организатором и знал все необходимое о должном юридическом обосновании Общества, которому суждена была долгая жизнь. Он был действительно незаменим там, где она сама была совершенно беспомощна.

Столь же успешно он шел вперед в своих исследованиях, начиная понимать глубокие основы оккультизма; и, что важнее всего, ее собственный Гуру, Учитель Мориа, принял его в число своих *чела*.

Так или иначе, Олкотт знал вполне достаточно для того, чтобы держать торжественную речь перед обычной публикой при открытии Общества 17 ноября в Мотт Мемориал-холле на Мэдисон-авеню. Елена не смогла бы произнести такую речь. По всей видимости, сама форма такой лекции перед публикой, которую надо читать с возвышения в общественном месте, заставляла ее отступить. Поэтому в тот важный вечер она сидела в зале. С трудом прислушиваясь к тому, что говорил ее ученик Генри Олкотт, она изучала лица окружающих. Она хотела знать, как откликнется на это рождение «мятежника» — мятежника со странным иноземным обликом —

консервативное, уважаемое общество потомков суровых и строгих пуритан.

Действительно, уважаемая, но далекая от духовной жизни публика пренебрегала новорожденным Обществом. Нападки на него исходили главным образом от спиритуалистов. Даже ее новая надежда, профессор Корсон, прислал ей письмо с критикой некоторых идей, высказанных в торжественной речи Олкотта. «И ты, Брут! — ответила она. — Вы действительно нанесли мне удар, довольно сильный и очень неожиданный».

Но ее ни в коей мере не удивило, что масса спиритуалистов невзлюбила и новое Общество, и то, что оно отстаивало. Проблема была в основном эмоциональной. Лишенные современной наукой надежды на жизнь после смерти, они вновь отыскивали, вновь обрели ее в спиритизме, но не в догме и учении современного им спиритизма, а эмпирически, в действительном (как они верили) видении тех, кто прошел ворота смерти, и в общении с ними. Здесь было нечто большее, чем надежда, — здесь была определенность!

Затем появилась госпожа Блаватская и ее Теософское общество, которые стремились разъяснить им, что принятое ими за факт было заблуждением. Формы, голоса и призраки, которые они считали исходящими от дорогих им умерших, на самом деле исходили от тех изначальных, простейших астральных оболочек, бездушных обитателей других плоскостей, которым, как предполагали, доставляло удовольствие дурачить людей. Согласно этой философии, тех, кто избежал обмана медиумов, обманывали духи. Большинство спиритуалистов не приняло и не могло принять эту идею.

Месяц за месяцем уходили в прошлое. Олкотт читал публичные лекции. Елена вела беседы в своем нью-йоркском *салоне*. Оба они писали для прессы статьи и памфлеты в защиту новых учений. Тем временем зримая твердыня их надежд, Теософское общество, начала рушиться у них на глазах.

Глава 12

Эксперимент с Фелтом потерпел неудачу. Фелт оказался беспорядочен, ненадежен и слишком меркантилен. По вопросу о том, следует

или не следует ему сдерживать свои важнейшие обещания и показать на практике вызов духов, мнения разделились. Госпожа Блаватская говорила, что обещания следует сдерживать. С другой стороны, полковник Олкотт писал, что Фелт не сумел показать ничего, кроме «кончика хвоста настоящего духа».

Сам Фелт утверждал, что в то мгновение, когда он начал вызывать туманные формы, у его публики возникло неприятное чувство страха. Реакция, говорит он, была такой, что госпожа Блаватская, которая видела в свое время на Востоке наступление столь же неприятных следствий определенных сходных феноменов, попросила его остановиться, скатать рисунки и перейти к другому вопросу. По его собственному утверждению, он мог убедить некоторых, но не всех членов Общества.

В чем бы ни состояла истина, с серией затеянных Фелтом показов было покончено. *Видимая* главная идея Общества потерпела крах. Однако Елена знала, что действительная, внутренне первостепенная цель Общества заключалась отнюдь не в магии и чудесах, и Олкотт постепенно также начинал понимать его более широкое назначение. Но некоторые члены решили, что организация исчерпала себя, и предпочли разойтись.

Ведущие умы из числа американских спиритуалистов, разумеется, хотели обрести удовлетворительную философию в качестве обоснования тех несомненных феноменов, которые происходили в комнатах для сеансов, и часть их проявила определенный интерес к новому обществу. Но лишь немногие из них были в состоянии воспринять и усвоить то, чему учила по этим вопросам госпожа Блаватская.

Несколько человек на самом деле верили, что, в соответствии со средневековой демонологией, в других плоскостях действительно обитают существа, отличные по природе своей от умерших людей. Великий «Провидец из Пукипси», Эндрю Джексон Дэвис, говорил о проказливых, безнравственных мелких бесах, которые временами дают почувствовать свое присутствие. Таких мелких бесов он называл Diakki.

Подкрепляя свои идеи цитатами из самых разных источников, Елена писала: «Князь Долгорукий, величайший вслед за Дюпотом современный месмерист, после тридцати лет опытов ясновидения

говорит... что если медиум недостаточно безупречен, обычно его посещают гномы и сильфы...»

Однако американские спиритуалисты оставили без внимания ее утверждение о том, что практически все существа, которые приходили на их сеансы из «другого мира», были самозванцами и лишь прикидывались их умершими друзьями и родственниками; и о том, что только те, кто совершил самоубийство или умер безвременно, оставались на более или менее продолжительное время поблизости от земли. Они также не соглашались, что попытки привести в сообщение с живыми настоящие души пагубны для последних, поскольку сдерживают их естественное поступательное развитие. В дальнейшем были с крайним негодованием отвергнуты и прямые и резкие утверждения Блаватской о том, что спиритизм в Америке, будучи неосознанным колдовством и некроманией, задерживает собственно духовное развитие участников сеансов и часто приводит к установлению безнравственных и порочных связей.

Однако в американском спиритизме и в самом деле начали проявлять себя его некоторые отвратительные стороны, такие как те «мужья и жены в ангельском облике», которых в старину именovali демонами-любовниками. Тем не менее Эпес Сарджент, самый любимый американский спиритический писатель Елены, признавался ей: «Меня вообще не тревожат все эти злоупотребления... Подонки могут временно всплыть наверх. Но Бог царствует, и я не опасаюсь за исход». Он корит ее за те резкости, которые она печатно высказывает в адрес спиритуалистов, и говорит, что их естественным откликом может стать ответный удар, грозящий расколом в среде противников материализма.

Э. Дж. Дэвис с мягким юмором писал ей: «Мы выражаем сочувствие Вашим врагам. Им действительно понадобятся помощь и покровительство... Мы боимся, что разбойные Диакка обрушатся на Вас. И, может быть, «у Бога есть милость для Вашей души» — вот воистину последнее слово перед тем, как вздернуть преступника. Миссис Дэвис от всего сердца шлет Вам наилучшие пожелания».

Перья и языки ее врагов наносили ответные удары не только в сфере вопросов философского порядка, но и в пространстве клеветнических измышлений, касающихся личной жизни. «Меня называли,— писала Блаватская мистеру

Корсону, — безнравственной женщиной, которая имеет неисчислимое количество любовников. Сейчас мистер Бледе из Бруклина по секрету рассказывает всем о моих преступных любовных связях с папой Римским и Бисмарком. Мистер Хоум, безупречный медиум, изливает на меня свой яд в Европе. Более того, анонимные письма обвиняют меня в тайных любовных свиданиях в домах моих друзей, где я часто бываю; эти письма посылаются моим друзьям, а они отправляют их мне».

Теперь, в качестве общественно значимой фигуры в новом движении, она стала более чувствительной, чем прежде, к такого рода клевете и злословию, но все еще кажется, что это сначала забавляет и лишь затем раздражает ее.

Стоило ли ей так бескомпромиссно атаковать спиритизм и наживать среди его приверженцев столько врагов? По словам некоторых авторов, надобности в таком нападении не было. В их представлении, она преувеличила значение своих доводов против спиритизма и проявила присущий ей самой недостаток тонкости, осмотрительности и такта. Мистер А. П. Синнетт в ее позднейшей биографии писал: «К сожалению, случилось так, что огульное осуждение госпожой Блаватской спиритизма в целом как обманчивого и вредного явления повлекло за собою отчуждение множества тех людей, которые могли стать самыми пылкими сторонниками теософского движения. Все позднейшие исследователи оккультизма знают теперь о том, что астральная плоскость играет в будущей жизни большинства людей гораздо более важную роль “прохода”, а не “оболочки” — по той вводящей в заблуждение теории, которой мы было следовали сначала».

Одним из тех, кто решительно не мог пойти с ней по антиспиритическому пути, был Э. Джерри Браун, редактор «Спиритуэл Сайентист». Кстати, журнал его вскоре утратил былое значение в распространении теософских идей, стал непривлекательным для массы спиритуалистов и в 1877 году прекратил свое существование.

Но еще до этого Елена была загружена литературной работой по меньшей мере нескольких видов. Она стала настоящей писательницей, журналисткой и автором памфлетов. В Америке ее статьи появлялись в ежедневной прессе, в «Спиритуэл Сайентист» и в других специальных изданиях. Она писала Аксакову, что статьи ее были

изданы в виде сборников, которые тысячами расходились по цене десять центов за томик.

Для русских изданий она не только делала переводы, но и писала оригинальные статьи по множеству самых разных вопросов, включая феминизм (излюбленную тему ее матери), самоубийство, власть денег, ханжество церковников, разводы, новые изобретения, такие как фонограф Эдисона, и, конечно же, магию, колдовство и спиритизм.

Однако в начале 1876 года ее главным писательским замыслом был тот, который она начала осуществлять в Итаке. Сначала у нее не было ясного представления о том, что она приступила к работе над своей первой книгой, — книгой, которая распахнет окно в тайный, старинный и вечно новый мир и заложит прочные основания теософского движения.

Вот «портрет» комнаты для письменных занятий в нью-йоркской квартире Елены. Утро. Полковник Олкотт, который занимает несколько комнат этажом выше, приходит помочь ей в работе над книгой. Такие домашние занятия дают ему бесценное оккультное образование. Сидя напротив нее за длинным столом, на котором разложены страницы рукописи, он затачивает мягкий карандаш. Елена с отсутствующим выражением лица набрасывает что-то на полоске бумаги. Неожиданно она просит его одолжить заточенный карандаш.

Генри Олкотту на собственном горьком опыте известно, что именно к ней и приложимо его словечко «похититель канцелярских принадлежностей». «Если я дам ей этот карандаш, — думает он про себя, — он определенно угодит в выдвижной ящик ее стола вслед за другими карандашами, ластиками и всем прочим, что я “одалживал” ей раньше...»

Взглянув на нее, он замечает в ее глазах слегка саркастичное выражение. Он быстро переводит взгляд на тот набросок, который лежит перед ней. Качество наброска подтверждает внезапно пришедшее к нему понимание того, что телом Елены владеет сейчас не она сама, но «Артистичный Некто», который может легко читать его мысли. Прекрасная рука Блаватской протягивается вперед, кладет карандаш, которым она пользовалась, на стоящий между ними поднос с явным намерением катать его длинными пальцами и — вот!

Дюжина точно таких же карандашей материализована и лежит на подносе! Не сказано ни слова, но молчаливый упрек заставляет кровь стучать в висках Генри; он чувствует, что сам он не больше карандаша.

Весь следующий час они разговаривают по-французски. Генри знает, что «Артистичному Некто» не нравится говорить на английском. Затем, полностью поглощенный своей работой, Олкотт лишь смутно осознает, что его соседка на несколько минут выходит из комнаты. Вслед за ее возвращением он бросает на нее беглый взгляд и видит, что она глубоко погружена в размышления; тем временем ее пальцы теребят *воображаемые* усы и бороду. Перехватив его взгляд, она поспешно убирает руку от лица и начинает писать. Теперь Генри с чувством полной уверенности понимает, что здесь пребывает его Гуру, усатый и бородатый раджпут, в высшей степени знатный и образованный,— Учитель Мориа собственной персоной.

В первом томе своих «Страниц из старого дневника» Олкотт дает прелестное описание тех *Alter Egos*, которые сыграли свою роль в создании *Изиды без покрывала*, их сугубо различных личностей, почерков и стилей.

Все они использовали в качестве канала психофизические способности госпожи Блаватской. Поэтому рукопись в целом несет на себе отпечаток ее личности. Но в рукописи было и достаточно отклонений. При беглом взгляде на текст он мог легко узнать, какое именно *Alter Ego* приложило к нему руку. По его словам, все они, за одним-единственным исключением, были живыми людьми со своими собственными физическими телами, которые на некоторое время покидали, чтобы ненадолго завладеть психофизическим средством выражения и распространения мыслей Елены Блаватской.

Единственным *бестелесным* существом был один старый платоник, чье имя, говорит Олкотт, истории неизвестно.

Где же было собственное «я» Елены в то время, когда происходило все это?

«Казалось, что я сплю или лежу не вполне в сознании, не в своем собственном теле, но близ него; меня удерживает здесь только страх порвать те узы, которые связывают меня с ним. Однако временами я отчетливо, ясно все вижу и слышу; я полностью сознаю,

что говорит и делает мое тело или, по меньшей мере, его новый обладатель».

Когда Посвященные не писали *ее рукой*, они часто помогали ей другими удивительными способами. «Ну, Вера,— говорит она в письме сестре,— я пишу *Изиду*, нет, скорее не пишу, а записываю и рисую то, что *Она сама* мне показывает. В самом деле, временами мне кажется, что древняя богиня красоты самолично ведет меня через все области тех столетий, которые я должна описать. Я сижу с открытыми глазами и, судя по всему, вижу и слышу все реальное вокруг себя и при всем том вижу и слышу то, *о чем пишу*. Я задыхаюсь, мне не хватает воздуха, но я боюсь сделать легчайшее движение из опасения спугнуть и разрушить чары... Столетие за столетием, образ за образом медленно выплывают издалека и проходят передо мной, словно в магической панораме...»

Когда ей нужны были выдержки из какой-нибудь редкой древней книги, книга тотчас же появлялась перед глазами в «астральном свете», и она могла делать выписки. При издании ее рукописи Генри Олкотт обнаружил, что иногда она применяла знаки цитирования, а временами забывала или не давала себе труда применить их. Он расставил такие знаки там, где они были нужны, и там, где сам нашел нужным поставить их. Но у него не было времени тщательно проверить все пассажи, и поэтому в чтении гранок ему помогали несколько других лиц. Такова, вероятно, причина, по которой книга стала предметом критики за использование целых отрывков из других произведений без знаков цитирования или должным образом выраженной признательности их авторам.

Беатрис Гастингс пишет о такой критике: «Проверяя список “плагиатов”, составленный Эмметом Коулменом [кропотливым книжным червем, злейшим критиком Е. П. Б.], я обнаружила, что из тридцати пяти имен других авторов Е. П. Б. указала в книге *Изида без покрывала* двадцать шесть. Видя, что одной из ее самых больших забот был сбор авторитетных высказываний в поддержку своих собственных построений, я прихожу к выводу, согласно которому она попросту ведать не ведала, где прочитала тот или иной текст. Возможно, она делала заметки без указания имени автора определенной книги, или, вероятно, просто запомнила известные отрывки и восстанавливала их по памяти из своего замечательного

подсознания, или, опять-таки возможно, читала их в “астральном свете”».

Никто не знает, в какой мере книга была написана самой Блаватской и в какой — обществом Посвященных, согласованно действующим через нее. Елене была ненавистна сама мысль о том, что ее считают *медиумом*. Писатели-окультисты отмечают известные различия между ней и обыкновенными спиритическими медиумами. Так, например, она была специально обучена сотрудничать в качестве посредника (медиатора), или передатчика, прежде всего с теми Посвященными, которые обладали собственными земными телами.

Во время передачи она не утрачивала осознание самой себя и, по ее словам, была способна запомнить все, что происходит, и «запомнить настолько хорошо, что впредь могла сама повторить это».

Разумеется, правда и то, что некоторые из тех, кого считали медиумами, сохраняли собственное сознание и отдавали себе полный отчет в том, что через них действует иной разум. Так, например, миссис Куррен, американская домохозяйка, отчетливо сознавала, что некое бестелесное существо по имени «Достойное Терпение» писало ее рукой исторические романы, — самые настоящие романы, которые высоко оценивала критика. Но она знать не знала, кто такой «Достойное Терпение». С другой стороны, госпожа Блаватская встречала если не всех, то большинство своих Посвященных во плоти.

Когда ее деятельность посредника, или тулку, приобрела особенное напряжение и насыщенность, она стала известна своим друзьям как «Е. П. Б.». В свое время она пользовалась множеством прозвищ, которые придумывал ей полковник Олкотт, — «Джон», «миссис Маллиган», «Старая Лошадь», «Отмычка» и т. д. На самом деле она предпочитала обращение «Е. П. Б.». Это название обозначало для нее ту согласованно действующую общность Великих, которой, по их словам, пришлось долго ждать, пока появится такой прекрасный инструмент, как Е. П. Б. Они могли использовать ее, «посвященную чела», в качестве средства достижения своей цели или своего рода устройства для приема-передачи по воздуху в то время, когда сами телесно пребывали в Тибете или другой отдаленной местности.

Создание *Изиды без покрывала* от начала, положенного в доме профессора Корсона, до выхода книги из печати потребовало двух лет.

Книга дала читателям XIX века ключ к тайнам науки и теологии древности и современности. В новое время наука и теология стали антагонистами, но в древности они были едины и вместе приближались к конечной Истине, «ибо духовная интуиция восполняла здесь ограниченность данных психике ощущений. После своего обособления точная наука отвергает помощь внутреннего голоса, а религия становится просто-напросто догматическим богословием, и обе они — телами без души».

Далее. Любая эзотерическая доктрина, такая как буддизм, брахманизм или гонимая *каббала*, учит, что неопределенная и непостижимая Сущность проявляется в последовательности правильных и гармоничных чередований свойственных ей активного и пассивного начал. В поэтической фразеологии Ману такие обстоятельства названы «“днем” и “ночью” Брахмы».

Эта идея вечной сущности, беспричинной Причины, частью которой является присущий человеку дух, составляет суть эзотерической доктрины. Блаватская вводит ее в *Изиде* и с большей полнотой раскрывает в своем позднейшем произведении *Тайная доктрина*.

Нью-йоркская газета «Геральд трибьюн» высказала свое мнение о смелости и разносторонности *Изиды без покрывала* и «удивительном множестве вопросов, которые затрагивает и поясняет эта книга». По словам обозревателя, она была «одним из примечательных произведений нашего века». Несколько других газет дали сходные благосклонные отзывы, и лишь очень немногие обвинили автора в «распространении трансцендентальной ахинеи».

Первое издание вышло тысячным тиражом, который был распродан за девять дней. При жизни Е. П. Б. в свет вышло четырнадцать повторных изданий. Несмотря на то что книга эта была, в сущности, вытеснена *Тайной доктриной*, ее все еще издают и покупают.

Нет и не может быть ни малейших сомнений в том, что *Изида* сыграла огромную роль в первоначальном распространении теософских идей и заложила основание для будущего международного распространения теософского движения. Е. П. Б. получала письма с выражением признательности из самых разных стран света. Так, например, графиня Кайтнесс, которая позже станет верным другом основателей Теософского общества и самого Общества, писала с целью выразить автору «самую горячую и искреннюю благо-

дарность за те восхитительные часы, которые я провела с Вами, когда читала Ваш великолепный труд *Изида без покрывала*, и за все то знание и удовольствие, которое доставило мне внимательное чтение этой книги».

Последний год работы над *Изидой* прошел в квартире на углу Со-рок седьмой стрит и Восемнадцатой авеню. Официально это была штаб-квартира Теософского общества, а неофициально многие друзья и посетители знали ее под названием «Ламасери». В ней была большая общая комната и несколько спален. Здесь жили и работали и полковник Олкотт, и госпожа Блаватская. Ко времени выхода в свет *Изиды* они вдвоем и Чарлз Кван Джадж остались почти единственными деятельными членами Теософского общества. Елена и полковник были на самом деле очень активны. Он читал лекции в самых разных центрах. Она вела обворожительные беседы на своих постоянных вечерах «у себя дома». В свободные вечера они оба писали на теософские темы, часто засиживаясь за работой до часу или двух часов ночи.

Но формальные собрания Общества прекратились за недостатком интереса к ним. Олкотт говорит, что, по данным журнала заседаний, последнее собрание состоялось 15 ноября 1876 года. И Олкотт, и Блаватская стояли едва ли не одни на холодном ветру враждебной критики и поэтому назвали себя «теософской двоицей».

Действительно, американская почва оказалась слишком тощей и скудной для саженца теософии. Те, кто стоял за кулисами, должны были явно прийти к такому выводу. Учителя, постоянно связанные между собой различными оккультными средствами, решили дать Елене знать, что единственное решение проблемы — это перенос штаб-квартиры движения в Индию. Обоим основателям надлежало приехать туда.

Для самой Елены идея эта была очень заманчива. Она любила Индию и устала от Америки, — устала от ожесточенных боев с критиками и бесплодных попыток пробудить эту страну, погрязшую в апатии и материализме. Но как она сможет убедить полковника Олкотта пуститься в столь дальнее странствие? Индия, разумеется, представлялась ему в самых радужных красках. Теоретически предложение отправиться туда возбуждало его романтическую, склонную к приключениям натуру. На практике дело обстояло иначе.

Он был мужчиной в самом расцвете сил, около сорока пяти лет, и явно преуспевал в той юридической деятельности, которой впервые занялся лет двенадцать тому назад, сразу же после гражданской войны. Во время войны он занимал пост специального уполномоченного по расследованию коррупции в компаниях, поставляющих боеприпасы. В этой должности он показал себя, по словам одного писателя, «истовым крестоносцем в походе на взятку». Незадолго до конца войны он стал членом элитного комитета трех полковников, созданного с целью расследовать заговор, стоявший за убийством президента Авраама Линкольна.

Успехи полковника в должности специального уполномоченного принесли ему авторитет, похвалы и пылкие рекомендательные письма его начальников. Это могло быть одной из причин, в силу которых Посвященные с их видением того, что должно было случиться, избрали его сподвижником Елены Блаватской.

Другими причинами, вне сомнений, были его поступки и личностные особенности. Опыт занятий журналистикой в Нью-Йорке постепенно сделал его популярным, доступным и понятным писателем. Годы, проведенные в преподавании научных основ сельского хозяйства, раскрыли присущую ему инициативу и выявили дарование лектора. В своей юридической деятельности он множество раз показал себя дельным организатором и надежным администратором.

Его личная жизнь была гораздо менее устроенной. В 1860 году он женился на дочери некоего конгрегационалистского священника. Брак был не слишком счастливым. Его жена оказалась узколобой пуританкой. Она резко возражала против интереса Генри к спиритизму и тем восточным идеям, которые в неясном и ограниченном виде начинали проникать в умственную жизнь Америки. Полковник развелся с ней еще до того, как встретил госпожу Блаватскую. Но миссис Олкотт все еще писала ему длинные нравоучительные письма, отчитывая за грехи и наставляя, как он должен жить.

Проблема, связанная с долгожданной переменой, состояла в том, что он все еще помогал своей бывшей жене и двум сыновьям, которые учились в колледже.

В его образе жизни происходили тогда быстрые и глубокие перемены. Их вызвали не нравоучения миссис Олкотт, но просвещение его Еленой Блаватской и приобщение к высшему оккультизму.

Постепенно исчезали его пристрастия к мирским удовольствиям, погоня за известностью, личной славой и властью. Елена про себя отмечала эти перемены и радовалась им. Но она знала и то, что еще не настало время убеждать его бросить все и пойти повсюду, куда только позовут их Учителя. Все же следовало шаг за шагом двигаться в этом направлении.

Глава 13

Разговор за обеденным столом сам собой соскользнул на вопрос о преципитации, иными словами — о воспроизведении на бумаге возникшего в уме образа рукописи, произведения искусства или других явлений того же самого свойства. Такое воспроизведение было одной из тех способностей, которые проявляла госпожа Блаватская, и трое ее сотрапезников страстно желали узнать о нем больше, чем до сих пор знали. Уильям Кван Джадж, сам в некотором смысле художник, был особенно заинтересован этим оккультным искусством. Ему очень хотелось увидеть преципитацию в действии.

— Не могли бы вы сегодня вечером преципитировать чей-нибудь портрет?

Е. П. Б. улыбнулась и вышла из-за стола. Когда общество переходило в ее кабинет, она спросила:

— Чей именно портрет вам желателен?

Джадж задумался, но мгновение спустя ответил:

— Портрет Тираваллы.

Это был индийский йог, о котором часто говорила Е. П. Б. По ее словам, Учителя относились к нему с глубоким уважением. Позже полковник Олкотт в «Страницах из старого дневника» предположил, что имя «Тиравалла» было сокращением «Тируваллиувар» — имени «почтенного философа из древнего Малипура, друга и покровителя бедных париев... В Южной Индии его считали одним из Сиддха и говорили, что, подобно остальным шестнадцати, он все еще должен был жить в Тирупати или Хилгири-хиллз, охраняя религию индуизма».

В кабинете Е. П. Б. подошла к письменному столу Олкотта и взяла листок разлинованной в клетку бумаги из того пакета, который

Олкотт принес домой из Лотос-клуба сегодня вечером, как раз в то время, когда остальные трое начинали обедать. Вне сомнений, выбор Е. П. Б. должен был убедить наблюдателей (Джаджа, Олкотта и доктора Л. М. Маркетта) в том, что у нее не было ни малейшей возможности заранее подделать рисунок. Она сложила лист пополам и, держа за нижний край, положила на промокательную бумагу и сточила в порошок зернышко графита из грифеля карандаша.

Вслед за тем она круговым движением кисти правой руки растерла графитный порошок по поверхности линованной бумаги. Приблизительно минуту спустя на внешней стороне листа под ее рукой проступил желаемый портрет.

«Йог этот изображен в Самадхи... У него не слишком длинные волосы и борода, которая изображена с таким мастерством, что в ней виден каждый волосок. Такое впечатление производит хорошая фотография, но его трудно добиться в рисунке карандашом или пастелью.

Ле Клер, известный американский портретист, объявил его [портрет] уникальным, отчетливо индивидуальным в техническом отношении. Он не знал среди ныне живущих художников ни одного, кто мог бы написать его».

Адвокат Джадж был настолько поражен и этим уникальным произведением, и обстоятельствами, в которых оно было создано, что изложил все подробности в свидетельских показаниях под присягой.

Высказываясь несколькими годами позже в похвалу качеству феноменов Е. П. Б., махатма К. Х. пишет: «Она может вызывать, и действительно вызывает, феномены благодаря своим природным силам в сочетании с многими годами суровой и регулярной подготовки. Ее феномены иногда лучше, удивительнее и значительно совершеннее, чем те, которые вызывают другие чела, посвященные высокой степени. Она превосходит их художественным вкусом и чисто западным пониманием искусства, например, в мгновенном создании произведений живописи; свидетельство тому — ее портрет “факира” Тиравалла...»

Елена не упускала ни малейшей возможности усилить теософский интерес полковника. Их единственная надежда поставить теософское движение на прочную основу заключалась теперь в перенесении его штаб-квартиры в страну Риши.

В этом помогло одно случайное и неожиданное событие. Оно по меньшей мере *кажется* случайным, но вполне возможно, что его, подобно множеству других случайностей, которые исходят свыше, устроили те, кто стоял за кулисами.

В разговоре полковника со своим старинным другом-спиритуалистом доктором Пиблсом, который только что возвратился из Индии и Цейлона, к удивлению обоих выяснилось, что Пиблс встретил в Бомбее еще одного старого друга Генри. У Пиблса был его новый адрес, и полковник, не откладывая дела в долгий ящик, написал своему старому знакомому по имени Мулджи Чакерси все о Теософском обществе.

В ответном письме Мулджи Чакерси поведал о «великом индийском пандите и реформаторе, который положил начало сильному движению за возрождение чистой ведической религии». Последователями движения, известного под названием *Арья Самадж*, стали тысячи людей по всей Индии. «Великого пандита и реформатора» звали Свами Дайананд Сарасвати.

Мулджи связал Олкотта с президентом бомбейского отделения *Арья Самадж* Харришандом Чинтамоном. Переписка между Бомбеем и Нью-Йорком убедила Олкотта в том, что цели, точки зрения и философия *Арья Самадж* и Теософского общества почти полностью совпадали.

Харришанд Чинтамон предложил слить обе организации воедино. «Теософская двоица» одобрила эту мысль. Были сделаны все необходимые шаги. Нью-йоркское отделение, которое, за вычетом «теософской двоицы», существовало главным образом на бумаге, изменило свое название и впредь стало именовать себя Теософским обществом *Арья Самадж*. На полке в Ламасери появился теперь ящичек для сбора средств, предназначенных для большой индийской организации. Действительно, с тех пор все полученные обществом в Нью-Йорке пожертвования и подарки шли через бомбейское отделение в *Арья Самадж*.

Впоследствии многие надежды, связанные с *Арья Самадж*, оказались иллюзорными и принесли несколько серьезных разочарований, но в течение определенного времени индийское общество успешно играло свою роль. На этой ступени оно создавало мысленный мост в Индию и представляло великолепную картину тысяч индийских

сотрудников, участвующих в деле распространения света Древней Мудрости. Корни, которые удерживали Генри Олкотта на американской почве, слабели на глазах, но их еще нельзя было вырвать.

В Нью-Йорке Теософское общество умирало, хотя в Англии оно вызывало все более и более заметный интерес. Один приезжий из Англии присутствовал при основании Общества в Америке. Это был мистер Чарлз С. Мэсси — адвокат, оставивший свою юридическую практику и посвятивший себя изучению философии и психологии, прежде всего — тех новых путей, которые открывала парапсихология.

Еще одним другом по ту сторону Атлантики был достопочтенный Уильям Стентон Мозес, известный основателям Общества и спиритуалистам тех времен под псевдонимом «М. А. Оксон». Он был блестящим писателем и медиумом высокого класса, а его интересы простирались на еще более потаенные доктрины оккультизма. До тех пор, пока позволяло здоровье, М. А. Оксон был профессором классики и английского языка в Лондонском Университетском колледже.

«Теософская двоица» состояла в оживленной переписке с этим привлекательным, великодушным ученым, проповедником и оккультистом.

Двумя другими англичанами, которые первыми вошли в соприкосновение с теософским движением в Америке, были мисс Эмилия Кислингбери, секретарь Британской национальной ассоциации спиритуалистов, и доктор Г. Дж. Биллинг, жена которого была медиумом, широко известным в среде английских спиритуалистов. Оба этих лондонца были в числе посетителей Ламасери в Нью-Йорке. Мисс Кислингбери, которая глубоко восхищалась Е. П. Б. и была сильно привязана к ней, оказалась свидетельницей последнего периода работы над *Изидой* и сделала наброски оглавления для второго тома этого произведения.

В конце концов после многих месяцев предварительных переговоров и обсуждений группа заинтересованных теософией собралась в доме № 38 по Грейт Рассел-стрит в лондонском квартале Блумсбери и 27 июня 1878 года образовала Британское Теософское общество. Ч. С. Мэсси был избран президентом лондонского отделения этого общества, а мисс Кислингбери назначена секретарем.

«Двоица» была безмерно рада, что семья того международного братства, за которое прямо выступало Теософское общество, дало первый росток в ведущем центре империализма XIX века, в стране, откуда Британия правила «меньшими племенами, не знающими закона». Это было счастливое предзнаменование перемены, которая должна была свершиться в мире. Е. П. Б. решила, что она и полковник должны навестить этого «первенца» их международной семьи, когда и, разумеется, если она сумеет увезти Генри из Америки.

Она твердо знала, что *следует* преодолеть все препятствия и уехать, не считаясь ни с материальными, ни с личными жертвами со стороны ее сподвижника, ученика и собрата — последователя Учителя Мориа. Зная и это, и то, что она покинет Америку, и покинет, возможно, навсегда, она совершила очень странный поступок.

8 июля 1878 года в сопровождении доктора Маркетта, который выступил в роли свидетеля, она отправилась в нью-йоркский Сити-Холл и в порядке натурализации стала гражданкой Соединенных Штатов Америки. На этой церемонии она отреклась от верности императору той страны, где родилась. Она не могла не любить Россию, хотя и не хотела там жить. Россия была для нее семьей, и к этой семье она питала бессмертную, вечную привязанность и любовь.

Почему она приняла гражданство той страны, откуда была намерена уехать как можно скорее, — страны, которая при всем своем тогдашнем помешательстве на духах оказалась столь скудной духом для ее труда? Возможно, ей подсказала интуиция или она знала по своему прежнему опыту, что всякий русский, который живет в Британской Индии без официально признанного назначения, всегда будет под подозрением, и, вероятно, думала, что американские бумаги в известной мере охладят эту имперскую подозрительность.

Полковник Олкотт явно и сильно любил своего Гуру, или духовного отца, — того раджпутского принца, который некогда беседовал с Еленой в лондонском Гайд-парке. Он помог ей написать *Изиду без покрывала*, а теперь, в критические времена новорожденного Общества часто давал почувствовать свое неуловимое, но безошибочно воспринимаемое присутствие в Ламасери. Генри с беззаботными ухватками янки и опять-таки свойственным янки пристрастием к неформальному часто и наполовину шутивно ссылаясь на Учителя Мориа как на Отца. Е. П. Б. понимала, что это проявление прису-

щего Генри юмора было в действительности знаком преданности настолько глубокой, что ее нельзя было выразить словами. Учитель имел силу внушать такую преданность, и она прекрасно знала это на опыте всей своей жизни.

Несмотря на такую преданность, Генри еще ни разу не довелось видеть Учителя в его неуловимом облике или в том виде, в котором она сама видела его задолго до того, как встретила его во плоти. Но в спальне Генри висел его портрет. Этот набросок пастелью был очень похож на Учителя, хотя был написан исключительно путем телепатического воздействия на мозг и руку французского художника М. Арри, который в действительности никогда не видел Учителя Мориа.

Однажды ночью Е. П. Б. по своему обыкновению допоздна читала перед сном. Громкий стук в дверь заставил ее приподняться в постели. Кой черт мог там быть в такой час? Кроме нее в квартире ночевал только Олкотт, но он никогда не будил ее так, если только не... Настойчивый стук продолжался.

«Хорошо. Я иду», — откликнулась она. Она открыла дверь и увидела, что за ней стоял Генри, полностью одетый и с подсвечником в руке. Его глаза сияли, и он блаженно улыбался, как улыбается ребенок при виде Санта-Клауса, несущего мешок с подарками. Он поднял другой рукой какую-то вещь. Это был тюрбан из желтой полосатой ткани, расшитый сырым желтым шелком. Даже не видя вышитую на нем букву «М», она узнала тюрбан Учителя Мориа.

Они молча прошли через дверь и уселись в кабинете, и лишь тогда Генри заговорил. Голос его дрожал от наплыва чувств, когда он рассказывал о том, как Учитель Мориа неожиданно появился в его комнате и выглядел столь же реально, как если бы был там во плоти. Генри сидел и читал, когда краем глаза заметил сияние блестящего белого одеяния.

Поглядев туда, он увидел высокую фигуру и доброе лицо, бросил книгу и в изумлении упал на колени к ногам Учителя Мориа. Мягкая рука коснулась его головы, а добрый голос велел ему сесть.

Он сидел, не зная сколько прошло времени, пока Учитель находился напротив него, по ту сторону маленького столика в спальне. Генри передал Елене не все, что сказал ему их Гуру. Она поняла, что

он говорил о Великом Труде для всего человечества и о том, что у Олкотта будет право взять на себя часть такого труда, если он принесет необходимые жертвы. Нью-йоркский юрист был посвященным *чела* Великой Ложи, но получил не *приказ*, а *предложение* идти по ее пути.

Однако приглашение это и видение тех великих дел, которые предстояло свершить, были столь вдохновляющими и возвышенными, что все мирское разом утратило свое значение для Олкотта.

Наконец, когда Учитель собрался уйти, он снял тюрбан со своих длинных, черных как смоль кудрей и с улыбкой положил его на стол. Вне сомнений, это был его ответ на невысказанную вслух мысль Генри о том, что вся эта сцена могла быть своего рода гипнотической иллюзией, вызванной сверхъестественной силой Е. П. Б.

Путь, по которому Учитель пришел и ушел сквозь запертые двери, помог Олкотту осознать, что он должен был странствовать в том неуловимом нефизическом теле, которое сделал твердым лишь временно и в степени, достаточной для того, чтобы оно показалось нормальным обычному человеческому глазу. Тюрбан же, надеялся Генри, был материализован полностью и останется у него на долгие годы, доказывая ему самому, что Учитель на самом деле посетил его и беседовал с ним.

— Со стороны Учителя очень любезно взять на себя заботу о ваших глупых сомнениях и подозрениях, — сказала Е. П. Б. — Нашли вы в нем большое сходство с портретом?

— Да, но ни один художник не в силах отдать ему должное.

— Ну, Генри, вам скоро на работу, а вы еще не спали.

Он засмеялся:

— Что за убожество сон по сравнению с тем, что я видел и пережил!

Он возвратился в свою скромную, по-солдатски простую спальню окнами на Восьмую авеню. Но Е. П. Б. предполагала, что он не спал, а думал, строил планы и старался решить множество проблем, связанных с отъездом из Америки. Теперь он не спрашивал себя: «Поеду ли я?» Он задавал себе другие вопросы: «Как?» и «Как скоро?»

Учитель М. в одну ночь добился того, что сама она смогла бы сделать за год, а может быть и за десять лет.

Глава 14

Десятого декабря 1878 года нью-йоркская газета «Дейли график» сообщила:

«Елена П. Блаватская покидает Америку, и, по ее словам, покидает навсегда. Обескураженный репортер пришел сегодня утром в приятный французский дом на углу Восьмой авеню и Сорок седьмой стрит. На его звонок отозвался цветной слуга, который высказал серьезные сомнения в том, что его хозяйка примет посетителя в столь ранний час. Все же интервьюера проводили в столовую, где царил страшный беспорядок. Беспорядок этот был непременно следствием вчерашней распродажи имущества с аукциона. Единственным признаком того, что квартира обитаема, был неубранный стол с остатками завтрака и трое людей, которые раньше сидели за ним.

Полковник Олкотт, новый иерофант Арья Самадж, сидел за столом, озабоченно делая пометки в записной книжке, и подпаливал свои красивые усы наполовину выкуренной сигарой, которая без особых успехов пыталась выбраться за пределы его бороды. Еще один мужчина восточной внешности сидел на скамье у окна и читал утреннюю газету. Газету он держал одной рукой, а второй подкручивал кончик усов.

Когда репортера наконец-то провели в комнату госпожи Блаватской, он увидел, что дама заканчивает письмо, примостившись на краешке стола, заваленного письмами и табаком, и сворачивает себе ароматную сигарету из табака известной турецкой марки. Эта внутренняя комната была святая святых храма Ламасери, который стал столь известен в последние годы.

- Итак, вы собираетесь покинуть Америку? — спросил репортер.
- Да, и Ламасери, где я провела столько счастливых, очень счастливых часов. Мне жаль покидать эти комнаты, хотя сейчас в них осталось немного из того, о чем стоит жалеть, — сказала она, быстро оглядев пустые стены и полы. — Но я рада уехать из вашей страны. У вас есть свобода, но свобода — это все, что у вас есть.
- Когда вы уезжаете?
- Я еще не знаю ни числа, ни названия парохода, но это произойдет очень скоро и в тайне. Никто не узнает, что я уехала. Я собираюсь в Ли-

верпульт и в Лондон, где у нас есть отделения Теософского общества. Я должна взять у них их уставы и уладить с ними другие дела...»

Е. П. Б. не упомянула о том, что полковник тоже сидел на чемоданах. Она опасалась, что бывшая жена полковника, которую он все еще содержал, сделает попытку помешать отъезду. В дневнике, который «двоица» вела тогда совместно, она писала: «Кали [прозвище, данное ею миссис Олкотт] подозревает об отъезде и думает удержать Г. С. О. Он официально назначен правительством на должность уполномоченного и едет с особым паспортом».

Дневник показывает, что в эти последние дни в их квартире побывало множество посетителей. Некоторые, прослышав об отъезде, спешили вступить в Общество раньше, чем уедут его основатели.

Несколько газет дали описания последнего воскресного собрания в Ламасери. Нью-йоркская «Сан» рассказывала:

«Обычные закуски были предложены в обычном изобилии. Чай подавали по очереди: в доме после аукциона осталось только три чашки... Длинная череда “домашних вечеров по воскресеньям” заканчивалась...»

Здесь много говорили о вероятном будущем Теософского общества, которое, как ожидают, в теперешнем союзе с Арья Самадж должно стать заметным фактором в развитии умственной и религиозной свободы мира...

Несколько позже пришел мужчина с фонографом [недавним изобретением Томаса Эдисона, который был членом Теософского общества]. Рослого скульптора [Эдуарда Уимбриджа, который втайне ускользал из Нью-Йорка вместе с основателями] согнали с бочонка, на котором он сидел, и установили там фонограф. После нескольких приветственных возгласов перед бумажной воронкой и песни, спетой веселым английским артистом на ломаном хинди, в машину заставили помурлыкать теософского кота Чарлза».

19 декабря нью-йоркская «Стар» сообщает о них с борта парохода: «“О! вперед, в землю обетованную”, — сказала госпожа Блаватская своему спутнику, стоя на палубе парохода “Канада”, который уходил в плавание. Она говорила, что счастлива, и действительно выглядела счастливой. Казалось, она смотрит дальше не слишком приятного окружения — багажа, машин и хлопчущих матросов — и видит бесконечные джунгли Индии...»

«Сан» за то же число рассказывает:

«Иерофант [Олкотт] дюжинами писал на столе в каюте последние распоряжения и отправлял во все стороны гонца за гонцом, отдавая вновь избранным должностным лицам всевозможные наставления по части управления Обществом в будущем.

Чарлза [кота] отдали в хороший теософский дом, но по дороге туда он исчез из корзины, и с тех пор его не видели.

— Я знать не знаю, где он,— сказал иерофант,— но предполагаю, что по прибытии в Бомбей мы найдем его там.

Репортер «Дейли график» завершил свое описание великого исхода замечанием Е. П. Б.:

«— Я предпочитаю христианину умного атеиста; он, по крайней мере, ищет истину и его можно убеждать.

С этими словами она пожала репортеру руку и навсегда распрощалась с ним и со всеми остальными. Когда пароход вышел в океан, она стояла у дымовой трубы и казалась неподвижной.

“Канада” отошла от пристани в три часа пополудни 18 декабря 1878 года, но Е. П. Б., полковник и Эдуард Уимбридж были на борту уже поздним вечером 17-го».

Выдержка из лондонского «Спиритист» от 24 января 1879 года:

«Некоторым из наших читателей может быть интересно узнать, что госпожа Блаватская и полковник Олкотт посетили нашу страну по пути из Соединенных Штатов в Индию. Они прибыли 3-го числа текущего месяца и были гостями доктора и миссис Биллинг в Норвуде [Лондон] до последней пятницы, 17-го, когда отправились в Индию прямым рейсом из Ливерпуля.

Братство человечества у нее [Е. П. Б.] и полковника Олкотта не просто сентиментальная фраза или призрачное, неосуществимое стремление. Разрушить все преграды между человеком и человеком, искоренить предрассудки и освободить разум от теологических и материалистических помех — таковы главные цели того великого индийского общества, деятельным и видным агентом которого она была на Западе. Никто ранее не предпринимал ничего подобного и не вел столь трудной борьбы...

Одна из целей госпожи Блаватской при посещении Лондона состояла в изучении некоторых книг и рукописей в Британском музее. Она провела там большую часть времени, которое только смогла вы-

кроить, пока гостила в Норвуде. Их сопровождают в Индию двое других членов нью-йоркского отделения Общества.

Полковник Олкотт едет в Индию как уполномоченный правительства Соединенных Штатов. Ему поручено доложить о состоянии торговли и средствах улучшить условия торговли между двумя странами. Госпожа Блаватская будет индийским корреспондентом одного из ведущих русских журналов».

Четвертым лицом, упомянутым в том обществе теософов, которое уезжало в Индию, была мисс Роза Бейтс, английская учительница. Ранее она жила в Нью-Йорке и приехала в Англию несколькими неделями ранее остальных.

В «Спиритисте» за то же самое число Джордж Уайльд дал к радости тех, кто много слышал о госпоже Блаватской, но не смог лично увидеть ее во время краткого пребывания в Англии, описание ее внешности:

«Смуглая, с татарской наружностью, она высока, сильна и энергична... У нее большой рот с правильными и крупными зубами. Ее глаза, пусть и почти бесцветные, могут читать без очков самый мелкий печатный текст, видеть вас насквозь и узнавать по ее усмотрению ваши мысли и характер. Она очень одарена в музыке и языках... Фигура и осанка позволяют ей держаться с королевским достоинством, если только она снисходит до подходящего платья и манер. Наделенная неотразимой силой очарования, она, видимо, презирает и не использует эту силу. Она с удовольствием смеется по каждому поводу, но вместе с тем всегда встревожена и печальна...

Она с пафосом говорит о всех предметах, быстро переходит от одного к другому, но неизменно возвращается к своей ключевой идее: духовной мудрости и силе Востока, откуда должен прийти муж, грядущий править духовным миром. Она — воистину великая личность, но с одним, на мой взгляд, нелепым изъяном; изъян этот очевиден и в ее книге, и в ее речах. Он состоит в беспричинной и нестерпимой ненависти к доктринам и трудам учителей христианства...»

В заключение он пишет:

«Она, вне сомнений, маг, который властвует над движением материи и нейтрализует действие ядов; это я испытал на себе. Она велико-

лепна и удивительна, и знать ее так, как знаю я сам, значит всегда вспоминать ее с любовью, восхищением и уважением...»

Несколько человек выступили против утверждения доктора Уайльда о том, что Е. П. Б. питала «беспричинную и нестерпимую ненависть» к христианским догматам. Один из них писал: «Он... тот, кто хочет показать людям средства оценить по достоинству их собственные духовные способности, обязательно должен сражаться против всех систем из-за присущего им деспотизма, и может сражаться без страха, зная, что золото уцелеет в любом пламени, которым он только сможет испытывать сплав».

Другой писатель сказал: «Делом ее жизни воистину была борьба; она обладала всеми качествами бойца, и задумчивое спокойствие могло прийти им на смену лишь после того, как дело ее жизни будет сделано».

Споры о таинственной даме временами то закипали, то утихали, подобно пене за кормой парохода «Спик Холл», который, пыхтя машинами, прокладывал себе путь через моря и должен был доставить теософов в Бомбей.

Но если в Англии госпожа Блаватская интересовала лишь небольшую часть общества, то в Индии она стала новостью для всех газет на английском языке. В большинстве своем они встретили ее прибытие далеко не дружественными выражениями, атакуя ее и других членов теософской компании как врагов христианства и сдабривая свои статьи оскорбительными намеками на ее личность. Все эти трусы вели пальбу под прикрытием защитной стены псевдонимов.

Госпожа Блаватская отвечала под своим собственным именем на страницах дружественного ей журнала «Индиан Спектейтор». К тому времени она выработала сильный журналистский стиль полемики и обрушила его уничтожающий огонь на тех, кого называла «осиным роем псевдонимов». Главными в этом рое она считала миссионеров и их любимчиков, которые делали все что могли с целью похоронить под могильными насыпями презрения великую индийскую религиозную философию. Именно поэтому она выставляла против них свои метафорические орудия с тем же удовольствием, с каким в свое время применяла настоящие ружья против реакционных противников великого Гарибальди.

Но она в высшей степени тщательно старалась не критиковать британское правительство в Индии. Напротив, она хвалила его и говорила индийцам, что им пришлось бы воистину худо, окажись они под властью русских. Это, разумеется, не прибавляло ей популярности в определенных кругах в России.

Е. П. Б. часто подвергалась нападкам в качестве антихристианки. Но в своих письмах и статьях она поясняла, что ничего не имеет против великого учения Иисуса из Назарета. Сам Иисус в свое время напал на официальное жречество — растленных лицемеров и ложных учителей. Теперь она вела ту же самую открытую войну против всех, кого считала врагами истины. Для нее ничего не значили никакие другие соображения. Теперь она жила, сражалась, проливала кровь и была бы счастлива умереть под своим непорочно-белым флагом истины.

Е. П. Б. понимала, что ситуация в Индии складывалась против нее по одной своеобразной причине. Британское правительство в Индии не было христианским в подлинном смысле слова, но должно было отстаивать превосходство своей официальной христианской церкви. Такое превосходство выступало одним из признаков его общего превосходства в делах культурных и духовных, а равно и в чисто мирских делах. Стоило однажды позволить кому-то внушить туземцам чувство того, что их собственные духовные корни ничуть не менее сильны, чем духовные корни их повелителей, — и шлюзы откроются.

Поэтому Е. П. Б. была приятно удивлена, когда вскоре после приезда в Бомбей они получили письмо от мистера Альфреда Перси Синнетта, редактора газеты «Пионер», которую считали тогда наиболее влиятельной в Индии. Он писал, что в Лондоне ему в свое время выпало несколько случаев исследовать современные спиритические феномены и его действительно интересуют вопросы оккультного, в особенности той философии, которая стоит за феноменами. Он будет рад, гласило письмо, обнародовать любые интересные факты о теософской миссии в Индии, а если основатели приедут в глубь страны, он с удовольствием встретит их в Аллахабаде, где живет сам.

Начатая таким образом переписка привела к дружбе, а дружба нашла свое выражение в нескольких важных событиях. Но прежде,

в первые двенадцать месяцев пребывания в Индии, основателям пришлось справляться с массой новых впечатлений и знакомств. Харришанд Чинтамон, которому они посылали из Нью-Йорка пожертвования для *Арья Самадж*, оказался мошенником и прикарманил все средства в собственную пользу. Он был изгнан из Арья Самадж и отправился в Англию с намерением излить там весь яд, который только мог найти, в качестве врага всего теософского движения в целом и госпожи Блаватской в особенности.

В начале апреля 1879 года двое основателей со своим слугой мусульманином Бабулой и бомбейским другом Мулджи Чакерси отправились в путешествие на север. Путешествие должно было стать своего рода разведкой той страны, в которой они надеялись со временем образовать отделения Общества. Они видели нескольких интересных йогов, слышали множество рассказов о чудотворцах, но сами не встретили ни одного. С большим удовольствием они проехали через Раджпутану — родную землю их Гуру, Учителя Мория.

Их спутниками в поездке по железной дороге были духота и пыль, хотя жаркий сезон еще не достиг своей высшей точки. На всем пути за ними ходил по пятам некий мужчина с красным лицом и обвисшими усами. Очень скоро они поняли, что он был полицейским шпионом британского правительства в Индии. Но что это за шпион, который обнаруживает себя в первые же несколько дней? «Двоица» была отчасти раздражена и рассержена, отчасти забавлялась им. Будь они *на самом деле* политическими агентами, они полностью бы использовали своего стража с его неуклюжими ухватками в своих собственных целях.

В Сахаранпуре они наконец-то встретили Свами Дайананда Сарасвати, прославленного лидера *Арья Самадж*. В долгой беседе «он определил свои взгляды на Нирвану, Мокша и Бога в понятиях, которые не могли вызвать у нас возражений... Он полностью одобрил наш план создать отделения, которые включали бы в себя таких верующих, как буддисты, парсы, мусульмане, индуисты и т. д.». Основателям пришлось убедиться в том, что видимость столь «альтруистичного эклектизма» была далека от искренности.

Но на известное время тесные связи двух обществ были подтверждены, и *Арья Самадж* обеспечила полковнику его первую большую

аудиторию на севере. Он с удовольствием обратился к морю темных страстных индийских лиц, — оно разлилось вокруг расписных шестов, которые поддерживали большой полотняный навес. Правда, удовольствие было несколько подпорчено при виде хорошо знакомого красного лица, на сей раз — без усов, сбритых, видимо, с целью сделать его неузнаваемым! Мулджи Чакерси переводил торжественную речь полковника о выгодах культурного обмена между Востоком и Западом.

Однажды в начале мая основатели снова сошли на платформу железнодорожной станции Бомбей. Здесь Е. П. Б. впервые нарушила то молчание, которое царило между ними и их полицейской тенью. Она поздравила шпику с отменной одеждой, реквизитом и способностью тратить казенные деньги на путешествие в первом классе. Затем она и полковник отправились в консульство Соединенных Штатов и заявили протест против оскорбительного обращения с американскими гражданами. Но протест не пресек все более и более докучные признаки официального надзора за ними.

В Бомбее их дождалось великое множество письменных запросов, и Е. П. Б. с лихвой хватило занятий на должности секретаря по переписке Теософского общества. Она отвечала на все вопросы о теософской организации, ее целях, различных сторонах учения и планах на будущее. Вскоре она поняла, что, письменно отвечая на более или менее одинаковые вопросы множества людей по всей Индии, тратит немалую часть времени и сил.

В поисках решения этой проблемы основатели пришли к мысли издавать ежемесячный журнал. Для исполнения такого замысла им недоставало начального капитала, и они приняли революционную тогда идею попросить аванс у подписчиков. Индийские члены Общества с сомнением покачивали головами, но их убедили начать сбор взносов. И когда проливные дожди застучали в сезон муссонов по окнам их бомбейского дома, основатели готовили материалы в тот первый выпуск *Теософа*, который должен был выйти в октябре 1879 года.

Кроме того, сезон муссонов принес с собой человека, которому суждено было сыграть видную роль в жизни основателей и ближайших делах Теософского общества. Он пришел ночью, насквозь промокший, закутанный в белый дождевик, с фонарем в руке, и вода

капала с его длинного носа. Лицо его было темным и мрачным, но в глазах горел яркий внутренний огонь.

Ночной пришелец оказался молодым брамином по имени Дамодар К. Маваланкар. У него была единственная страсть — найти своего истинного Гуру, стать *чела* и начать готовиться к Посвящению. Он достаточно быстро понял, что Е. П. Б. была теми воротами, за которыми простирался искомый путь, а работа для Общества была необходимым первичным испытанием. Очень скоро он сделал тот шаг, который делали многие молодые индийцы. Он отверг жизнь главы семейства, уготованную ему родными, и стал аскетом-санньяси. Но вместо того чтобы уйти по обычаю в ашрам, он вошел в Теософское общество, стал его первым секретарем-протоколистом и жил в его штаб-квартире в Бомбее.

Одно из множества писем пришло от мадам Эммы Куломб с Цейлона. Письмо это рассказывало о большой рекламе в местной печати и волнении среди буддистов в связи с обещанным приездом основателей на остров. К письму была приложена газетная заметка из «Цейлон Таймс» за 5 июня 1879 года. Заметка эта была написана самой Эммой Куломб в защиту Е. П. Б. от злобного и грубого нападения в одной из газет. В своей заметке мадам Куломб утверждала, что, близко зная госпожу Блаватскую в Каире, может ручаться за высокие личные качества этой дамы.

Далее ее письмо поведало Е. П. Б. жалостную историю о денежных затруднениях, в которые она и ее муж Алексис попали после отъезда из Египта. По ее словам, она была бы счастлива приехать в Бомбей и найти хоть какую-нибудь работу для себя и для своего мужа.

Е. П. Б. рассказала полковнику о том, что Эмма в свое время любезно обошлась с ней и ссудила деньгами, когда она оказалась в Египте после кораблекрушения. Полковник согласился с тем, что они в меру всех своих возможностей должны помочь бедной чете. Итак, Е. П. Б. написала Эмме Куломб сердечное письмо с предложением помощи, если она с мужем приедет в Бомбей.

В конце марта следующего, 1880 года эта чета неожиданно появилась у порога скромного жилища теософов. Билеты на пароход, говорили они, им удалось приобрести лишь с помощью французского консула (Алексис был французом), и вот они здесь со всеми своими сумками и чемоданами.

У Алексиса было бледное лицо, черная борода и стеклянный глаз. Эмма, в описании доктора Франца Гартманна, была «сморщенной и похожей на колдунью». Основатели без колебаний приютили их и предоставили все удобства, которые только смогли предоставить. Главные антагонисты, по-кошачьи мягко ступая, вышли на теософские подмости.

Глава 15

Госпожа Блаватская одной рукой скручивала сигарету, а во второй держала письмо, которое просматривала с очень недовольным выражением лица. Письмо было от майора Гендерсона из военной контрразведки. Именно майор, догадывалась она, нес ответственность за то, что по пятам за ними все еще топал тот растяпа-шпик, который удивительно некстати появлялся в самых неподходящих местах. Письмо было резким заявлением о выходе из Теософского общества. Членом Общества он стал всего лишь несколько дней назад. Обстоятельствам его вступления суждено было стать предметом размышлений и споров не только в светских кругах Симлы, но и в далеких от нее лондонских гостиных.

Она бросила письмо на стол и посмотрела на снежные пики Гималаев, которые, к счастью, были видны из окон «Брайтенда» — дома мистера Синнетта в Симле. Все началось самым невинным образом, размышляла она. Шесть человек, в том числе майор Гендерсон, отправились на пикник. Седьмой присоединился к ним тотчас же после того, как они уехали из дома, и поэтому на пикнике не хватало одной чайной чашки. Они не без вызова попросили ее применить свои способности на практике и материализовать еще одну чашку. С помощью невидимого им «Брата» она сделала просимое: на пикнике появилась еще одна чашка — в точности такая же, как чашки из редкого английского сервиза миссис Синнетт.

Майор Гендерсон был зол на самого себя, поражен и все еще подозревал какой-то обман. С явным намерением испытать ее, он заявил, что станет членом Теософского общества, если она здесь и сейчас предъявит готовый диплом члена этого Общества, заполненный на его имя, с датой и подписью президента. Она сделала это; общество

было совершенно ошеломлено, а полковнику пришлось сделать большие глаза: он прекрасно помнил, что никогда не подписывал этот диплом. Гендерсон же на некоторое время притих; единственное, что он мог сделать — это принять диплом члена Теософского общества.

Но потом он потребовал еще раз испытать подлинность способностей Е. П. Б. Туго натянутая струна не выдержала: ее терпение лопнуло и она вышла из себя. Вспылила она к несчастью. Тогда он мог пустить о ней какую-то худую молву, а теперь здесь было заявление о выходе из Общества. Вместо полезного друга она нажила еще одного врага.

Ей хотелось знать, была ли она не права, когда тратила столько своей жизненной силы на феномены для этих филистимлян. В общем Симла отнеслась к ней неблагосклонно. Британские господа не хотели поверить в действенность йогических сил, и если она показывала им то, что походило на чудеса, они считали ее или обманщицей, или, хуже того, представителем дьявола.

В таком случае почему она сделала то, что сделала? Ну хорошо, это привлекло внимание общества, вызвало у многих интерес, а у очень немногих — желание глубже узнать оккультное. Это было необходимо на первых стадиях великой новой революции разума и сердца. Разве Назарянин не использовал совершенно поразительные феномены? Да, вероятно, она зашла слишком далеко. Сделанное определенно истощало ее жизненную силу и плохо сказывалось на здоровье.

Позади ее кресла послышались шаги: ее гостеприимный хозяин, мистер Альфред П. Синнетт, вошел в комнату и направился к своему письменному столу. «Что он захочет сегодня?» — подумала она. Подобно Олкотту, он испытывал неутолимую жажду чудес. И он был одним из тех, кому она лишь с трудом могла отказать. Учителя несомненно надеялись, что Синнетт сыграет видную роль в теософском движении. Об этом ей говорили многие предзнаменования. Теперь шорох бумаги прекратился; Синнетт откашлялся так, будто хотел привлечь ее внимание. Он подошел и встал прямо перед ней, спиной к окну. Она ободряюще улыбнулась ему.

— Я не уверен, стоит ли мне задавать вам этот вопрос, Елена Петровна, — начал он, — но меня в высшей степени интересуют те

великие Существа, о которых вы говорили,— Махатмы Братства, расположенного по ту сторону Гималайских гор. Могу ли я войти в *непосредственный* контакт с ними? Возможен ли такой контакт?

Е. П. Б. пристально смотрела поверх него на блистающие белым вершины Гималаев.

Мгновение спустя она ответила:

— Не могу сказать. Это может быть очень трудно, но, если вы хотите, я попытаюсь.

— Вы попытаетесь? Я очень и очень признателен.

Страстная дрожь в голосе пробилась сквозь его британскую сдержанность.

— Напишите письмо,— сказала она ему,— я отправлю его и посмотрю, что из этого получится.

Он поспешил к письменному столу. Елена вышла из комнаты поговорить с его женой Пэйшенс, начитанной, очень разумной и искренней женщиной, которую она действительно сильно любила.

В тот же день мистер Синнетт передал Елене письмо, написанное им Братству, а не тому или иному его сочлену. Она, разумеется, предпочла бы действовать через своего собственного Учителя, но он, или кто-то иной, или вообще некто так или иначе ответит мистеру Синнетту.

В Шигатзе не было почтовой службы, а Учитель Мориа вполне мог быть где-то в других местах. Но у нее была своя собственная, личная почта — нечто такое, что Учителя открыли в ней, когда она жила на Тибете. Она могла применить один из нескольких способов. Самый легкий состоял в том, что запечатанный конверт держали перед ее лбом, и тогда она говорила: «Попросите Учителя приготовиться к связи; текст, отраженный моим мозгом, отправляется к нему по *сотворенному им потоку*».

Несколько дней спустя Синнетт открыл выдвижной ящик своего письменного стола и обнаружил лежавшее поверх его бумаг письмо от Великой Ложи. Письмо пришло не от Учителя Мориа, чего он почти ожидал (если вообще надеялся на ответ), но от Учителя Кутхуми Лал Сингха.

В сущности это было начало известной переписки Синнетта с Великим Братством. Большую часть писем он получил от Учителя К. Х. и лишь несколько — от Учителя Мориа. На основе того, что

он узнал из писем, Синнетт написал книгу «Эзотерический буддизм», изданную в 1883 году.

«Она вызвала бурю в теологическом мире и в мире науки»,— писала Франциска Арундейл из Лондона.

Собрание писем, именуемое «Письма Махатм А. П. Синнетту», было издано приблизительно сорок лет спустя, в 1923 году, а их оригиналы хранятся в Британском музее.

Прежний вице-король, лорд Литтон, шокировал Симлу тем, что курил между переменаами блюд за обедом. Но теперь основы ее респектабельности трещали под бешеным натиском этой русской аристократки. Она сама скручивала себе сигареты, извлекала вещи ниоткуда, подобно фокуснику, в чьем распоряжении пребывает весь космос, и блистательным, но самым шокирующим образом беседовала на всевозможные диковинные темы. Она определенно уклонялась от болтовни о прислуге, политике, поло и охоте с копьем на кабана.

Большинство людей она занимала как социальный курьез и нечто таинственное. Очень немногие воспринимали ее всерьез и хотели проникнуть в глубину, понять эту странную темпераментную женщину и ее таинственных махатм, которые, как поговаривали, обладают ключами к изначальной и предельной мудрости жизни.

Самым значительным среди этих немногих был мистер А. М. Хьюм из Ротни Каствл в Симле. В течение девяти лет, до 1879 года, Хьюм был секретарем британского правительства в Индии. Затем, после столкновения с начальством, его перевели с понижением в должности в департамент государственных доходов. Он обладал блистательным умом, но, казалось, непомерно гордился и чванился им. Он питал ничем не обоснованное чувство собственного превосходства по отношению к туземцам и даже, до известной степени,— к махатмам.

Хьюм явно рассчитывал сыграть важную роль в возрождении вечной мудрости *Sanatana Dharma*. Он стал адресатом нескольких писем от махатм, в особенности от Учителя К. Х., помог образовать отделение Теософского общества под названием «Эклектическое общество Симлы». Ему принадлежала идея создания Индийского Национального конгресса; он явно не предполагал, что зрелым плодом его деятельности станет отделение Индии от Британской империи.

Интеллектуальная гордыня и недостаточная восприимчивость к духовному вскоре привели Хьюма к разочарованию в основателях. Он далеко отошел от теософского движения, но, сам того не ведая, был весьма полезен в его трудах. Став прародителем Национального конгресса, он предметно помог освобождению Индии, которое было необходимым шагом к распространению по всему миру ее древней мудрости и ее одухотворяющих и цивилизующих влияний. Стало быть, поездка основателей в Симлу в 1880 году принесла нечто полезное.

С политической точки зрения поездка эта была менее успешной. Дипломатический паспорт, выданный американским государственным секретарем, рекомендательные письма от президента Соединенных Штатов и другие официальные бумаги дали полковнику возможность произвести известное впечатление на высоких должностных лиц в Симле, которая была летним местом пребывания правительства. Поэтому вопреки, а может быть и благодаря *faux pas* мистического пикника начальство приказало майору Гендерсону убрать своего опереточного шпика, способного лишь доводить до ярости поднадзорных.

Но отношения с Россией тогда, в 1880 году, все еще оставались щекотливыми. В семидесятые годы у англичан «снова и снова вызывало тревогу неустанное продвижение России в Центральной Азии. Совпадение такого продвижения с Балканским кризисом 1875—1878 годов побудило Дизраэли и Салисбери... обеспечить безопасность в Азии путем использования афганцев в качестве опоры против России. Их доверенное лицо [в Индии], лорд Литтон, спал и видел поход в Туркестан и погряз во II Афганской войне».

Удовлетворительное для британцев *status quo* было восстановлено в буферном положении Афганистана, но подозрения о честолюбивых видах русских на Индию были по-прежнему сильны. Насколько можно судить по произведениям Киплинга, секретная служба в Индии никогда не шла на риск. Поэтому весьма вероятно, что после устранения слишком явного надзора за поступками Елены Блаватской присматривало не столь навязчивое официальное око.

21 октября 1880 года госпожа Блаватская и полковник Олкотт уехали из Симлы в Амритсар. Зная, что даже Синнетт втайне питал некие сомнения в подлинности тех замечательных психических сил,

которые стояли за Еленой Блаватской, Учитель К. Х. представил ему убедительное доказательство.

Синнетт написал Учителю письмо и загодя отправил его обычным путем в Амритсар на адрес Е. П. Б. Елена получила его 27 октября. Оно определенно попало ей в руки несколько времени спустя *после* 2 часов пополудни, так как отметка амритсарской почты на конверте показывает, что письмо пришло туда именно в 2 часа.

Учитель К. Х. был тогда в Джхеламе, на расстоянии приблизительно восьми часов езды по железной дороге на север от Амритсара. Тем не менее он, вероятно через Е. П. Б., вовремя получил содержание письма Синнетта и ответил ему телеграммой в тот же самый день, в 4 часа пополудни. В те времена самым быстрым средством доставки писем была железная дорога, а тот неизвестный физический способ, с помощью которого Е. П. Б. смогла передать содержание письма Синнетта на столь значительное расстояние, потребовал менее двух часов. Наклеенные в Амритсаре и Джхеламе почтовые марки показывают, что между 2-мя и 4 часами дня Е. П. Б. получила письмо в Амритсаре и передала его содержание Учителю К. Х., который обдумал свой ответ и дал его телеграммой из Джхелама в 4 часа дня.

Учитель К. Х. решил устранить все разумные основания для сомнений. Он посоветовал Синнетту внимательно осмотреть черновик телеграммы, который хранился в джхеламской почтовой конторе. Синнетт осмотрел и понял, что бланк был заполнен почерком К. Х., хорошо известным ему по прежней переписке.

После отъезда из Симлы двое основателей пустились в путь к центру великой равнины Ганга. Конечной точкой назначения в их путешествии был Аллахабад. Туда возвратилось из Симлы семейство Синнеттов, и все четверо думали вместе провести Рождество.

Теософская работа успешно продвигалась вперед. Еще до поездки в Симлу и на север в 1880 году они совершили из своей бомбейской штаб-квартиры поездку в южном направлении, на Цейлон. Здесь, в буддистском храме в Галле, они по всей форме и прилюдно приняли пять главных заповедей Будды и официально стали буддистами.

Затем, в поездке, которая напоминала триумфальное шествие на ярком, сияющем воздухе, они пересекли остров среди моря улыбающихся ко-

ричевых лиц и одетых в желтое жрецов. Их чествовали как великих белых буддистов, посланных освободить островитян от религиозного гнета британского правительства и христианских миссионеров.

И Олкотт, и Е. П. Б. официально приняли буддистскую религию без малейшего насилия над своей совестью. Они чувствовали, что изначальное учение Господа Будды было практически тождественно с той религией Мудрости — теософией, — которую они стремились принести миру. Возникшие в храмовой практике мелкие погрешности и недоразумения они надеялись устранить с помощью теософии. Их подхватила и несла вперед такая волна искренних приветствий народа и жрецов, что за два месяца путешествия они основали на Цейлоне семь отделений Теософского общества.

Позже полковник Олкотт множество раз бывал на острове. Он составил свой официально принятый «Буддийский катехизис» и согласился при первой же поездке в Англию представить в министерство колоний жалобы буддистов на религиозный гнет и несправедливое отношение к ним.

После своих цейлонских успехов они попали в Бомбее в бурю на домашнем фронте. Мадам Куломб, которую они сделали экономкой, и бывшая школьная учительница Роза Бейтс точили друг на друга кинжалы, точнее — кухонные ножи. Мелкое женское соперничество и дикие обвинения дошли до предела. Основатели рассудили дело в пользу мадам Куломб. Роза Бейтс покинула дом, и вместе с ней ушел архитектор Уимбридж.

По всей видимости, эта пара поехала с основателями в Индию скорее ради своих собственных, чем ради теософских целей. Дальнейшие их судьбы таковы. Уимбридж не без помощи полковника успешно начал в Бомбее торговлю художественной мебелью и предметами обстановки. Роза Бейтс, огорченная и разочарованная, отказалась от помощи и исчезла из летописей Общества.

Пока основатели в 1880 году ездили в Симлу и на север, хитрая Эмма Куломб и ее одноглазый вспыльчивый муженек княжили и владели в Бомбее. Им поручили подыскать новый дом для размещения штаб-квартиры Теософского общества и жилья, и они его подыскали. Это было старое бунгало, которое, по их сообщению, некоторое время оставалось незанятым, в основном из-за слухов, что в нем обитает могущественное привидение.

Когда основатели приехали из Аллахабада после проведенного с Синнеттами английского Рождества, экипаж доставил их к новому месту жительства. Дом назывался «Кроуз Нест». Он стоял высоко на скале над Брич Кэнди. Отсюда открывались пять приятных видов на море, и дом сразу же понравился им.

Но вскоре полковник обнаружил, что в слухе о могущественном привидении была доля правды. «Однажды ночью я улегся в кровать и уже засыпал, когда почувствовал, что угол моей *chair* поднимается, словно ее поднимал кто-то из глубины той стены, которой она касалась. Я мгновенно пришел в себя и произнес известное арабское заклинание силы, которому Е. П. Б. научила меня в Нью-Йорке. Койка встала на все четыре ножки, а надоедливый призрак скрылся и никогда более не беспокоил меня».

Синнетт, который в 1881 году гостил некоторое время в «Кроуз Нест», описал тамошнюю жизнь Е. П. Б.

«Обычно она вставала рано, писала свои русские статьи, переводы [в то время она писала *Из пещер и джунглей Индостана*, которые печатались выпусками в русских газетах]... или статьи для *Теософа*; позже, в течение дня, она проводила немалую часть своего времени в беседах с туземными посетителями на веранде или разгоняла их и возвращалась к работе, яростно возражая против непрерывных помех и перерывов. ...И тут же, на одном дыхании, слышным по всему дому голосом звала Бабулу, своего верного слугу, и посылала его к тому или иному из посетителей, которые, она знала, ждали внизу и хотели видеть ее. Затем, в самом разгаре пылких споров с неким пандитом по вопросу о современных индуистских верованиях, она, по всей вероятности внезапно, “слышала голос, которого они не слышат”, — астральный призыв ее далекого Учителя или одного из ее Братьев... и, мгновенно забывая обо всем остальном, спешила уединиться в любой комнате, где могла побыть в одиночестве несколько мгновений и услышать то послание или приказ, который ей надлежало принять...»

Записи в дневнике, который полковник добросовестно вел на протяжении многих лет, говорят о частых контактах с Учителями. Контакты эти поддерживали телепатические послания Е. П. Б. или Учителя сами прибывали в *Mayavi-rupas* (высшей астральной форме). Реже тот или иной из них приезжал в своем физическом

теле. Однажды, к примеру, Учитель Мориа приехал к их дому верхом на коне, своим любимом средстве передвижения. В другой раз на пути в Тибет их навестил в своем физическом теле греческий Посвященный Илларион.

Это были воистину удивительные дни. Учителя указывали главные направления труда, который надлежало свершить. Они руководили издательской политикой *Теософа*, и временами один из них даже диктовал статьи для него. Когда А. М. Хьюм написал для *Теософа* критическую статью о махатмах, Е. П. Б. в качестве редактора отказалась напечатать ее. Но ей было велено напечатать отвергнутую статью, и распорядился сделать это Маха Чохан, Наставник Учителей Мориа и К. Х. Не следовало подавлять личные мнения и критику, пусть и трижды неблагоприятную.

В 1882 году, когда Е. П. Б. еще жила в «Кроуз Нест», в письме князю Дондукову-Корсакову она сообщила о том, что нашла «камень» (философский камень). В начале 1879 года она все еще искала его; но к марту 1882 года, когда было написано это письмо, «камень» удалось найти. Она не сообщает, где и когда; ее слова — загадка. Можно лишь предполагать, что в постоянном соприкосновении с Великими и в бескорыстном, самоотверженном служении теософскому делу она обрела некое внутреннее видение, какую-то новую шкалу ценностей и могла жить в соизмерении с ней.

Разумеется, обретение «камня» не превратило в золото весь свинец ее натуры. Грядущие годы принесут ей множество борений с собственными буйными эмоциями. Но здесь есть одна существенная особенность. Она смогла увидеть со стороны ту роль, которую сама играла в драме жизни, и была способна быстро прощать и альтруистически любить даже тех, кто заживо сдирал с нее кожу, и в то же время критиковать единомышленников, преследователей ее учителей.

Но основатели не могли вечно наслаждаться морскими бризами Брич Кэнди. Они были апостолами, — апостолами не новой религии, а нового духовного понимания старинных религий, и им надлежало всегда быть в пути, везде и повсюду, куда только мог послать их вверенный им труд. Путь по великому субконтиненту Индии изобиловал странными тайнами, неожиданными приключениями и мучительными неудобствами.

Глава 16

Вокруг было великое безмолвие; но временами его оттенял плеск воды за бортом, приглушенное журчание низких голосов кули и случайный лай шакала вдалеке. Звезды в черном бархатном небе висели над ними, подобно лампам. Они сидели на палубе, глядя, как ускользают назад берега в запахе влажных рисовых полей.

Барка, приспособленная под жилье, держала курс на север, по Бэкин-гемскому каналу из Мадраса в Ниллор. Основатели были на ней одни, если не считать верного Бабулу. Был май 1882 года; муссон наполнял паруса ветром и нес их вперед сквозь тихий свет.

«Рано утром,— пишет полковник,— мы пристали к берегу. Кули разложили костер и приготовили керри и рис; позже к нам присоединились люди с другой барки. Я искупался, а Бабула приготовил нам отменный завтрак, который наши коллеги не могли разделить с нами из-за кастовых запретов. Потом все утихло, и барки вновь стали безмолвными, словно призраки».

Это была возможность отдохнуть после треволнений в Мадрасе, где их встречали приветливо, но шумно и утомительно. Это был шанс выяснить, насколько они продвинулись в своей работе, и оговорить те дальнейшие планы «насыщения современного мышления теософскими идеями», которые занимали их тогда больше, чем какая бы то ни было надежда распространить Общество по всему миру.

Но прежде всего это была возможность наслаждаться спокойным чувством истинного товарищества. «Дорогой, столько раз оплаканный друг,— писал впоследствии Олкотт,— коллега, учитель, закадычный приятель; никто не мог быть несноснее ее в тяжелые времена и милее и восхитительнее ее во времена хорошие... Эта открытая страница моего дневника с ее скупыми, разрозненными заметками воскрешает в памяти один из самых очаровательных эпизодов теософского движения, и я вижу образ Е. П. Б.: она в своем потертом халате сидит на рундуке напротив меня и курит сигарету, ее большая голова с каштановыми кудрявыми волосами склонена над страницей рукописи, лоб наморщен, в светлых голубых глазах видна сосредоточенность на какой-то мысли; ее аристократическая рука быстро выводит пером строку за строкой...»

После двух дней мирной жизни снова началась суэта. В Ниллоре они читали лекции, отвечали на вопросы, вели дискуссии и создавали теософскую ложу. Потом они снова плыли по каналу. Канал закончился. Они пересели в паланкины и на плечах кули отправились через джунгли. Они переходили реки вброд, и когда кули входили в воду до подмышек, они поднимали паланкины и осторожно несли их на головах.

Днем температура была около 100 градусов по Фаренгейту, а ночью лишь немногим ниже. В сумерках кули зажигали и несли большие факелы из крученого хлопка, пропитанного кокосовым маслом. Пассажиров душил черный, скверно пахнущий дым. Но однажды ночью они поняли, зачем нужны были факелы: прямо на их тропе передовой кули убил большую кобру.

Путешествие в паланкинах было менее тягостным, чем езда в запряженных волами повозках, на которых эта неустрашимая пара проехала многие мили (78 миль только в этом одном, отдельно взятом путешествии). Но для дамы пятидесяти одного года от роду, чей вес был около 237 фунтов, а здоровье уже начинало сдавать, паланкин был весьма мучительным средством передвижения.

Однажды на закате они достигли своего места назначения на севере — города Гунтур, и все неудобства, казалось, остались позади. Все население, тысячи людей, вышло из города встречать их. Черепашьим шагом они продвигались в город сквозь стену человеческой плоти, в город, где повсюду сияли яркие светильники и цветные бенгальские огни, а непрерывный шум приветствий нес их подобно реке звуков.

«В Гунтуре, — писал полковник, — было светло, как днем. Две триумфальные арки перекрывали главные улицы. По приезде домой нам пришлось выслушать две торжественные речи на английском языке и две — на телугу и ответить на них...» На следующий день он читал публичную лекцию, а почтенный Л. Л. Уль из лютеранской миссии сидел среди индийцев и энергично делал заметки. Почтенный джентльмен уведомил, что он ответит на критические высказывания Олкотта о церковной теологии завтра утром в своей часовне.

Оказанный в Гунтуре прием показал типичное отношение миссионеров и сердечное расположение к ним индийцев. Индийцы любили

метафизику, обращенную к человеку, и испытывали любопытство и восхищение двумя пришельцами с Запада,— они, казалось, ставили перед собой поразительно чистую и бескорыстную цель — восстановить престиж той духовной мудрости бессмертных *Риши*, которую так долго оставляли в пренебрежении.

Выполнив напряженную программу, основатели возвратились в Бомбей. Тамашняя жара и сырость отнюдь не улучшили здоровье Е. П. Б. В сущности, она была тяжело больна. В середине сентября 1882 года она рассказывала в письме Синнеттам о своих страданиях от «Брайтовой болезни почек» и о том, что, по словам ее врача, она может в «любую минуту протянуть ноги при первом же душевном волнении... Господи Боже! У меня каждый день двадцать таких волнений!.. Босс [ее Гуру] приказал мне готовиться к отъезду и уехать на месяц или около того где-то в конце сентября. Он посылает сюда чела по имени Гарджиа Дева из Нилгерри Хиллз, и тот увезет меня не знаю куда, но конечно же куда-нибудь в Гималаи».

Учитель К. Х. упоминает этот же вопрос в письме А. П. Синнетту. Письмо без даты, но, по всей видимости, оно написано ранее октября 1882 года.

«Сейчас я не дома, а близ Дарджилинга, в ламаистском монастыре, там, где следует приютить бедную Е. П. Б. Я думал уехать в конце сентября, но оказалось, что дело обстоит значительно сложнее из-за мальчика Нобинов. По всей вероятности, мне придется также побеседовать в своем земном облике со Старой Дамой [Е. П. Б.], если М. [Учитель Мориа] доставит ее сюда. А он должен или доставить ее сюда, или потерять навеки, по крайней мере в том смысле, в котором речь идет о телесной триаде».

Сам Учитель Мориа в письме, полученном Синнеттом в сентябре, говорит о намерении исцелить свою женщину-чела, Е. П. Б., которая была «настолько больна, что, как в 1877 году, я вынужден увезти ее,— хотя она крайне необходима там, где она сейчас, в штаб-квартире, — из опасения, что она развалится на куски».

Ободренная столь приятным известием, Е. П. Б. направилась в Калькутту, откуда она устремится в Сикким и Тибет. Среди ее последователей распространилась весть о том, что Елена отправляется навестить двух великих Махатм, и больше дюжины калькуттских теософов твердо решили сопровождать ее. Они очень мешали ей,

но она мало говорила об этом, твердо зная, что они никогда не приблизятся к Учителям, если последние сами не пожелают этого.

Один теософ, С. Рамашвами, приехал из своей конторы в Тинневелли, в Южной Индии, и отправился на север в поисках Е. П. Б., надеясь с ее помощью припасть к стопам своего Гуру, Учителя Мориа.

Прежде всего Рамашвами вошел в контакт с теми несколькими теософами, которые, словно ополоумев, рыскали по сельской местности в поисках Е. П. Б. В конце концов они — и он вместе с ними — нашли ее в Чандернагоре. С ней был тибетский чела, который, вне сомнений, был послан провести ее через границу — туда, где ждали ее Учителя.

Она собиралась сесть на поезд на железнодорожной станции Чандернагор. Рамашвами и остальные отправились на станцию. Поезд подошел к платформе. Е. П. Б. и ее тибетский проводник сели в вагон, и поезд сразу тронулся, не дожидаясь, как обычно, пока прозвонит колокол. Два-три ее преследователя ухитрились вскочить в поезд на ходу, но большинство осталось на платформе.

Но даже в поезде с Рамашвами случилось еще одно странное происшествие. И он, и все остальные, кто успел вскочить в поезд в Чандернагоре, были сбиты со следа Е. П. Б.

В итоге своих поисков Рамашвами, по его словам, «точно установил, что двое Махатм находились близ британской территории». Теперь, покинутый Е. П. Б., он был преисполнен решимости найти своего Гуру или умереть в попытке отыскать его. Он вознамерился в одиночку попробовать пересечь границу в Сиккиме.

Тем временем госпожа Блаватская приехала в Куч-Бихар. Местный раджа был теософом. Здесь она прожила около трех дней, ослабленная лихорадкой, которую, думала она, вызвал резкий переход из страшной жары равнин в холод, дождь и густой туман гор.

Она знала, что ей надлежит просить у британских властей пропуск для перехода границы в Сикким, «почти независимое государство разбойников», или в Бутан, где «сам черт ногу сломит». Она хлопотала о пропуске, но власти отказали, и она отправилась в путь без него.

Она была уверена в том, что Учителя проведут ее, незримую, через границу и охранят от опасностей в пути, а тибетский чела направит ее стопы туда, где втайне обосновались и ее обожаемый Садгуру,

и Учитель К. Х. При мысли об этом ее сердце учащенно стучало. Вновь, как в те времена, когда она жила в Шигатзе, будет ощущение ласкового неба, утешение и возрождение для ее труда в безрассудном и страшном мире.

Глава 17

Е. П. Б. не оставила описания путешествия в Сикким или встречи со своим Гуру. Но в письме к Синнетту, написанном по возвращении с той стороны границы, в Дарджилинге, она утверждает, что именно там провела два удивительных и блаженных дня с Учителем Мориа, которого часто упоминает как «моего Босса», Учителем К. Х. и компанией их чела. Эти дни возвратили ей всю прелесть былого существования в близком присутствии Великих. Память об этих временах всегда питала ее дух и решимость вершить свой достойный Геркулеса труд. Она дает краткое, но живое изображение места произошедших событий.

«Все было, как в старые времена, когда медведь приходил навестить меня. Такая же в точности деревянная хижина — ящик, разделенный внутри на три отделения-комнаты — стояла в джунглях на своих пеликаньих лапах; беззаботно скользили те же самые желтые чела; слышался тот же вечный звук “гуль-гуль-гуль” неугасимого кальяна моего Босса; издавна знакомый сладкий голос Вашего К. Х. (теперь его голос стал еще мелодичней, а лицо — еще тоньше и выразительнее); тот же самый *entourage* для обстановки — шкуры, набитые хвостами яков подушки, те же самые плошки для соленого чая и т. д.».

Как и прежде, бальзам ауры ее Учителя, видимо, поправил ее здоровье — или он, по всей вероятности сознательно, применил иную целебную силу. Так или иначе, исчезли все симптомы болезни Брайта и другие признаки нездоровья. Она была исцелена, но надолго ли — зависело от нее самой и ее эмоциональных откликов на мир, находящийся вне и ниже покоя и святости того места, где пребывал ее Учитель.

Всего лишь два дня — и она опять должна уйти отсюда! «Да, боюсь, Вы должны; Ваша красота может пленить чела, и они влюбят-

ся в Вас, поэтому нам следует сделать Вас недосягаемой для них», — пошутил Учитель М.

Итак, ее проводили в Дарджилинг. Но Учитель М. проживал где-то неподалеку десять дней и несколько раз навещал ее. «Я видела его прошлой ночью в доме ламы», — писала она Синнетту 9 октября. Не так давно за юбку Е. П. Б. цеплялось множество подающих надежды теософов. Но только один из них, исполненный решимости победить или умереть, С. Рамашвами, сумел в одиночку перейти через границу в Сикким. Здесь, облаченный в желтое платье монаха и вооруженный всего лишь обычным скарбом паломника и свернутым зонтом, он целый день напролет шел по узкой пешеходной тропе через непролазные джунгли. Единственным признаком обитания в этих местах людей, который он мог заметить, были разбросанные далеко друг от друга одинокие хижинки.

В сумерках он увидел недалеко от дороги пустую хижину. Двери были закрыты, но маленькое окно оставлено открытым. Через окно он влез в хижину и прилег отдохнуть. Среди ночи он услышал шаги и голоса в соседней комнате. Он затаил дыхание, но каким-то чудом никто так и не вошел в ту комнату, где он лежал. При первых проблесках рассвета он выбрался в окно под густой храп, который был слышен из-за тонкой перегородки.

Рассвет застал его бредущим по холмам и долам в сторону города Сикким. Рамашвами чувствовал, что Гуру, Учитель Мориа, вел и защищал его и сам был где-то неподалеку. Он не знал, что Е. П. Б. возвратилась в Дарджилинг, а Учитель на самом деле находился всего лишь в нескольких милях от того места, где одетый в желтое паломник из Южной Индии, одинокий и преданный своему делу, через силу шел по опасному краю. Он встретил случайного прохожего, затем, ближе к середине утра, увидел, что вниз по тропе к нему галопом скачет одинокий всадник. «Это офицер или воин сиккимского раджи; теперь меня поймают», — со страхом подумал он. Всадник сдержал коня и остановился в нескольких шагах от одетого в желтое паломника. По стуку своего сердца Рамашвами узнал высокого статного наездника.

Он пишет: «Я был во внушающем благоговение присутствии моего достопочтенного *Гуру*, которого видел ранее в астральном теле на балконе штаб-квартиры Теософского общества... Быстрее самого

быстрого взгляда меня распростерло на земле у его ног. Я встал по его слову и, медленно взглянув ему в лицо, всецело забыл себя в созерцании столь хорошо знакомого мне образа...»

Непомерное счастье созерцать Учителя во плоти сделало его немым, но Учитель на тамили, родном языке матери Рамашвами, поведал ему много важного о его испытании в качестве чела, сказал много близкого сердцу паломника и приказал возвращаться в Индию, пока он не попал в беду.

«Прежде чем он оставил меня, подъехали еще двое всадников, его спутники, по моим соображениям — чела; они были одеты как *lama-gelungs*; у обоих были такие же длинные волосы, ниспадающие на спину, как и у него самого. Когда Махатма оставил меня, они легкой рысью последовали за ним».

После часа с лишним, проведенного в изумлении на том месте, где был его Учитель, Рамашвами поднялся и, весь во власти то ли видения, то ли грезы, пустился в обратный путь в Индию.

После возвышенной действительности пребывания близ двоих Учителей мир непосвященных показался Е. П. Б. не чем иным, как жалкой постановкой на сцене, где актеры забыли свою подлинную сущность и думают, что они и в самом деле есть те персонажи, которых они играют. Но она с удовольствием прожила месяц у Синнеттов в Аллахабаде. Она была очень привязана к Альфреду Перси, а у него начинались неприятности с хозяевами «Пионера», — неприятности, вызванные его интересом к оккультному, или, как предпочитал говорить он сам, «эзотерическому буддизму».

Еще до начала декабря текущего 1882 года госпожа Блаватская возвратилась в штаб-квартиру в Бомбее. 7 числа этого месяца все отметили седьмую годовщину Теософского общества в бомбейском Фрамуджи-Кавасджи Холл. Там было поднято знамя, которое показывало, что на сегодняшний день основано тридцать девять отделений Общества.

Основатели были довольны этим признаком прогресса, достигнутого за семь лет.

Десять дней спустя, 17 декабря, основатели и их домочадцы — сухопарый, с журавлиными ногами Дамодар, верный Бабула, чета Куломб и двое четвероногих друзей, собаки Джин и Падхи, — снялись с насиженного места в бомбейском «Кроуз Нест» и направились в Мадрас.

Здесь они прибыли в роскошный, украшенный колоннами дом в имении в 26 акров на окраине города, на берегу реки Адьяр. Этому имению, известному тогда под названием «Хаддлстоун Гарденз», суждено было стать их постоянным местом жительства, домом и штаб-квартирой Теософского общества. Они купили его за баснословно пустяковую цену — 9000 рупий, или 600 фунтов стерлингов.

Но даже такой «пустяк» был непомерно велик и затруднителен для нищих основателей; они кое-как перебивались, зарабатывая на жизнь вольной журналистикой и крошечными доходами от издания *Теософа*. Поэтому один из богатых мадрасских теософов внес около трети суммы в качестве задатка, а другой, индийский судья, выдал на остальные деньги закладную на очень легких условиях. Но возможность обзавестись собственным домом была не единственной причиной их переезда в Мадрас. При первом посещении города в то время, когда они путешествовали на барке по Бэкингемскому каналу, основатели нашли здесь множество потенциальных ревностных теософов. Стремление столь многих способствовать распространению идей Общества воистину обнадеживало.

Одним из подающих самые большие надежды мадрасских теософов был блестящий молодой юрист по имени Т. Субба Роу. Интерес к теософии побудил его вскоре после приезда Е. П. Б. в Бомбей написать ей, и когда они встретились, он, по его словам, почувствовал себя так, будто в нем поднялся занавес, а за ним стал виден запас того оккультного знания, которое он должен был обрести в своих прежних жизнях.

И Е. П. Б., и полковник быстро обнаружили глубокое восхищение молодым человеком и привязанность к нему. Он стал чела Учителя Мориа. Иногда он выступал в роли их советника по индийским вопросам и, казалось, делал большие успехи в раджа-йоге.

Тем не менее молодой брамин, подобно Дамодару, имел свои собственные представления о важнейших подходах к оккультному, и представления эти весьма и весьма отличались от взглядов основателей. Разность эта дала себя знать позже, во времена великих испытаний.

Психические условия в Адьяре были явно благоприятны для незримой деятельности Махатм. Судя по дневниковым записям

президента-основателя Олкотта, в начале 1883 года Учитель Мориа почти каждый день бывал здесь в своем незримом теле. С целью облегчить жизненно важное дело связи с внутренними сущностями Е. П. Б. решила устроить здесь особую комнату, нечто вроде часовни, где можно было бы легко сосредоточить необходимую в таком деле силу. Было это решение подсказано ей ее Гуру или нет, он определенно должен был одобрить эту идею.

Итак, святыня, или оккультная комната, как ее иногда называли, была устроена в маленьком помещении на крыше, откуда было видно, как река медленно впадает в Бенгальский залив. Жилые комнаты госпожи Блаватской располагались по соседству с этой новой святыней.

Теперь начались те странные психические явления, в которых могли участвовать члены Общества, а сообщения в печати приносили теософскому движению хорошую известность. «Индиан Миррор», к примеру, приводит выдержку из «Философикал Инквэйерер» за 22 апреля 1883 года:

«Корреспондент, который только что побывал в штаб-квартире Теософского общества в Мадрасе, сообщает нам подробности нескольких удивительных феноменов, происходящих там почти каждый день. Видимо, по указанию высших сил, которые направляют судьбы Общества, на крыше дома была построена особая комната, доступная лишь очень немногим посетителям. В ней установлена на пьедестале великолепная резная горка. Здесь есть два изображения Посвященных и статуя Будды. Если оставить здесь письма, адресованные Махатмам, и на несколько мгновений закрыть дверь, окажется, что письма исчезли, а вскоре таинственным образом придут ответы, написанные на китайской или тибетской бумаге теми Посвященными, кому были адресованы письма...»

Иногда в ответ на невысказанные вопросы в умах исследователей в горке появлялись, кроме писем, другие предметы, что доказывает существование телепатического воздействия и в равной степени — способности *перемещать* твердые предметы сквозь стены и запертые двери.

Священная комната в значительной степени усилила веру и индийских, и западных исследователей оккультизма в существование и йогическую силу Махатм и в их близость к Теософскому обществу.

Но позже, когда вести о ней достигли обычной западной публики, Е. П. Б. пришлось заплатить за это высокую цену.

В середине года, когда над Мадрасом вновь повисла летняя жара и даже с моря не было ни ветерка, ее здоровье опять ухудшилось. К счастью, она подружилась с генералом британской армии Родсом Э. Морганом и его женой. Эта чета была среди первых поселенцев в местечке Утакаунд в горах Нилгири, которое быстро стало летним прибежищем европейских обитателей Мадраса. В начале июля Е. П. Б. приняла приглашение Морганов пожить с ними в «Ути».

«Я у Морганов,— писала она Синнетту, который к тому времени потерял работу в «Пионере» и уехал в Лондон.— Генерал, генеральша, шестеро дочерей, двое сыновей и четыре зятя образуют семейство самых отъявленных атеистов и самых вздорных или самых добрых спиритуалистов. Они относятся к моему достопочтенному “я” с такой заботой и любезностью, что мне даже стыдно...»

Морганы стали деятельными членами Общества и верными друзьями Е. П. Б.,— верными даже в те времена, когда на нее обрушились беды.

За три месяца, прожитые у них летом 1883 года, она написала *Таинственные племена Голубых гор* для газеты «Русский вестник». Позже текст был издан книгой на английском языке. Одновременно была подготовлена большая серия статей для *Теософа* под общим названием *Ответы английскому члену Теософского общества*. Английским членом Теософского общества был Фредерик Майерс, один из преподавателей Кембриджского университета. Недавно он создал Британское общество изучения психики. Но эти *Ответы* были, по словам Е. П. Б., продиктованы ей Посвященными и их чела, в основном — Учителем Мориа.

«Боже Святой!! да кто он такой, этот мистер Майерс, что мой Большой Босс должен извести целое ведро своих красных чернил с целью рассеять *его* сомнения!.. Ибо мистер Майерс ни в чем *не* убедится!» — писала она Синнетту.

Полковник Олкотт с «бородой до седьмого ребра и волосами, которые ниспадают серебряными локонами, как у патриархов», возвратился из поездки на горячо любимый им Цейлон в середине сентября 1883 года. Он приехал в «Ути». Основатели вдвоем посетили Пондишери, а затем вернулись в Адьяр.

В штаб-квартире трудно выносимые летние месяцы не улучшили расположение духа Эммы Куломб. В качестве экономки она могла, воруя по маленькой, прикарманивать кой-какую мелочь. Но в средоточии теософии деньги были редкой материей, и мечта Куломбов накопить достаточную сумму и открыть собственный отель снова и снова казалась далекой от исполнения.

Госпожа Блаватская глубоко разочаровала Эмму Куломб. В Обществе состояли богатые индийцы, и у госпожи Блаватской хватало возможностей обогатиться самой и обогатить своих работников, таких как Куломбы, с помощью ее «магических сил». Эмма не сомневалась в том, что такие силы были по большей части не чем иным, как умным и тонким обманом. Все, что нельзя было счесть такими уловками, она приписывала трудам дьявола. Что бы там ни стояло за показной стороной — ловкость рук или сатанинские козни, — это убеждало многих богатых людей, производило на них сильное впечатление и могло бы принести им всем вполне приличные деньги.

Но по каким-то причинам эта старая русская колдунья упускала такие возможности. Хуже того, она пресекала все попытки Эммы по собственному почину извлекать деньги из богатых членов Общества.

Одним из таких богатых, на кого Эмма возлагала большие надежды, был мягкий, покладистый член Общества принц Харисинджи. По слухам, денег у него было больше, чем у королевы Виктории! Когда она попросила у него займы две тысячи рупий, принц, казалось, охотно выслушал просьбу и почти обещал исполнить ее. К сожалению, он уехал на следующий день, раньше, чем она смогла еще раз обработать его. Но не было и тени сомнения в том, что он снова приедет в Адыяр. Если сделать так, что Блаватская не узнает и не расстроит ее планы, есть хороший шанс получить деньги. Сумма в две тысячи рупий была для него сущей безделицей, а для нее — судьбой.

Переписка Е. П. Б и Синнетта показывает, что в течение 1883 года в лондонском центре теософии назревали неприятности. Конфликт заключался в столкновении основных убеждений двух сильных личностей.

Одной из них была Анна Кингсфорд, доктор медицины. В 1867 году она вышла замуж за англиканского vicar, тремя годами позже

приняла католичество, а тринадцать лет спустя, в 1883 году, стала президентом Лондонской Теософской ложи. Е. П. Б. изображает ее темноволосой и до звона обвешанной драгоценностями.

«Божественная Анна», как ее иногда шутливо называли, имела строгие представления о теософии, или, точнее, о том роде теософии, который, по ее соображениям, будет наиболее приемлем для британской публики. Она хотела, чтобы Теософское общество считали «философской школой, которая зиждется на древнем герметическом основании, следует научным методам и в точных процессах объяснения не зависит от какого бы то ни было абсолютного авторитета...» Вероятно, она на самом деле не верила в Махатм, хотя утверждала, что верит. Во всяком случае, она считала ошибочной ту политику, согласно которой теософскую доктрину следовало преподносить в качестве учения, исходящего от таинственных, недоступных Посвященных.

Близкий друг Анны и вице-президент Ложи Эдуард Мейтленд всеми силами поддерживал ее идеи и ее политику. Им обоим противостоял А. П. Синнетт, который недавно приехал в Лондон. Он несколько лет состоял в личной переписке с Махатмами и с одобрения Братства издал некоторые фрагменты их учения в книге «Эзотерический буддизм». Многие члены лондонского Общества испытывали сильное желание узнать у него о Великих, их эзотерической философии и йогической подготовке, необходимой для того, чтобы стать их учеником. Это обеспечивало Синнетту превосходящую позицию.

Собрания у него дома вскоре приобрели притягательную силу, противоположную привлекательности собраний у Анны. Напряженные отношения и взаимные неудовольствия усиливались, и Лондонская ложа начала делиться надвое.

Госпожа Блаватская была не согласна с точкой зрения Анны и возмущена ее неуважительным отношением к Махатмам, которые были истинными основателями теософского движения. Она с удовольствием тотчас бы развенчала миссис Кингсфорд, но Учителя думали иначе. Е. П. Б. только закончила восьмую страницу письма, которое выражало ее недовольство Анной, когда рука Учителя появилась у нее под носом и вырвала письмо. Позже она рассказывала Синнетту:

«Они [Боссы] соединили свой разум и общими усилиями решили, что “божественную Анну” следует ублажить. *Она им необходима*; она — отличный *palliative* (мирской смысл этого слова может быть в данном случае каким угодно!), и они намерены использовать ее».

Но было решено, что президент-основатель Олкотт поедет в Лондон и постарается остудить тамошний кипяток. Ему следовало применить свой дар дипломата и организатора и поставить лондонские дела на дружескую, деловую основу. У Олкотта была и еще одна причина для поездки. Цейлонские буддисты назначили его своим представителем и поручили ходатайствовать перед министерством колоний в Лондоне об устранении множества тех несправедливостей, которые причиняла им религиозная нетерпимость их «христианских» господ.

Сначала думали, что Е. П. Б. останется в Индии, но ее здоровье вновь стало хуже. «Всем кажется, что я *смертельно больна*; поскольку Учителя раньше не раз исцеляли меня, а сейчас у них нет времени возиться со мной и, кроме того, желательно поместить меня в умеренную атмосферу с чем-то там еще (здесь говорят ерундовские ученые словечки), мой Босс приказал Олкотту отвезти меня на юг Франции».

Но к сказанному она добавила, что не собирается ехать ни в Лондон, ни в какое-либо место близ него. Сама мысль об этом и некоторые личности там внушали ей «чувство ужаса и невыразимого *магнетического отращения*». Синнетт должен понять, писала она, что ей было бы в высшей степени мучительно приехать туда и «увидеть, сколь ошибочно понимают и самих Учителей, и их философию».

Елена никогда ранее не нуждалась в слуге так, как сейчас, когда была тяжело больна. Она любила Бабулу и была рада включить его в то общество, которое ехало в Европу. Мохини Чаттерджи, красивый и молодой калькуттский юрист, должен был сыграть в поездке двойную роль — секретаря полковника и лектора. Его блистательные выступления подкрепят изложение Синнеттом подлинной эзотерической философии. Пятым в обществе, которое отправлялось в столь важное по своим следствиям морское путешествие, был наделенный высоким интеллектом молодой парс, выпускник Бомбейского университета мистер Б. Дж. Падшах.

По пути на корабль, который отплывал из Бомбея, Елена собиралась навестить принца Харисинджи. С обычным своим великодушием и щедростью она взяла с собой Эмму, которая просила отвезти ее в Бомбей. Она знала, что жизнь в Адьяре была утомительна и скучна для ее экономки — та не понимала теософского движения, — и Елена решила, что перемена мест пойдет ей на пользу.

Во дворце принца Эмма воспользовалась удобным случаем и напомнила ему «обещание» ссудить ей две тысячи рупий. Но Харисинджи решил, что прежде чем давать займы экономке госпожи Блаватской, следует заручиться согласием самой госпожи. Так он и поступил.

Е. П. Б. знала, что в данном случае заем означает подарок, и дала принцу понять, что не одобряет его намерений. Вместо долгожданных денег Эмма получила от госпожи Блаватской резкий выговор за стремление разжиться деньгами на теософских контактах.

Эмма была уроженкой Ливана. Выговор переполнил чашу ее терпения. В Адьяре она была рабыней: работала, но денег ей не платили, мало того, лишали всякой возможности поправить свои дела, а теперь еще и отчитывали, как школьницу.

«Ладно,— мрачно думала она,— дайте мне только вернуться без денег в Адьяр, благо там останется всего-то парочка-троечка вновь приехавших европейцев, которые равным счетом ничего не понимают, да несколько глупых туземцев. Руки у меня будут развязаны, я не упущу своего шанса и отомщу этой высокомерной русской. Если я смогу развалить ее пагубное антихристианское общество, это будет доброй услугой миссионерам, и, может быть, я добуду деньги, которых нам с Алексисом хватит для начала гостиничного бизнеса и приличной жизни».

На борту парохода «Чандернагор» 20 февраля 1884 года Эмма разыграла печальное, окропленное слезами прощание. Она нежно обнимала свою хозяйку и уверяла, что с особым тщанием позаботится о комнатах и личных вещах госпожи; не нужно беспокоиться ни о чем; госпожа должна хорошо отдохнуть в Европе и к возвращению быть в полном порядке.

Но позже, на другой части палубы, Эмма показала Бабуле свое совершенно иное лицо. Она знала, как часто он бывал в дурном расположении духа из-за «несправедливых требований» своей госпожи.

Она-де с глубоким сочувствием относится к его страданиям от хорошо известного ей грубого обращения. А затем с ненавистью, от которой потемнели ее каменные, воистину гранитные глаза, она прошипела: «Что до меня, то я никогда не прощу ей, что она сует свой нос картошкой в мои дела. И она заплатит за это. Вот посмотрите, она заплатит!»

Бабула испугался той злобы, которая звучала в ее голосе, и впоследствии не раз вспоминал ее.

Глава 18

Мария, графиня Кайтнесс, герцогиня де Помар, выглядела красивой, если не эксцентричной дамой, когда, одетая в темно-красный бархат, с цепью огромных алмазов вокруг шеи, стояла, встречая гостей в эlegantных салонах своего особняка Пале-Тиранти в Ницце.

Лорд Кайтнесс умер в 1881 году, и с тех пор его вдова жила в одиночестве с сыном своего первого мужа, покойного гранда Испании герцога де Помар.

Мария, которая впервые вошла в контакт с Е. П. Б. после выхода в свет *Изиды без покрывала*, была ревностным теософом, но все еще сохраняла интерес к спиритизму. В Холируде, ее великолепном дворце в Париже, была часовня, которую использовали для прямой связи с духом шотландской королевы Марии Стюарт. Сама Мария с головой ушла в историю умершей королевы и окружила себя «реликвиями Марии». Она часто одевалась, подражая этой несчастной государыне.

Действительно, в обществе частенько поговаривали о том, что леди Кайтнесс верила, будто она и есть реинкарнация Марии Стюарт. Такие разговоры плохо совмещались с ее верой в то, что королева все еще пребывала по ту сторону земной жизни и с ней можно было установить медиумический контакт во время сеанса в часовне. Более того, женщина, которая на протяжении многих лет близко и хорошо знала графиню, — шотландская писательница Вайолет Твидейл, — пишет, что она никогда не слышала от Марии даже намека на то, что та была-де реинкарнацией Марии Стюарт.

Среди гостей, которых графиня принимала во время сезона в Пале-Тиранти, были знатные русские, которые сотнями стекались в Кот-д'Азюр, окруженные целыми сонмами слуг. Никто другой не тратил деньги так легко и причудливо, как они. Ходили целые истории о том, как князь Черкасский снимал виллу с обширным парком и настаивал на том, что каждое утро желает видеть парк в новом облиции. Каждую ночь четыре дюжины садовников кропотливо работали с единственной целью — убрать старые растения и посадить новые.

В Монте-Карло приезжие баре из царской России задавали тон романтического обаяния и волнения. Здесь никогда не бывало других таких игроков. С достойными Гаргантюа безразличием и удалью они ставили на карту целые состояния, свои имения и даже, говорят, своих жен.

Елена несомненно должна была встретить среди русских приезжих некоторых знакомых своего семейства, но их интересы не совпадали с ее собственными. Она постоянно отказывалась от приглашений приехать в то или иное собрание и составить компанию в театр или казино, извиняясь по большей части нездоровьем. Иногда она оставалась дома совершенно одна: даже полковник уезжал развлекаться в театр или наблюдать интересные, редкие проявления человеческой природы в богатом международном обществе. Тогда она с удовольствием проводила несколько спокойных часов за письменными занятиями — вероятно, писала одно из своих длинных писем или важную статью для *Теософа*, который издавал теперь в Мадрасе Т. Субба Роу.

Е. П. Б. недолго пробыла на юге Франции и не отправилась, как было задумано ранее, в какое-то иное место для поправки здоровья. Двенадцать дней спустя она уехала с полковником и Бабулой в Париж. Мохини и Падшах уехали туда прямо из Марселя, где все они сошли на сушу с парохода «Чандернагор».

Е. П. Б. утверждала, что Учитель приказал ей поехать в Лондон, но она, совершенно очевидно, не сообщила об этом полковнику, который готовился в одиночку справиться с трудным положением дел в Лондонской ложе.

Когда они сошли с поезда в Париже, то были беспредельно рады увидеть стоящую на платформе маленькую фигуру Уильяма Кван

Джаджа. Е. П. Б. обняла его, а полковник горячо пожал руку. Кэб привез их всех в дом № 46 по рю Нотр-Дам-де-Шамп, где щедрая леди Кайтнесс сняла квартиру для основателей и их друзей.

И Е. П. Б., и полковник не виделись с Уильямом Кван Джаджем больше пяти лет. В эти годы он часто уезжал из Нью-Йорка по делам, а местное отделение Теософского общества пребывало в дремотном состоянии.

Оно пробудилось на собрании, созванном неким заезжим индусом в декабре прошлого года. Нью-йоркская газета «Геральд» от 4 декабря 1884 года сообщала, что генерал Абнер Даблдей, «создатель системы зажима и кабеля» и, говорят, тот, кто выдумал бейсбол, «представил собранию индийца, но не по имени, а в качестве представителя Общества... Он был одет с восточным великолепием, которое странно отличалось от обычных деловых костюмов остальных; на груди его мерцала драгоценность с начертанными на ней таинственными буквами ОМ. Он говорил очень недолго, но возвестил, что настало время деятельной работы нью-йоркской ветви теософов; затем он прочел на хинди короткий отрывок из «Махабхараты» и преподнес действующему президенту [генералу Абнеру Даблдею] том «Бхагавад Гиты»...»

После оглашения своего послания и преподнесения книги индеец исчез. Никто не успел сделать хотя бы шаг вслед за ним, и никто не задал ему ни одного вопроса...

Собрание немедленно организовалось по правилам Теософского общества. Очередное собрание было назначено на понедельник следующей недели...

Джаджу, который в былые времена, подобно Олкотту, изучал в Нью-Йорке оккультизм под руководством Е. П. Б., суждено было стать главной силой в возрождении и распространении теософии в Америке. Теперь, весной 1884 года в Париже, его переполняла радость встречи друзей и предвкушение близкого будущего. Учитель Мориа наконец-то разрешил ему посетить Индию. Он стоял на первой ступени увлекательного путешествия, но был намерен жить в Париже до тех пор, пока там живет его друг и учитель Е. П. Б.

Полковник и Мохини вскоре уехали в Лондон. 7 апреля в Лондонской ложе шло собрание. На сцене сидел осанистый, величавый президент-основатель с достопочтенной бородой «до седьмого реб-

ра», как описывает его Е. П. Б., и с тревожным выражением благородного лица. Рядом с ним находился Мохини, худощавый, с длинными черными волосами под маленькой белой индийской шапочкой. У него были присущие его народу темные выразительные глаза. Кроме них на сцене были ключевые фигуры великого спора — Анна Кингсфорд, Эдуард Мейтленд и Альфред П. Синнетт.

Спор закипал. Полковник делал все что мог по части дипломатии, с целью сгладить расхождения и создать спокойную обстановку. Затем он собирался внести позитивные предложения, которые — надеялся он — приведут лондонскую теософскую общественность к худому или доброму согласию. Особого успеха он не имел.

Замеченная лишь немногими полная дама вошла в зал собрания и уселась в самом конце длинной затемненной комнаты, не узнанная даже теми, кто видел ее. Вскоре один из участников спора, который с каждым словом становился все более и более пылким и насыщенным взаимными обвинениями, сослался на какой-то прежний поступок госпожи Блаватской.

«Это так», — громко заметила полная дама. Люди с курьезным молчанием оглядывались вокруг; те, кто сидел на сцене, старались разглядеть заднюю часть зала. Внезапно собрание пришло в замешательство. Гневные эмоции сменились радостью и волнением. Вокруг нее собралась толпа. Говорили все разом, а Мохини встал на колени у ног своей обожаемой наставницы — Е. П. Б.

На вопросы о том, как она узнала, что собрание будет в адвокатских конторах Линкольн-Инн, и нашла дорогу от станции железной дороги, Е. П. Б. ответила просто: «Я следовала своему оккультному чутью».

Ее драматическое появление в самый подходящий момент стало причиной роспуска бурного собрания. Позже полковник легко снял напряжение в лондонском Обществе; действуя наилучшим образом, он признал обе фракции и учредил оккультную группу, известную под названием «Герметической ложи», во главе с Анной Кингсфорд. Синнетт, у которого было больше сторонников, стал лидером старой Лондонской ложи.

После недели, проведенной у Синнеттов в Англии, Е. П. Б. возвратилась в Париж. Там следовало провести некоторые преобразования в местном оккультном обществе, которое возглавляла леди Кайт-

несс. А впереди у нее хватало работы над новым писательским замыслом, предопределенным ее Учителем.

Чуть позже она отправилась в Шато в Энгие, в нескольких милях от Парижа, в гости к графу и графине Гастон д'Адемар. Но по своему обыкновению, неизменному даже в тех случаях, когда она гостила в чужом доме, Елена проводила большую часть времени в письменных занятиях, — в то время она была занята началом своего нового замысла — *Тайной доктрины*. Сначала она мыслила новую книгу расширенной версией *Изиды без покрывала* и попросила Джаджа, который тоже гостил в Шато, тщательно просмотреть ее и отметить на полях вопросы, требующие новых решений и толкований.

Однажды шведская графиня Констанс Вахтмейстер приехала в Шато с единственной целью увидеть госпожу Блаватскую. Ей сказали, что Е. П. Б. занята и не сможет принять ее.

«Я вполне согласна подождать», — сказала графиня. Она заметила, что специально приехала из Англии лично увидеть сложную, во многом противоречивую личность — вождя Теософского общества, ревностным членом которого была она сама. Она твердо решила уехать из Энгие не раньше, чем достигнет своей цели.

Ее решимость была вознаграждена. Она встретила с Е. П. Б., а графиня д'Адемар пригласила ее пожить в Шато. Однако госпожа Блаватская целые дни напролет работала, запершись в своей комнате, и Констанс Вахтмейстер пришлось довольствоваться тем, что она виделась с ней за столом и по вечерам, когда та была окружена своей *coterie*.

Наконец с помощью добрых услуг Уильяма Кван Джаджа графине удалось частным образом побеседовать со «Старой Дамой» — так многие друзья называли теперь действительно пожилую Елену Блаватскую, которой исполнилось пятьдесят три года.

«Она рассказала мне, — пишет Констанс Вахтмейстер, — многое из того, что — я думала — было известно лишь мне одной, и в конце своей речи сказала, что меньше чем через два года я должна буду полностью посвятить свою жизнь теософии».

— Боюсь, это невозможно, — честно ответила графиня Вахтмейстер. Е. П. Б. улыбнулась.

— Это решено Учителями, и поэтому я думаю, что так оно и будет. Дошедшие до Энгие и Парижа вести из Лондона говорили о том, что теософия делала там большие успехи. Под влиянием Синнетта,

доброто полковника и живописного Мохини она постепенно становилась модной в светских кругах. Сверх того, многие серьезные интеллектуалы, литераторы и ученые были серьезно заинтересованы новыми, более широкими, чем прежде, концепциями с Востока. Это были Роберт Броунинг, Мэттью Арнольд, сэр Уильям Крукс, сэр Эдвин Арнольд, сэр Уильям Барлет, Фредерик У. Х. Майерс.

Последний, поэт и известный ученый, знаток классической древности, некоторое время был членом Теософского общества — именно тем его английским членом, длинные *Ответы* которому к вящей досаде Е. П. Б. заполнили в свое время страницы *Теософа*.

Майерс испытывал особый интерес к парапсихическим явлениям, связанным с Теософским обществом. Поэтому он и несколько его друзей, все — ученые, образовали свое собственное общество со специальной и единственной целью — исследовать такие явления. Новую организацию назвали Обществом исследований психики. Ее члены надеялись применить объективные технические приемы современной науки в тех неуловимых областях психики, которые ученые за очень немногими исключениями, такими как сэр Уильям Крукс, с презрением и насмешками обходили стороной.

Синнетт закончил свой «Окултный мир», и теперь они вместе с полковником изумляли лондонские гостиные беседами о невероятных вещах. Если, говорил Майерс, сказанное ими было действительно правдиво и истинно, то старая максима «с Востока свет» должна быть реальностью, а не просто мечтой! Но сначала те феномены, на которые они ссылаются, надлежало исследовать строгими, объективными методами современной науки о психике. Весь вопрос состоял в том, будут ли теософы сотрудничать в таких исследованиях.

В общем индийцы предпочитали ограничить знание эзотерических доктрин узким кругом посвященных, но Мохини был готов делать то, что было желательно основателям. Синнетт, который думал, что теософия предназначена не для масс, а для интеллектуалов, был рад сотрудничать с учеными — гуманитариями и естествоиспытателями из Общества исследований психики. Великодушный американский полковник был неизменно готов разделить найденное им добро со всеми и каждым. Он действительно считал такие исследования на редкость большой удачей для теософов.

Общество исследований психики всеми силами стремилось поддерживать высокий уровень «ученого сообщества». Если такое общество после своих изысканий заявит о подлинности теософских феноменов, — а по его мнению, оно должно было непременно сделать такое заявление, — то оно произведет подлинную революцию в материалистическом образе мышления западного мира. Он был исполнен страстного желания сотрудничать с учеными.

По мнению Е. П. Б., готовность полковника к сотрудничеству была слишком пылкой. Она считала, что Олкотт не в меру спешит навязать свои опыты изучения чудесных феноменов осторожным, скептическим умам ученых. Ее одолевали дурные предчувствия в отношении всего исследования. Эти надменные британские интеллектуалы ровным счетом ничего не знали о тех глубинных ведических концепциях человека, которые стояли за феноменами, ничего — о йоге отказа и отречения от самого себя, которая полностью изменяет весь набор ценностей и оценок. Их высшим божеством был мыслящий разум. Их умы были отлично подготовлены, но ограничены и ничтожны в сравнении с тем сверхразумным миром, который они стремились охватить, — охватить под ошибочным углом зрения и без необходимой скромности и смирения!

Тем не менее она чувствовала, что в качестве признанного вождя и наиболее известного своими феноменами члена Общества не может отказаться от сотрудничества с Обществом исследований психики. Отказ выглядел бы весьма и весьма подозрительно. Ей следовало согласиться и уповать на лучшее.

Пока Е. П. Б. была в Париже, Олкотт, Синнетт, Мохини и Падшах несколько раз встречались с комитетом по проведению исследований на совещаниях, посвященных взаимным вопросам и ответам. Когда она в конце июля приехала в Лондон, то вместе с полковником посетила собрание Общества исследований психики, а в начале августа сидела рядом с Мохини перед исследователями в Кембридже. Вот уйма ерундистики, думала она. Кто и каким образом может понять реальность и основную причину *siddhis* (сверхчеловеческих сил и способностей) без должного обучения у Просвещенного Гуру?

Во время своего второго приезда из Парижа в Лондон (продолжительностью около шести недель) она жила в доме дам Арундейл

в лондонском квартале Ноттинг-Хилл. В письме к миссис и мисс Францискам Арундейл она однажды писала: «Будь у меня две дюжины *подобных Вам обеим* и дюжина подобных Синнетту, Учителя давно были бы с нами, с Обществом. Я действительно *думаю* то, что говорю, и более того — я *знаю* это».

Джорджу Арундейлу, племяннику и приемному сыну Франциски, позже суждено было стать президентом Теософского общества.

В то время, когда теософия, казалось, процветала в Европе, в далекой Индии она приобрела достаточно много врагов. Некоторое время назад старый союзник Арья Самадж начал работать против Теософского общества. Свами Дайананд пошел против основателей, говорит полковник Олкотт в «Страницах из старого дневника», потому что они «не соглашались чуждаться буддистов и парсов». Эклектизм Общества не отвечал присущему Свами почитанию Вед в его собственном прочтении и толковании. Он начал чернить теософию в целом и Е. П. Б. в особенности.

Миссионеры, за очень немногими исключениями, резко противодействовали теософскому учению. Новое гностическое движение мешало усилиям церкви отвести туземцев от их собственных языческих верований — индуизма и буддизма. Полковник и другие теософские лидеры заявляли, что теология христианских церквей производит плохое впечатление на фоне древних истин, извлеченных из сердцевины индуизма. Их доводы раздували тлеющие под пеплом угли старой веры.

Широко известные феномены Е. П. Б. придали делу наихудший оборот; она сама ни одним своим поступком не ублажила церковников. Так, например, в бытность свою в Утакамунде, в 1883 году, она проводила собрания в доме Морганов в часы церковных служб. Прихожане в большом количестве ходили на ее собрания, надеясь, по всей вероятности, увидеть чудеса, а церковные скамьи в эти воскресенья пустовали.

Теперь письма из Индии в Европу указывали основателям на тот неопределенный, но зловещий заговор, который затевали в Мадрасе миссионеры и чета Куломб.

Мистер Лэйн-Фокс, богатый английский инженер-электрик, член Контрольного совета в Адьяре, писал, что Эмма Куломб широко распускает слухи о «люках» в священной комнате. Кроме того,

она говорила, что Общество ставит перед собой тайную, но реальную цель свергнуть британское владычество в Индии. Письма от Дамодара излагают ту же самую историю: «Она [мадам Куломб] сказала мне и говорит всем и каждому, что Вы [Е. П. Б.] мошенничаете и вызываете феномены с помощью скрытых люков на пружинах».

Учитель К. Х. в том письме, которое было чудесным образом доставлено в поезд, когда Олкотт и Мохини были в пути из Парижа в Англию, писал: «Вы на долгие годы приютили под своей крышей предателя и врага, и партия миссионеров более чем готова воспользоваться любой помощью, которую только сможет выжать из нее».

Т. Субба Роу, узнав некоторые из таких слухов, написал Е. П. Б. письмо с вопросом о том, не могло ли где-нибудь быть тех компрометирующих писем, которых ей следует «остерегаться»; если такие письма есть, их лучше всего выкупить за любую цену. В свете того, что произошло впоследствии, существенное значение имеет ответ Е. П. Б.: она-де никогда не писала компрометирующих писем.

В таких обстоятельствах было бы отнюдь не удивительно скорейшее возвращение основателей в Индию. Но они были все еще заняты важными делами в Европе и решили исправить ситуацию перепиской с Куломбами. В конце концов, рассуждали они, у Эммы было вполне достаточно времени действовать против Общества и распускать враждебные рассказы о нем. Возможно, все это было, как прежде, бурей в стакане воды, а такая буря пройдет сама собой. Они оба писали длинные письма, пытаясь убедить ее отказаться от распространения лживых и злонамеренных рассказов о Е. П. Б. и Обществе. Ей не по силам, говорили они, низвергнуть Общество, ибо оно зиждется на краеугольном камне Истины.

«Вся беда в том,— писала Е. П. Б.,— что Вы никогда не хотели поверить в то, что позади занавеса *действительно* стояли и стоят истинные Махатмы, что Вы не верите в подлинность феноменов,— вот почему Вы видите во всем обман и мошеннические уловки».

Но события в Мадрасе развивались быстрее, чем основатели могли узнавать о них или управлять ими с помощью переписки; письма шли медленно и целыми неделями находились в пути. Эмма и Алексис Куломб работали под крышей адьярской штаб-квартиры. Алексис в качестве домашнего мастера на все руки был с виду за-

нят постройкой, возвести которую распорядился перед отъездом президент. Эмма держала ключи от комнат госпожи Блаватской и никому не позволяла входить туда, утверждая, что *она* и только она отвечает за вещи мадам. Напрасно еще один видный член Контрольного совета, доктор Франц Гартманн, говорил ей о том, что госпожа Блаватская позволила ему пользоваться своим письменным столом, когда ему понадобится место, где можно спокойно писать.

Измышления Эммы о люках и потайных панелях заставили членов совета заподозрить нечто подобное. Не мог ли Алексис своей пилой и молотком устроить такие приспособления с целью подкрепить и подтвердить рассказы жены? Беспокойство членов совета нарастало; помимо всего прочего, его питали те слухи о клеветнических измышлениях Куломбов, которые доходили до них из самых разных источников.

В конце концов они решили предъявить этой парочке свои обвинения. Они получили от ряда уважаемых членов Общества письменные показания под присягой о том, что мадам Куломб была виновна в попытках вымогать у членов Общества деньги, растрате денежных средств Общества, клевете на госпожу Блаватскую и распространении лживых рассказов о целях и действиях Общества.

Подстегнутый выдержанным в резких выражениях письмом от Учителя Мориа, совет телеграфировал основателям в Европу с просьбой позволить ему выдворить Куломбов из владений Общества. Позволение было получено.

Но прежде чем покинуть Адьяр, чета Куломбов попыталась шантажировать руководителей Общества. За свое молчание «о том, что они могли рассказать», семейка потребовала три тысячи рупий. Это, лгали они, было большой жертвой с их стороны. За разрушение Общества им-де предлагали десять тысяч рупий.

Попытка шантажа провалилась. 25 мая 1884 года Куломбов, правда, не без определенных сложностей, выдворили из владений Общества. Они отправились искать приют у прихожанина церкви достопочтенного Паттерсона. Здесь они принялись за работу, составляя те документы, которые, они надеялись, повлекут за собой гибель Общества, отомстят за те «несправедливости», которые претерпевала-де Эмма от госпожи Блаватской, и позволят им за-

служить у некоторых «христианских» миссионеров одобрение, благодарность и нечто более существенное.

Основатели, зная не зная о том, что за убийственное зелье варилось в котле колдуньи, засиживались в Европе.

Глава 19

Истории о «чудесных» случаях, рассказанные теми, кто более или менее долго жил с госпожой Блаватской, сами по себе могли бы составить отдельный том. Даже самые придирчивые скептики должны были чувствовать, что за таким количеством дыма есть хотя бы немного огня. Но многие ее современники не допускали самой возможности даже крошечного огонька. Сегодня ее типичные противники столь же безрассудны, вопреки тому, что присущие ей силы, отстаиваемые ее последователями, были выявлены в ходе современных парапсихологических исследований.

В данном случае Е. П. Б. использовала множество раз проявленное ею особое экстрасенсорное восприятие (ЭСВ) и психокинез в том виде, который был назван преципитацией. Явление было удостоверено на месте действия достойными доверия свидетелями, в том числе — одним из ее самых суровых критиков.

Однажды июньским утром 1884 года в гостиной квартиры Е. П. Б. на рю Нотр-Дам-де-Шамп сидело шесть человек. Это были сестра Е. П. Б. Вера, которая около месяца жила тогда в Париже, полковник Олкотт, Уильям Кван Джадж, мадам Эмилия д' Морсье и русский писатель Всеволод Соловьев, который по непонятным ему самому причинам позже стал заклятым врагом Е. П. Б.

Было около десяти часов утра, и дверь из гостиной в прихожую была открыта. Прозвонил дверной звонок. Они видели, что слуга пошел к входной двери, открыл ее и взял у почтальона несколько писем. Затем он вошел в гостиную и положил почту на стол. Одно письмо пришло из Одессы, и обе сестры, Е. П. Б. и Вера, узнали в надписи на конверте почерк какого-то своего родственника. Письмо было адресовано их тетушке Надежде, которая приехала в Париж вместе с Верой и в это время находилась в одной из комнат квартиры Е. П. Б.

Елене стало очень любопытно, что же написано в письме одесского родственника, а Вера, всегда готовая в таких делах бросить сестре вызов, сказала:

— Если Вы притязаете на обладание некоей силой, то почему бы Вам не выяснить, что там написано, прочитав письмо прежде, чем его откроют? Я предлагаю Вам сделать это и уверена, что Вы не сможете.

Елена, которая тем утром была в приподнятом настроении, взяла конверт и подержала его напротив лба. Несколько мгновений лицо ее было маской напряженной сосредоточенности. Затем она начала читать вслух.

Кто-то принес карандаш и бумагу, и она записала то, что было, по ее мысли, содержанием запечатанного конверта. Когда она закончила, Вера вслух усомнилась в прочитанном. Она сказала, что Елена использовала несколько выражений, не свойственных тому, кто написал письмо.

Елена рассердилась.

— Вы увидите, что письмо прочитано правильно,— огрызнулась она.
— Но я сделаю больше.

Она взяла лист бумаги, на котором записала свой текст содержания письма, и мягким красным карандашом подчеркнула одно слово, а потом тем же самым карандашом поставила два красных треугольника один ниже другого.

— Теперь,— сказала она,— я сделала так, что обе пометки красным появятся в соответствующих местах самого письма.

Она сложила вместе свой лист бумаги и письмо, положила на них руку и, казалось, вновь вошла в состояние предельной сосредоточенности.

Несколько мгновений спустя она расслабилась и бросила через стол запечатанное письмо сестре, воскликнув: «*Tiens! C'est fait!*»

Когда Надежда присоединилась к обществу и открыла письмо, оказалось, что Е. П. Б. в точности воспроизвела его содержание и, к еще большему удивлению собравшихся, преципитировала две пометки красным под правильно прочитанными ею словами. Исключительное значение имел тот факт, что небольшой огрех в начертании вставных треугольников был точно воспроизведен в запечатанном письме.

Очевидцы случая составили и утвердили отчет, а Всеволод Соловьев написал о нем сообщение для «Ребуса» — Санкт-Петербургского журнала, посвященного психологическим наукам. Он отметил особую важность того, что на оборотной стороне конверта был почтовый ярлык, «наклеенный именно в том месте, где обычно ставят печать», — явное указание на то, что письмо не было повреждено при перевозке. Свое сообщение он закончил словами:

«Обстоятельства, при которых произошел феномен, тщательно проверены мной до мельчайших подробностей. У меня не осталось ни малейшего сомнения в *подлинности* и реальности феномена. Обман или мошенничество в данном случае *целиком и полностью исключены*».

В середине августа этого же года Е. П. Б. поехала в Германию в гости к господину и госпоже Гебхард, которые занимали большой дом в рурском городе Эберфельд. Вместе с ней путешествовали несколько теософов, в том числе Мохини, мистер Бертрам Кейтли и обе дамы Арундейл. Полковник уже три недели был там, занятый сплочением германских теософов в деятельное отделение Общества.

Дом Гебхардов являлся центром притяжения теософии в этой части Европы. Госпожа Мария Гебхард была одним из очень и очень немногих учеников покойного оккультиста Элифаса Леви. Ее муж, преуспевающий и богатый промышленник, банкир и консул, помимо таких занятий тоже питал интерес к более глубоким вопросам бытия.

Достаточно большой особняк Гебхардов той осенью был переполнен гостями. Кроме тех, кто приехал с Е. П. Б., сюда прибыли еще несколько посетителей, и среди них — Фредерик Майерс из Общества исследований психики и его брат. Приезжие жили в доме день-другой или больше. Все они говорили, что приехали посоветоваться с Е. П. Б., но в большинстве своем несомненно надеялись, что она покажет нечто большее, чем умение блистательно вести беседу. По меньшей мере кое-кто хотел подвергнуть ее испытанию.

Судя по тому, что Фредерик Майерс писал впоследствии, и по его решительным действиям против Е. П. Б., он не сумел понять отпущенную ему долю знамений и чудес, которых его поколение требовало, подобно поколению современников Назаряина. Но другие нашли в Эберфельде то, что надеялись найти: в стенах особняка произошли некоторые чудесные события.

Рудольф Гебхард, один из четверых взрослых сыновей гостеприимного семейства, описал такое событие, надежно подтвержденное показаниями очевидцев, среди которых был и он сам.

Свое описание Рудольф предваряет пояснением о том, что он сам получил, по меньшей мере на любительском уровне, подготовку мага, встречался с видными магами своего времени и получал от них все необходимые наставления. Поэтому он был в состоянии глазами знатока проследить и обнаружить любое проявление магической ловкости рук.

Было около девяти часов вечера, повествует он, когда госпожа Блаватская заметила, что ощущает присутствие одного из Учителей, и решила, что он намерен сделать для собравшихся нечто любопытное. Большинство из тех, кто был тогда в гостиной, составляли члены вновь образованного отделения Теософского общества, а один был гостившим в доме генерал-майором армии США. Сама госпожа Блаватская, еще не совсем здоровая, полулежала, опираясь на подлокотник дивана.

«Подумайте и решите, что должно произойти по вашему желанию», — предложила она обществу.

После небольшого спора все согласились с тем, что они попросят о письме хозяину дома, господину Гебхарду, а тему письма определит он сам.

Господин Гебхард решил, что ему было бы в высшей степени приятно получить совет Учителя в отношении того его сына, который был тогда в Америке. Эту тему ему, по сути дела, подсказал Рудольф.

Е. П. Б. обратила их внимание на большую, написанную маслом картину, висевшую над пианино. Несколько ясновидящих узрели вокруг картины яркий свет, а госпожа Блаватская сказала одной из них, миссис Лауре Холлоуэй: «Смотрите и описывайте то, что там происходит».

«Под картиной образуется нечто, но я не вполне могу различить, что это», — ответила миссис Холлоуэй. «Да, это определено то самое место, где произойдет феномен», — сказала Е. П. Б.

Теперь маг Рудольф оставил свое кресло и взобрался на пианино. Он хотел осмотреть обратную сторону картины, которая висела на вбитом в стену крюке. Комната была хорошо освещена. Особенно хорошо была освещена стена вокруг картины — там горели два ярких газовых бра.

Рудольф приподнял нижний край картины на несколько дюймов от стены, встряхнул ее и тщательно осмотрел стену позади картины. Там не было ничего, кроме самой стены. Он возвратился на свое место, а общество в ожидании феномена пристально смотрело на картину.

Мгновение спустя некая сила вновь побудила Рудольфа еще раз попытаться выяснить, что же там происходит, если вообще что-нибудь происходит. На сей раз он не только приподнял картину и посмотрел за нее, но и дважды тщательно обшарил рукой нижний край рамы. Он убедился, что там ничего не было, и, обращаясь к госпоже Блаватской, спросил: «Что теперь следует делать?»

Мгновение она молчала; глаза ее были сосредоточенно устремлены на картину, затем она воскликнула: «Я вижу его! Смотрите, вот оно!» Рудольф, который смотрел на нее, быстро обернулся и успел увидеть, как откуда-то из-за картины выпадает конверт. Письмо, еще вздрагивая, легло на пианино. Подхватив его, он увидел, что оно было адресовано «господину консулу Г. Гебхарду».

«У меня, должно быть, было очень смущенное выражение лица,— пишет Рудольф,— ибо все общество превесело смеялось над “домашним фокусником”».

Но Рудольф испытывал чувство глубокой уверенности: он действительно видел то, что в тех же самых условиях не мог сделать ни один из самых известных в мире чародеев. Он и все остальные, кто был в гостиной, еще сильнее уверились в этом, когда обнаружили, что в конверте лежит письмо на ту самую тему, которую господин Гебхард задал всего-навсего несколько минут назад.

Рудольф послал сообщение о феномене эберфельдского письма в Лондонское Общество исследований психики. Исследовательский комитет Общества оказался не в состоянии найти рациональное объяснение этой «уловки». Один из его членов предположил, что Е. П. Б. или ее сообщник сумели сбросить письмо из-за картины.

С учетом того, что в комнате было множество очень и очень настороженных людей, Рудольф нашел, что это объяснение хромает. Он решил проверить его иным способом. Он полагал, что то единственное письмо, которое получил его отец, нельзя было подбросить откуда-то с пола так, чтобы оно упало точно за картину. Это было бы воистину сделанным наудачу счастливым выстрелом,

чистой воды везением. Но, допустим, кто-то невидимый ухитрился сделать это на глазах всех, кто пристально смотрел на картину. Что тогда? Он сам лазил на пианино и, стоя на нем, вполне мог бросить письмо за картину. Там оно прочно держалось бы между стеной и рамой. Он снова и снова сдвигал картину с места с целью убедиться, что письмо не было приклеено к стене. Наконец, он был совершенно уверен в том, что нижний край тяжелой рамы плотно прилегал к стене и письмо не могло выпасть из-за него под действием одного только собственного веса. Здесь должна была действовать какая-то иная сила.

Однажды утром в комнату Е. П. Б. принесли номер лондонской газеты «Таймс». Открыв его, она прочитала статью, которая поразила ее в самое сердце холодным острым лезвием ужаса. Это была история, напечатанная сначала в сентябрьском выпуске «Кристиан колледж мэгэзин» в Мадрасе. Местный корреспондент «Таймс» передал ее по телеграфу в Лондон, и там она была вновь напечатана 20 сентября 1884 года. Статья содержала выдержки из писем, которые она (Е. П. Б.) в различное время и в разных областях Индии писала-де Эмме Куломб в штаб-квартиру Теософского общества.

Будь выдержки подлинными, они доказывали бы, что госпожа Блаватская, сооснователь и секретарь по переписке Теософского общества, на протяжении многих лет умышленно показывала поддельные феномены. Статья подводила к выводу о том, что Махатмы были собственной выдумкой Е. П. Б. и что она одурачила всех, включая ее сподвижника, бывшего следователя и юриста Олкотта. Единственные, кого она не обманула, были неразборчивые в средствах, бессовестные Куломбы. Они сами признались в том, что были соучастниками мошенничества.

И кто только не поверил бы в эту дьявольскую историю?! Люди были слишком готовы поверить в самое худшее, особенно когда дело касалось таких далеких от повседневного житейского опыта материй, как Махатмы и чудеса. Беда заключалась в том, что выдержки выглядели очень правдоподобно. Она узнавала свои собственные слова и фразы, но между ними были сделаны вставки, определенно чуждые ей. Именно эти вставки, так умно и тонко сделанные кем-то, были воистину убийственными.

Кем же был этот некто? История появилась в печати приблизительно три месяца спустя после того, как Эмма и Алексис Куломб были выдворены из штаб-квартиры. По всей видимости, они провели это время за подделкой тех писем, которые Эмма прихватила с собой со злым, достойным Яго умыслом. Алексис был опытным, искушенным мошенником. Он даже одурачил Дамодара запиской, написанной поддельным почерком Е. П. Б. Скорей всего он-то и сделал всю работу. Затем они отдали письма одному из худших врагов Е. П. Б. среди миссионеров, достопочтенному Паттерсону, редактору «Кристиан колледж мэгэзин». Получила ли Эмма свои «тридцать серебряников»? Она получила все, что только смогла получить. Но какую же ненависть питала и таила в себе эта женщина!

Учителя намекали на заговор, но не приказывали Е. П. Б. возвратиться в Индию. Пожелай они, и она смогла бы приехать вовремя и предотвратить этот ужасный исход. Но теперь было слишком поздно. Она явно должна нести эту карму своей собственной запальчивости, глупого великодушия и недостаточной осмотрительности в осуществлении оккультных способностей. Это был ее Гефсиманский сад, и ей надлежало обливаться кровью, ибо она все еще не превозмогла до конца свою легко поддающуюся раздражению натуру.

Но ради Общества она определенно не должна была отсиживаться в безопасном месте. В сущности, она сделала все, что было в ее силах, чтобы отвратить безжалостную, злобную ведьму Куломб от причинения вреда тому движению, которому они с полковником отдали все, что только могли отдать. Олкотт и другие — те, кто знал ее и встречал Учителей, — вряд ли могли поверить, что она — обманщица. Они должны помочь ей в этой борьбе.

Ее сподвижник, старый ветеран гражданской войны, почти сразу же отбыл на поле боя — в Мадрас. Она сама собиралась ехать туда через Англию и Египет. В последней стране она соберет досье на бесчестных Куломбов — она собиралась преследовать их за клевету в печати в судах Мадраса.

Прежде чем оставить своих друзей в Эберфельде, она написала письмо Франциске Арундейл, которая к тому времени возвратилась в Англию. «Я отказалась от должности секретаря по переписке в Теософском обществе; я публично расторгла все связи с ним. Я думаю, что до тех пор, пока я в Обществе и во главе Общества,

я являюсь той мишенью, стрельба по которой задевает и его... Этот шаг разорвал мне сердце, если у меня еще осталось сердце, которое можно разорвать...»

В начале октября она уехала в Лондон в сопровождении Рудольфа Гебхарда и ясновидящей Лауры Холлоузэй.

Из «Энджин Кресцент» в Ноттинг-Хилле, дома семейства Арундейл, она отправила письмо в лондонскую «Таймс», отрицая свое авторство тех скандальных отрывков, которые ей приписывали Куломбы.

Ее письмо было напечатано 8 октября 1884 года вместе с письмом Сент-Джорджа Лэйн-Фокса. Мистер Лэйн-Фокс только что приехал из Индии. В качестве члена Контрольного совета, который управлял Теософским обществом в отсутствие основателей, он обвинял Куломбов, утверждая, что именно они соорудили все люки и скользящие потайные панели в личных комнатах госпожи Блаватской, столь неосмотрительно оставленных на их попечение. «Что же касается писем, якобы написанных госпожой Блаватской... я вместе со всеми, кто знаком с обстоятельствами дела, нимало не сомневаюсь в том, что, кто бы ни написал эти письма, они написаны не госпожой Блаватской».

Но яркий воздушный шар теософской надежды, который начал было подниматься над Лондоном, был эффектно проколот. Среди самых встревоженных наблюдателей происходящего были те члены Общества исследований психики, у которых исподволь складывалось самое благоприятное мнение о теософских феноменах. Теперь они решили, что раньше вполне могли ошибаться. Вопрос надлежало исследовать с тем подходом, в котором они видели воплощение высокого уровня научной основательности.

Едва Е. П. Б. уехала из Англии, как в Индию собрался плыть полномочный представитель Общества исследований психики, молодой обладатель ученых степеней Мельбурнского и Кембриджского университетов, человек пронизательный, но ровным счетом ничего не знающий об Индии и ее древней мудрости.

Один из членов комитета Общества исследований психики, Фредерик Майерс, питал определенный интерес к тому, что могло стоять за рассказами об индийских чудесах. Он прежде всего страстно желал узнать, действительно ли из восточных окон

струится проясняющий разум свет. Действительно ли там были Махатмы — сверхлюди? Были ли реальностью заключенные в их сознании волевые сверхразумные силы? Теософские феномены могли быть ключом к этой тайне. Комитет должен полностью, со всех сторон изучить их с помощью человека, посланного на место действия.

Итак, не ведая меры лежащей на нем ответственности, дерзкий, неопытный молодой человек по имени Ричард Ходсон впервые ступил на землю Риши. Он должен был провести все свои исследования за одну поездку, а коль скоро наличные средства были ограничены — за короткую поездку.

Глава 20

В один из дней в конце ноября 1884 года Елена Блаватская сидела на палубе парохода «Наварин», стараясь уловить дуновение воздуха над задыхающимся Красным морем. Это был первый день плавания после выхода из Порт-Суэца, и она еще не свела знакомство ни с одним из своих собратьев-пассажиров. Некоторые из них сейчас полулежали в креслах близ нее, прихлебывая различные спиртные напитки и беседуя теми громкими голосами, которые англичане, казалось, усваивали, как только попадали за границу.

Внезапно она поняла, что один из них читает вслух памфлет, изданный миссионерами в Мадрасе, — памфлет о письмах Куломбов и госпожи Блаватской. Чтение сопровождали грубый хохот, ехидные смешки и несколько жестоких замечаний, явно предназначенных для ее ушей. Жаркий порыв негодования охватил и потряс ее.

Затем она ощутила прикосновение к своему плечу и, подняв глаза, увидела Изабеллу Купер-Окли, одну из двоих друзей, которые сопровождали ее из Англии. Изабелла начала было что-то говорить, но запнулась, когда слух ее уловил одно из оскорбительных замечаний в ближайшей к ним группе пассажиров. На мгновение она, казалось, окаменела от гневного стыда за своих соотечественников. Кровь бросилась ей в лицо. Она шагнула к той группе, которая вела оскорбительный разговор, но Е. П. Б. взяла ее за руку и потянула назад. Изабелла с отвращением фыркнула и помогла Старой Даме

подняться с кресла. Они вместе прошли вперед и облокотились на поручни. Там веял слабый ветерок и было видно, как стаи летучих рыб неслись над водой. Чуть позже к ним присоединился второй друг из Англии, почтенный Чарлз У. Ледбетер.

Мистеру Ледбетеру исполнилось тридцать семь лет. Он был священником англиканской Высокой церкви, но самым, пожалуй, необычным священником. В детстве он встретил известного оккультиста Бульвер-Литтона и был очевидцем тех феноменов, которые происходили в его присутствии. Спиритизм и произведения Синнетта привели его к теософии. В Лондоне он встретил Е. П. Б. и решил уехать с ней в Индию, покинув церковь и посвятив свою жизнь делу Учителей.

Изабелла Купер-Окли была независимым мыслителем с глубоким интересом к эзотерическому и оккультному. Такую черту, по всей видимости, было весьма удивительно обнаружить в ученом одного из ведущих английских учебных заведений для леди из высших классов — колледжа Гиртон. Состряпанное Куломбами обвинение скорее подстегнуло, чем отпугнуло ее, и она приступила к делу своей жизни — к занятиям теософией.

Ее муж, мистер А. Дж. Купер-Окли, обладатель ученой степени Кембриджского университета и глубокий знаток индийской философии и санскритской литературы, отказался во имя работы для теософии от успешной и заманчивой карьеры преподавателя. Он и Изабелла делили с Е. П. Б. кров и хлеб в Англии и решили вместе с ней отплыть из Ливерпуля в Индию. Сейчас мистер Купер-Окли должен был провести некоторое время в Каире и собрать там документы в поддержку судебного дела Е. П. Б. против Куломбов.

Полковник Олкотт приехал в Коломбо встречать свою старинную соратницу и закадычного друга и сопровождать ее на последнем отрезке обратного пути в Индию. Она многое рассказала ему. Их общий план дальнейших действий был еще не закончен, когда пароход вошел в док Мадраса, где их ждал большой сюрприз.

Причал запрудил толпа студентов того самого колледжа, профессора которого проклинали Е. П. Б. и ее Общество в статьях и памфлетах. Они пришли встречать великую «знахарку» — не поносить, а приветствовать ее громкими криками. Философия йоги и вытекающая из нее вера в существование Махатм принадлежали к их

старинным традициям. Это была плоть и кровь их нации. Миссионеры и Куломбы устроили заговор с целью оклеветать великие национальные верования. Госпожа Блаватская была их преданным защитником и поборником.

Большая компания украсила ее венками и сопровождала сквозь кричащую толпу в Пашиаппах-Холл. Когда она, опираясь на руку полковника, вошла в зал, все, кто был в нем, встали и стоя приветствовали ее громкими аплодисментами. Е. П. Б. крепче сжала руку полковника, но сдержала проявление сильных чувств, хотя «ее глаза светились счастьем и были почти переполнены слезами радости».

Настроение Старой Дамы поднялось до предела. Она заговорила и, по уверениям полковника, произнесла свою первую и последнюю торжественную речь. С речами выступили полковник, мистер Ледбетер и миссис Купер-Окли. Шумные аплодисменты, множество букетов и гирлянд, преподнесенных госпоже Блаватской и всем, кто приехал с ней, увенчали это чудесное возвращение домой.

Предводитель дерзкой студенческой демонстрации, Н. П. Субраманья Айар, был, как он писал впоследствии, «очень скоро отчислен из колледжа по распоряжению его директора, доктора Миллера». Но еще важнее то, что это событие сблизило его с Е. П. Б., которую он глубоко почитал, питал к ней сильную привязанность и часто выполнял ее поручения.

Однажды Бабула уведомил свою хозяйку в том, что Субраманья, которому она поручила сделать кое-какие покупки, ждет внизу и хочет видеть ее. Она подумала, что речь идет о почтенном С. Субраманья Айаре, члене мадрасского Законодательного совета. Она поспешно надела парадное черное платье, которое хранила для встречи высоких гостей, и приказала Бабуле сейчас же проводить посетителя на второй этаж. Бабула проводил. Когда вместо почтенного советника Е. П. Б. увидела юного студента, она вскричала: «Как! Это вы? Да вы совсем не почтенный!» После этого случая его всегда по-дружески ласково звали «совсем не почтенный».

Е. П. Б. была очень довольна теми свидетельскими показаниями, которые она со своими помощниками собрала в Каире. Показания утверждали, что в этом городе Эмму уволили с должности французской гувернантки за то, что она показывала своим юным подопечным непристойные картинки. Кроме того, она обманом получала деньги

у нескольких доверчивых людей, уверяя их, что она — ясновидящая и может помочь им найти спрятанные сокровища. Следуя ее советам, ее муж разорил свое дело, стал злостным банкротом и задолжал 25 тысяч франков. И так далее, и тому подобное.

Елена настойчиво побуждала полковника нанять адвоката в Мадрасе, где она сможет начать против Куломбов судебное дело за клевету. Но Олкотт колебался. Он не думал, что документы были в том виде, который был необходим для обращения в суд. Ежегодное собрание, напоминал он, будет лишь через несколько дней, а за это время комитет юридических советников подыщет тот наилучший путь, которым ей и надлежит следовать. Но у Е. П. Б. не хватало терпения ждать. Она гневно сказала ему:

- Если вы не наймете мне адвоката сегодня, завтра я найму его сама.
- Тогда я откажусь от своей должности и предоставлю собранию рассудить нас.

Она знала, что он имеет в виду. Вероятно, его доводы обладали известной силой. Елена решила ждать.

Во время работы Всемирного собрания теософов Ричард Ходсон из Общества исследований психики тоже был в Адьяре и занимался своими исследованиями. Основатели обходились с ним как с гостем и другом. Президент, сам старый исследователь, оказывал молодому австралийцу всяческое содействие.

Но все остальные были слишком заняты, и особенно занятые индийские члены Общества были не слишком полезны Ходсону. Они чувствовали, что йогические и оккультные истины не были предметом его изысканий. Дамодар с удовольствием обманывал и дурачил его. Т. Субба Роу напоминал устрицу в закрытой раковине. Судья Н. Д. Кхавадалвала, видный член Общества, совершенно не доверял Ходсону. Он считал его человеком невежественным и с преубеждениями, а его методы — топорными.

После недолгого пребывания в Адьяре Ходсон отправился во вражеский лагерь, к миссионерам и Куломбам, с целью обсудить и рассмотреть дело с их стороны.

На собрании члены Общества, и прежде всего — члены комитета юристов, резко выступили против намерения Е. П. Б. преследовать в суде тех, кто оболгал ее. Они привели целый ряд причин, в силу которых не следовало обращаться в суд. Для начала, говорили

они, доказать, что Куломбы подделали письма, будет очень трудно в любом суде, и особенно — в мадрасском, известном своей враждебностью к Теософскому обществу и сильно предубежденном в пользу миссионеров. Более того, незачем устраивать перед всем миром зрелище язвительного перекрестного допроса, в ходе которого бытие Махатм будет поставлено под сомнение и выставлено на осмеяние публики! Суд — не то место, где следует решать столь глубокие вопросы. И если даже Е. П. Б. сумеет совершенно невероятным образом добиться благоприятного решения суда, мнение скептиков останется неизменным.

Сама Елена корчилась и мучилась под ливнем столь стесняющих ее советов. Ей нужна была открытая схватка; она всеми силами стремилась стереть пятно позора с имени основательницы великого общества. Но мнение Общества слишком много значило для нее, и она понимала, что победа будет напрасна, если ее придется добыть ценой дальнейшего втаптывания в грязь имен Великих в борьбе с предрассудками, присущими широкой публике.

Но внутренний конфликт, сражение с самой собой и крушение надежды явить миру истину тяжело сказались на ее и без того расстроенном здоровье.

В таких обстоятельствах ей ничем не могло помочь разоблачение той позиции, которую постепенно занимал Ричард Ходсон. Если он и начал свои изыскания с должным беспристрастием и непредубежденностью, ему было нелегко сохранить такие позиции. Вот что пишет Изабелла Купер-Окли: «Бесконечная череда званых обедов едва ли имела целью прояснить его взор; в уши ему непрестанно вливали целый поток клеветнических измышлений о ней [Е. П. Б.]... Он постоянно слышал от всех и каждого, что госпожа Блаватская была мошенницей, и сам начал верить в это. После нескольких бесед с мадам Куломб и миссионерами он был полностью убежден и настроен против меньшинства [теософов]. В его докладе,— продолжает она,— были пропущены некоторые в высшей степени ценные сведения о феноменах, сообщенные мистером Окли и мной».

Первое сообщение о том, что Ходсон настроен против нее, Е. П. Б. получила путем психического видения его разума и мыслей. Сообщение это было вскоре подтверждено целым рядом событий.

Несмотря на ее неоднократные требования он так и не показал ей хотя бы один оригинал тех обличающих ее текстов, которые были написаны от ее имени; в этих письмах, она знала, были поддельные вставки.

Более того, неблагоприятное мнение Ходсона о показаниях очевидцев теософских феноменов проявилось в его разговорах с семейством Купер-Окли и еще одним или двумя видными теософами, которые передали их содержание госпоже Блаватской. Он и в самом деле прилюдно говорил совсем не то, что следовало ожидать от точного и беспристрастного исследователя, который готовил конфиденциальный доклад для сообщества ученых гуманитариев и естествоиспытателей. До слуха Е. П. Б. дошло, что в том или ином обществе он прямо называл ее «русской шпионкой», «законченной мошенницей» и даже «женщиной, способной на любое преступление».

Весь январь 1885 года полковник Олкотт был в отъезде. По приглашению короля Тибату III он уехал возрождать буддизм в Бирме. Е. П. Б. пыталась начать работу над подсказанным ей Учителем Мориа замыслом труда *Тайная доктрина*. Но обстановка подозрительности, слухов, напряженности и отъявленной клеветы вокруг нее способствовала скорее болезни, чем плодотворной работе.

«Я ношу в себе две смертельные, неизлечимые болезни, — болезни сердца и почек, — писала она Синнетту. — Первая в любое мгновение может привести к разрыву сердца, вторая — убить меня за считанные дни... Все это вызвано многими годами постоянных страданий, тревог и подавленных чувств. Гладстон может смеяться, когда его называют мошенником. Я не могу; скажите, что Вы можете».

Есть несколько описаний тяжелой болезни, которая в то время обрушилась на Елену. Изабелла Купер-Окли находилась на месте действия и выполняла работу сиделки. Она писала:

«Было очень тяжело и тревожно ухаживать за ней каждый час и день тех пережитых мною недель, когда ей становилось все хуже и хуже; наконец, она впала в состояние комы, и врачи признали ее безнадежной. Они говорили, что сделать ничего нельзя, помочь ей невозможно. Они говорили, что она умрет в этом состоянии, и, по совести говоря, я думала, что это ночное дежурство должно быть последним. Я не могу подробно обсуждать здесь то, что случилось ночью, но произошедшее я никогда не забуду. К 8 часам утра Е. П. Б. открыла глаза

и попросила принести ей завтрак; впервые за два дня она говорила без усилий и своим собственным голосом.

Я пошла встретить врача, которого до крайности удивила такая перемена.

Е. П. Б. сказала: “Ах, доктор! Вы не верите в наших великих Учителей”».

Полковник Олкотт возвратился в Адьяр после того, как Дамодар по телеграфу известил его о том, что Е. П. Б. опасно больна. Но через несколько дней он снова уехал — ему следовало завершить свою поездку по Бирме. По его словам, Учитель Е. П. Б. однажды ночью пришел к ней, взял ее руку в свою и похитил ее у смерти точно так же, как несколько раз похищал раньше, о чем полковник знал точно.

23 февраля, несколько дней спустя после того, как Олкотт во второй раз покинул Адьяр, Дамодар отправился морем в Калькутту. Но Е. П. Б. и Т. Субба Роу знали, что на самом деле он намерен отправиться значительно дальше Калькутты — в Тибет. Он надеялся достичь ашрама своего Гуру, учителя К. Х., и получить позволение остаться там на неопределенно долгое время для подготовки к Посвящению.

Ходсон знал об этом. Такое знание могло поколебать его вывод о том, что Махатмы были выдумкой Е. П. Б., в которой ей помогал и содействовал Дамодар. Человек должен быть воистину безумным, чтобы отправиться на поиски хрупкого плода своего воображения в опасную страну вроде Тибета. Но намерение Дамодара было тогда известно лишь очень и очень немногим.

Елена Блаватская радовалась за Дамодара. Ему было позволено пожить некоторое время в ашраме Учителя. В известном смысле он представлял собой первые плоды теософского движения, внутренней целью которого было возвышение человека до сверхчеловеческого уровня Великого Братства.

С его уходом Адьяр опустел. Должность секретаря по переписке мог занять кто-то другой, но сам он был одним из тех очень и очень немногих, кто эзотерически понимал все, что творилось вокруг них. Теперь в штаб-квартире оставались только те, кто пришел сравнительно недавно, — доктор Франц Гартманн, семейство Купер-Окли и мистер Лэйн-Фокс, который возвратился из Лондона. Мистер

Ч. У. Ледбетер, верный и подающий надежды человек, был вместе с полковником в Бирме.

Не менее сильно, чем запустение Адьяра, она ощущала ту враждебность, которая, казалось, пропитывала даже воздух. Миссионеры были озабочены тем, чтобы выпустить как можно больше памфлетов. Постоянно ходили странные слухи о готовящемся против Е. П. Б. еще одном заговоре. Хорошо обоснованное сообщение гласило о том, что мадам Куломб начала судебное дело против генерала Моргана, который прилюдно осуждал ее, отважно защищая Е. П. Б. Некоторые индийские отделения Общества угрожали самороспуском в том случае, если Е. П. Б. не начнет судебный процесс против священников и Куломбов. Хуже всего было то, что верность основателям постепенно шла на убыль даже в самом Адьяре.

Лечащие врачи, доктор Франц Гартманн и доктор Мэри Шарлиб (жена одного из должностных лиц округа Мадрас), считали чудом то, что случилось с Е. П. Б. Но она все еще носила в себе смертельную болезнь. Ее окружение чувствовало, что она в любое мгновение может умереть. Что тогда? Европейские джентльмены в Адьяре были убеждены в том, что они сами смогут руководить Обществом лучше, действеннее и демократичнее, чем ныне отсутствующий полковник. Он должен уступить дорогу другим. Теософскими делами в штаб-квартире будет управлять совет уроженцев западных стран. Для достижения этой цели они составили заговор.

Но прежде чем их замысел можно было воплотить в действие, Е. П. Б. снова опасно заболела. Крайне встревоженные ее состоянием, врачи по телеграфу призвали Олкотта безотлагательно приехать в Индию.

19 марта он прибыл в величавое бунгало у реки Адьяр и обнаружил то, о чем написал в «Страницах из старого дневника»:

«...Сама моральная атмосфера была мрачной и тяжелой; Е. П. Б. сражалась за жизнь с силой и страстью опутанной сетями львицы... Удивительно, что она не умерла прежде, чем я смог приехать и дать бой за *status quo ante*».

Президент-основатель нимало не сомневался в том, что он сможет положить конец этим заговорщическим покушениям на власть и взять бразды правления в свои собственные, опытные и преданные делу руки. Это была его работа, порученная ему его Учителем, и он

будет отстаивать ее против всех врагов до тех пор, пока Учитель не скажет, что он может уйти.

Но его одолевало беспокойство за жизнь его старинного товарища и закадычного друга. Было неправильным постоянно взывать к мистической силе ее Гуру, чтобы удерживать Елену на грани смерти. Гартманн и Мэри Шарлиб не раз предупреждали его о том, что его старая приятельница может в любое мгновение перейти эту грань. Следовало учесть не только постоянную и надоедливую тревогу и волнения, которые вызывал у нее враждебный лагерь, но и ту страшную жару мадрасского лета, уже начинающую показывать свои когти. Сможет ли Е. П. Б. выжить здесь?

«Состояние ее сердца кажется совершенно спокойным, а подходящий климат — существенно важным. Я советую ей немедленно отправиться в Европу и оставаться в умеренном климате, в каком-нибудь спокойном месте», — писала доктор Мэри Шарлиб.

Другие медики были всецело согласны с таким решением. Спасти свою жизнь и восстановить здоровье она сможет лишь в том случае, если будет достаточно благоразумна и немедленно покинет Индию, по крайней мере на какое-то время.

Действительно, убеждать Е. П. Б. пришлось не слишком долго. Она не придавала своей жизни особой цены, но ее Учитель дал ей понять, что ей еще надлежит сделать некую значительную и важную работу в физическом существовании. И она знала, что не в силах более выносить психологическую обстановку Мадраса, не говоря уже о мадрасской жаре.

Ее друзья нашли, что спокойное место близ Неаполя вполне подойдет ей на лето. В Неаполь должен был зайти французский корабль «Тибр», который через несколько дней отплывал из Мадраса. Доктор Гартманн согласился сопровождать ее в пути. Нужен был еще один сопровождающий, вернее спутница. Она нашлась. В свое время Е. П. Б. несколько раз гостила в бомбейском доме родителей Мэри Флинн, а теперь сама Мэри решила ехать и жить с ней сколько понадобится. Также одним из тех, кому надлежало заботиться в пути о Старой Даме, был молодой индеец по имени Баваджи (иногда его имя читали как «Боваджи» или изменяли в «Бабаджи»). Он долгое время состоял в личном штате штаб-квартиры и, согласно записи в дневнике полковника, его Гуру приказал ему ехать с Е. П. Б.

29 марта Гартманн и Олкотт съездили в коляске в город и взяли билеты на «Тибр». Пароход отходил через два дня. Бабула укладывал чемоданы Е. П. Б. Это была его последняя услуга частенько несносной, но любимой госпоже. Сам он должен был остаться с полковником в Адьяре.

Е. П. Б., пусть и достаточно сильная для путешествия, была не в состоянии сама взойти на борт корабля. Поэтому муж Мэри Шарлиб раздобыл ей больничное кресло. Она сидела в нем, пока корабельная лебедка на таях поднимала ее на судно.

Итак, 31 марта 1885 года она в последний раз уехала из своей возлюбленной Индии. Она знала, что ее друзья действительно принимали близко к сердцу ее интересы, но подозревала, что в душе они были рады устранить то затруднение, которое создавало ее пребывание в кипящем котле Мадраса.

Глава 21

По пути из Бомбея в Неаполь Елена чувствовала себя разбитой, ненужной, подавленной. Мэри Флинн и Баваджи путешествовали третьим классом. Им не позволяли приходить в ее каюту второго класса и оказывать ту помощь, в которой она так нуждалась. Доктор Гартманн, увлеченный скорее магией, чем медициной, не выглядел тем, кто мог существенно помочь ей.

В длинном письме из Адена она писала своему «дорогому старому другу»:

«Я или умираю от жажды, или поднимаюсь и опускаюсь по самым крутым лестницам, выполняя этот обряд на четвереньках. Я поднималась так высоко, что снова болею. У меня озноб и жар, и я боюсь, как бы все это не привело к новому обострению ревматизма и подагры или к приступу болезни почек».

Далее в письме она жалуется, что ее спровадили из Индии так быстро, что забыли там половину ее вещей. «Скажите Бабуле, что мой футляр для очков здесь, но очки — в Мадрасе. Моя губка, пилочка для ногтей etc. забыты. Я не могу найти свой *пыльник* с зеленым бархатным воротником и отделкой».

Ее ум внешне был отягощен неудобствами, страданиями и чувством обиды. Но в спокойные минуты она знала, что ее миссия во имя Учителей не потерпела крах, а вступает в новую фазу. Во время ее последней болезни, когда Учитель М. явился и исцелил ее, он позволил ей увидеть этот этап. И она дала слово посвятить ему те воистину немногие годы, которые ей оставалось прожить после избавления от болезни.

Важной, вероятно, самой важной частью работы, которую ей предстояло свершить, было создание *Тайной доктрины*. Даже во время этого мучительного морского путешествия она занималась ею. «В море, — пишет доктор Франц Гартманн, — она очень часто каким-то оккультным способом получала множество рукописных страниц, относящихся к *Тайной доктрине*, материал для которой она тогда собирала».

23 апреля 1885 года их корабль вошел в Неаполитанский залив. После нескольких дней, проведенных в Неаполе, Е. П. Б., Мэри и Баваджи подыскали на лето тихое местечко в нескольких милях за городом — Торре-дель-Греко. Они сняли комнаты в «Отель дель Везувио», а доктор Гартманн продолжил свой путь в Вену.

Лето, очевидно, стояло не слишком теплое. Отель был сырой и без отопления. Е. П. Б. сильно страдала от ревматизма. Тем не менее, пока ясные холодные дни шли своим чередом, а за окном загадочно курился Везувий, она прилежно сидела за письменным столом и писала, писала, писала.

Три месяца спустя Е. П. Б. была по горло сыта Южной Италией, а Мэри — госпожой Блаватской. Поэтому Мэри сбежала в Англию, а Баваджи Е. П. Б. взяла с собой в Германию, в город Вюрцбург. Где-то в середине августа 1885 года они приехали туда и сняли квартиру в доме № 6 по Людвиг-штрассе. Это были маленькие, но удобные и хорошо устроенные высокие комнаты. В отличие от отеля здесь было тепло и сухо.

В письме, написанном ранее мистеру Синнетту, Е. П. Б. поясняет, почему ее выбор пал на Вюрцбург. Он расположен «...всего лишь в четырех или пяти часах езды от Мюнхена... близ Гейдельберга и Нюрнберга, где жил один из Учителей, и именно Он [К. Х.] посоветовал моему Учителю прислать меня сюда. К счастью, я получила из России несколько тысяч франков [за ее произведения],

а два благодетеля прислали соответственно 500 и 400 рупий из Индии. Я чувствую себя богатой и достаточно здоровой для того, чтобы жить в спокойном немецком городе, и к тому же моя бедная старая тетушка приезжает навестить меня здесь».

В начале ноября приехала тетушка Надежда и еще два человека, которых Елена любила и доверяла им, — Франциска Арундейл и Мохини. Четвертым ее посетителем в Вюрцбурге был русский писатель Соловьев, который все еще казался другом. Полный доклад Общества исследований психики о трудах Ходсона еще не вышел в свет, и выводы его комитета оставались неизвестными, но предварительные сообщения и слухи показывали, что итоговое решение будет крайне враждебным. Соловьев знал об этом, но в те времена еще сражался за дело Е. П. Б.

После своего отъезда из Вюрцбурга он писал ей из Парижа: «Сегодня я провел все утро с Рише; опять много говорили о Вас в связи с Майерсом и Обществом исследований психики. Могу сказать, что я положительно убедил Рише в реальности Вашей личной силы и подлинности тех феноменов, которые исходят от Вас».

Синнетты столь же твердо и основательно стояли за Старую Даму. «Если завтра я приду к убеждению, что эти гнусные письма действительно написаны Вами, я все равно буду любить Вас», — писала Пэйшенс Синнетт. «Надеюсь, что не будете», — отвечала Е. П. Б. — Я виновна *раз и навсегда*; виновна в тщательно продуманном, преднамеренно состряпанном обмане... для таких, как я, нет “любви”! Есть лишь *сострадание и жалость* или вечное презрение. Сострадание и жалость — если окажется, что я была неменяемым лунатиком, галлюцинирующим “медиумом”, которого принудили к обману его “руководители”... презрение — если обман был сознательным, но тогда где же были *Учителя?*»

Мистер Синнетт издавал ее *Мемуары*, надеясь, что это восстановит ее в глазах общества. В то же время он держал ее в курсе и волнении относительно содержания доклада, который готовили к изданию в «Трудах» Общества исследований психики. Когда в конце сентября они с женой приехали в Вюрцбург обсудить с Еленой *Мемуары* и другие дела, он более подробно поведал ей о выводах ее самозванных судей в Лондоне. В итоге бедную

женщину, которая всеми силами старалась заниматься серьезной работой над *Тайной доктриной*, постоянно пытали грядущей несправедливостью.

На исходе той же самой осени графиня Констанс Вахтмейстер у себя дома, в Швеции, укладывала чемоданы и готовилась к путешествию, намереваясь провести зиму со своими друзьями в Италии. Когда она собрала множество тех вещей, которые хотела запереть в стенных шкафах и комодах на время отъезда, она услышала внутренний голос: «Возьми эту книгу».

Книгой, только что отложенной в те вещи, которые она оставляла дома, был рукописный том, составленный одним ее другом. В сущности, это была подборка заметок о Таро и выдержек из Каббалы. Она казалась совсем неподходящим чтением на отдыхе. Но графиня обладала сильно развитым ясновидением и яснослышанием и была убеждена, что голос ей не почудился. Она положила книгу на дно своего дорожного сундука.

По пути в Италию ее пригласили недолго погостить в доме господи Гебхард в Эберфельде. Госпожа Гебхард убедила ее провести некоторое время в Вюрцбурге, с Е. П. Б., которая была «одинока, больна телом и подавлена духом». После некоторого сопротивления самой Е. П. Б. дело в конце концов сладилось. В осенний день на исходе ноября графиня приехала в дом № 6 по Людвиг-штрассе.

Е. П. Б. приняла ее тепло и по-дружески, а прежнее нежелание видеть графиню своей гостьей объяснила тем, что считала свою квартиру слишком маленькой. У нее была единственная спальня, и она думала, что такая важная дама может быть совсем не готова делить с ней спальню и терпеть великое множество прочих неудобств. Но когда Учитель велел ей позволить графине приехать, она повиновалась.

Когда они в первый же день по приезде графини пили в гостиной чай, Е. П. Б. внезапно сказала:

- Учитель говорил мне, что у Вас есть для меня книга, которая мне очень нужна.
- Нет, я в самом деле не взяла с собой книг.
- Подумайте еще раз. Учитель говорил, что Вам было сказано по-шведски привезти книгу о Таро и Каббале.

Тогда графиня вспомнила голос. Она поспешила в спальню, порылась в сундуке и принесла книгу госпоже Блаватской. Та сделала легкий жест и сказала:

— Не спешите! Пока не открывайте ее.

Графиня помедлила, и тотчас же Е. П. Б. сказала:

— Теперь откройте и найдите десятую страницу. На шестой строке Вы найдете слова... — и она процитировала один отрывок.

Графиня выполнила сказанное. В руках у нее был единственный в своем роде рукописный альбом, и на всем белом свете не было копии, которую Е. П. Б. могла видеть раньше. Констанс была очень взволнована, когда обнаружила в указанном месте десятой страницы точно приведенные слова.

— Но зачем Вам нужна эта книга? — спросила она и протянула том Старой Даме.

— О, для *Тайной доктрины*. Учитель знал, что она у Вас есть, и сказал Вам привезти ее с тем, чтобы книга была под рукой для справок и ссылок.

У шведской графини и русской оккультистки была общая спальня, разделенная надвое занавесом. В первое утро Констанс разбудила в шесть часов утра швейцарская девушка — горничная, которая принесла разлитый по чашкам кофе. Затем Елена оделась и к семи часам уже была за своим письменным столом.

В восемь подали завтрак, после которого Е. П. Б. вернулась за письменный стол. В час дня она сделала короткий перерыв на обед и продолжала работать до семи часов вечера. После ужина она устроилась в большом кресле с подлокотниками, болтая с графиней и раскладывая карты для пасьянса. «Это,— сказала она,— отдых для ума, освобождение от напряженной работы днем».

В девять часов она легла в кровать, обложившись со всех сторон русскими газетами и журналами, и читала их допоздна.

Констанс сочла этот день типичным, хотя часто Е. П. Б. не приходила, когда маленький ручной колокольчик звонил к обеду. Час за часом она оставалась за своим письменным столом. Обед остывал или пересыхал и, наконец, портился. Прислуга была в слезах. Тогда стряпали новый обед или Констанс посылала в отель за питательной едой для обессиленной писательницы.

Тем не менее, когда «деревья в молчаливом парке напоминали гравюру на металле», а холодные ветра несли по Людвиг-штрассе дождь со снегом, жизнь в маленькой квартире была далеко не скучной. Здесь происходило множество странных, волнующих феноменов. Именно они вскоре помогли графине обнаружить, как обнаружил Генри Олкотт в то время, когда писалась *Изида без покрывала*, что Е. П. Б. писала *Тайную доктрину* не одна.

Но Констанс имела существенное преимущество над полковником — она была ясновидящей. Нередко она могла видеть Учителя в его неуловимом теле, а иногда даже слышала то, что он говорил. Это было самое захватывающее и чудесное оккультное образование. Так, она обнаружила, что быть устами великого Провидца — отнюдь не синекура.

Однажды графиня вошла в ту комнату, где Е. П. Б. писала, и увидела, что пол покрыт выброшенными листами рукописи.

— Что это значит? — спросила она.

— Я двенадцать раз старалась правильно написать одну страницу, и каждый раз Учитель говорит, что здесь есть ошибки. Но я не хочу останавливаться до тех пор, пока не одолею ее, если даже мне придется писать всю ночь напролет. Оставьте меня одну.

Констанс принесла ей чашку кофе и оставила наедине с утомительной задачей. Часом позже она услышала, что Е. П. Б. зовет ее. Пассаж был написан и полностью устраивал Елену.

Графиня дает искреннее и очаровательное описание этих дней и работы Е. П. Б. над ее *magnum opus* в своей собственной книге «Воспоминания о Е. П. Б.». «...Как часто я горевала, когда множество листов рукописи, тщательно подготовленных и переписанных набело, по единому слову, по намеку Учителей горели в огне». Она потратила много времени, делая беловые копии рукописи и ухаживая за больной Старой Дамой.

В отличие от Олкотта и других, кто долгое время жил близ Елены, графиня, по всей видимости, не страдала от хорошо известных эмоциональных взрывов госпожи Блаватской и ее острого языка. То ли она сама была понимающей и терпеливой женщиной, то ли Е. П. Б. обходилась с ней с неожиданной мягкостью и кротостью. Графиня определенно понимала, что приобретает редкостный опыт.

Только один раз она сделала ту грубую ошибку, которую Олкотт и другие время от времени повторяли. Это случилось в час ночи.

Хорошо знакомое шуршание бумаги по ту сторону занавеса прекратилось. Е. П. Б. дышала в глубоком ритме сна. Не было слышно ни звука; стихли даже обычные регулярные постукивания «психического телеграфа» по столику у кровати.

Тем не менее на столике у кровати Е. П. Б. ярко горела масляная лампа. Свет отражался на стенах и разбудил графиню. Она встала, обошла вокруг занавеса и потушила лампу. Но прежде чем она успела дойти до своей кровати, лампа снова горела. Должно быть, что-то не то с пружиной, подумала она, вернулась к лампе и опускала фитиль до тех пор, пока не исчез последний язычок пламени. Но еще до того, как она сошла с места, лампа вновь загорелась и светила по-прежнему ярко. Она сделала третью попытку погасить свет, но фитиль и пламя вновь поднялись по своей собственной воле. Она ощутила решимость всю ночь, если понадобится, гасить лампу,— гасить до тех пор, пока не поймет причину этого сверхъестественного, из ряда вон выходящего случая.

Когда и на следующий раз в лампе вновь загорелся свет, она с трепетом воспользовалась своей способностью ясновидения и увидела, что головку лампы крутит чья-то коричневая рука. Решив, что это был чела, который охранял спящую, она вернулась под свое одеяло. Но ею овладел какой-то дух упрямства и сумасбродного любопытства. «Госпожа Блаватская! — позвала она. Затем громче, снова и снова: — Госпожа Блаватская!»

Внезапно она услышала ответный возглас, почти крик: «Ох, мое сердце! Мое сердце! Графиня, вы чуть было не убили меня. Ох, мое сердце!»

Она бросилась к кровати Е. П. Б. и нашла пульс больной. Сердце билось неровно, и пальцы с трудом ощущали его биение. Она принесла дозу дигиталиса и сидела у кровати, пока Старая Дама успокаивалась. «Я была с Учителем. Зачем вы позвали меня?» — слабым, болезненным голосом спросила она.

Графиня не могла найти ответа. Ее переполняли горе и раскаяние. Она прекрасно знала, что столь неожиданный призыв астрального тела Е. П. Б. назад, в ее брэнную телесную форму, причинил ей страдание и мог убить ее.

Вскоре после того, как графиня приехала в Вюрцбург, Баваджи, которого она описывала как «маленького мужчину с нервическим тем-

пераментом и яркими глазами-бусинками», пригласили навестить Гебхардов в Эберфельде. Констанс удалось уговорить госпожу Блаватскую позволить ему поехать в гости. Последовала несдержанная сцена прощания. Он неожиданно заявил, что Е. П. Б. ему больше, чем мать, а время, проведенное с ней в Адьяре и в Европе,— самые счастливые дни его жизни.

Однако графиня знала, что в Вюрцбурге он был полным ничтожеством, пустым местом и даже подумывал уехать домой или наложить на себя руки. Она чувствовала, что он завидовал Мохини, который наслаждался тогда шумным успехом и лестью в Лондоне. Сам Баваджи в это время ухаживал за больной старой женщиной, а его подопечная часто оскорбляла его и ранила его самолюбие. Констанс думала, что ему и в самом деле нужна перемена места.

Но вскоре от маленького индийца начали приходиться неприлично грубые, нахальные письма в адрес Е. П. Б. Он явно решил, что надежно устроился в Эберфельде. Немецкие слушатели почтительно внимали тамильским сказкам и «жемчужинам Восточной Мудрости», которые потоком текли из его уст. Но дамы в Вюрцбурге почувствовали, что он причиняет германскому отделению Теософского общества непоправимый вред. Ему очевидно вскружили голову лесть, тщеславие и личные амбиции.

Е. П. Б. на личном опыте знала, какие страшные соблазны и искушения преподносят Посвященные проходящему испытания чела. Баваджи был именно таким чела. Она сожалела и печалилась о нем. Тем не менее она не могла позволить ему вредить и без того потрясенному и взволнованному Теософскому обществу. Но прежде чем она смогла предпринять какие-то шаги с целью обезвредить неприятные последствия действий последнего отступника, на нее обрушился еще один удар, наихудший из всех, которые ей пришлось пережить. Удар этот не был совершенно неожиданным и внезапным, но был куда тяжелее, чем ожидали. Его нанесли под самый Новый год, 31 декабря 1885-го.

«Утренней почтой, без единого слова предупреждения,— пишет графиня,— Е. П. Б. получила копию “Доклада Общества исследований психики”... Я никогда не забуду тот полный холодного отчаяния взгляд, который она бросила на меня, когда я вошла в гостиную и застала ее с открытой книгой в руках. “Теперь, ког-

да меня окрестили величайшей мошенницей века и к тому же русской шпионкой, кто будет слушать меня или читать *Тайную доктрину*?» — причитала она».

Графиня подошла к ней и прочитала ту часть текста, которую ей указали. Комитет по исследованиям после изучения и обсуждения доклада Ходсона пришел к жестокому, публично высказанному заключению. Оно гласило: «...Со своей стороны мы не считаем ее [Е. П. Б.] ни устами тайных пророков, ни просто обыкновенной авантюристкой; мы думаем, что она заслуживает звания и вечной памяти в качестве одной из самых утонченных, бесхитростных и интересных обманщиц в истории».

Бегло просмотрев «Доклад», Констанс поняла, что ученые мужи Общества исследований психики рассматривали Махатм как чистой воды вымысел Блаватской. В этом вымысле ей содействовали различные соучастники и помощники, такие как Дамодар и Куломбы. Сходным образом они решили, что все сверхнормальные явления были обманом, плодами ловкости рук или какой-то иной формы жульничества. Обману и жульничеству помогали излишняя доверчивость и плохое наблюдение за теми феноменами, которые происходили вокруг нее, со стороны Олкотта, Синнетта и так далее.

В отношении ее побуждений комитет не принял то объяснение Ходсона, согласно которому ее теософская деятельность и мошеннические проделки были прикрытием ее действительной работы в качестве русской шпионки. Комитет не сумел найти какие-то иные побуждения и оставил вопрос о них открытым.

У самой графини был совсем недавний, свежий опыт взаимодействия с психическими феноменами, которые постоянно случались вне дома и явно исходили от Е. П. Б., не говоря уже о том, что она сама воочию видела и ясно слышала Учителя Мориа. Она могла лишь посмеяться над невежеством и надменностью этих преисполненных сомнений англичан. Но в действительности было не до смеха. На широком выразительном лице ее друга была начертана трагедия, а в больших глазах кипел вулкан страстей.

«О, будь прокляты те феномены, которые я вызывала с намерением развлечь близких друзей и заинтересовать окружающих! Что за ужасную карму должна я нести!»

Графиня пыталась утешить ее, но Елена не слушала. «Почему Вы тоже не покинули меня? — плакала она. — Вы графиня, Вы не можете оставаться здесь с обесчещенной женщиной, выставленной на позор перед всем миром, на которую везде будут показывать пальцем как на мошенницу. Уезжайте, пока Вас не запачкало мое посрамление».

Графиня посмотрела на нее долгим, пристальным и настойчивым взглядом и ответила: «Елена Петровна, теперь я не хуже Вас знаю, что Ваш Учитель действительно живет на свете; он основал Общество, и, стало быть, оно не может погибнуть. Но как Вы можете думать, что я могу покинуть Вас и Дело, которому мы обе дали слово служить? Вот почему, если каждый член Общества станет изменником, мы с Вами останемся на прежнем месте и будем ждать и работать до тех пор, пока вновь не настанут хорошие времена».

В глазах Старой Дамы стояли слезы. Она ласково похлопала Констанс по плечу и быстро вышла из комнаты.

Следующие дни принесли письма, преисполненные взаимных обвинений и брани, заявлений о выходе из Общества и опасений тех, кто еще оставался в нем. Вопреки высказанной ею самой уверенности Констанс начала думать, что Теософское общество, возможно, погибнет под тяжестью неприятностей.

С каждым новым случаем отступничества рана в чувствительном сердце Е. П. Б. становилась все глубже и глубже. Иногда ее негодование и возмущение прорывались в слова. Со стороны можно было предположить, что она воистину готовит самое жесткое и беспощадное отмщение своим врагам.

«Лишь те, кто знал ее так задушевно, как полдюжины ближайших друзей,— писал Синнетт,— прекрасно понимали, что, окажись неожиданно ее враги в ее власти, ярость против них при всем кипении чувств лопнет, как мыльный пузырь».

Какой странной загадкой она казалась! Великая сострадательная душа в теле, в котором текла яростная, буйная кровь князей Долгоруковых. Ее оккультные друзья иногда удивлялись, почему душа великой йогини избрала себе столь сложного и эмоционального носителя. Возможно, рассуждали они, это был некий кармический урок, который ей надлежало усвоить, но до чего же трудный урок! Возможно, битва, которую она все еще вела сама с собой, была отражением ее постоянной битвы с внешним миром.

Графиня с ее ясным умом могла видеть сквозь внешнее буйство благородное сердце своего друга. Вот почему она пожертвовала приятным отдыхом с друзьями в Италии и прожила целую зиму в Вюрцбурге, принося в тяжелую минуту облегчение и помощь этой измученной титанической душе в страдающем, опухшем теле.

В обстановке тогдашнего кризиса она считала, что самой лучшей линией поведения было бы отношение к нелепому и смешному «Докладу» Общества исследований психики с тем молчаливым презрением, которого он заслуживал. Но она знала и то, что бездействие в ответ на открытое нападение было для дочери Долгоруковых чем-то невыносимым. Особенно невыносимо оно было в том случае, когда нападали на то, что она считала самым дорогим для себя, — на Теософское общество, труд ее Учителей, распространение религии Истины.

Она отправится в Лондон и уничтожит своих врагов, заявляла Елена. Она начнет судебный процесс против Ходсона и беспощадного комитета, — судебный процесс за клевету в печати. Она напишет такому-то и такому-то. Графиня знала, что такие действия только осложнят и ухудшат отношения Старой Дамы со всем миром. Она советовала ей сдержаться.

Е. П. Б. прекрасно знала, что проявление гнева и ненависти к врагам — плохая йога. Она внушала своим ученикам, что единственная правильная реакция состоит в любви и сострадании. Но ей самой оказалось трудно осуществить на деле эту йогу сдержанности. Сострадание всегда было ее конечной, последней реакцией. Но внешне, по всем приметам, сострадание редко бывало на первом месте. Когда вражеские трубы звали в атаку на Истину, ее воинственная кровь полыхала пламенем, а перо становилось мечом.

Глава 22

Когда графиня увидела доктора Хюббе-Шлейдена в вюрцбургской гостиной, его лицо было бледным, как зимнее небо. Он специально приехал из Мюнхена навестить Е. П. Б., и та чувствовала, что приезд его связан с ужасным «Докладом».

— Как Вы себя чувствуете, сударыня? — учтиво спросил он.

— Так хорошо, как можно было надеяться.
— Какая холодная зима,— заметил он, потирая руки перед огнем камина.

— Садитесь, пожалуйста, герр доктор, и честно выскажите мне свое мнение об этом «Докладе» Общества исследований психики.

У Хюббе, знала она, были весомые основания верить, что Учителя не были ее выдумкой. Однажды он сам получил письмо от Учителя К. Х., и получил его, когда быстро ехал по немецкой железной дороге. С ним был только Олкотт, а судьи из Общества исследований психики объявили полковника честным и неповинным во всех обманах. Предполагаемая мошенница, госпожа Блаватская, была тогда весьма и весьма далеко от места действия — в Англии. Письмо феноменально появилось на том месте в купе, которое занимал сам Хюббе. Более того, в нем было высказано мнение о тех его сугубо личных проблемах, которые он мгновением раньше обсуждал с полковником.

Об этих проблемах он никогда не говорил «архифокуснику» Е. П. Б. Итак, люди из Общества исследований психики предполагают, что у нее была целая команда помощников. Они-де постоянно крутились поблизости с целью подсовывать письма в самые невероятные места. Допустим, дело обстоит именно так. Но как она могла заранее узнать, что Хюббе будет говорить о том предмете, о котором она никогда даже не слыхала?

— «Доклад»,— ответил Хюббе,— куча вздора. Но Вы, Вы сами в опасности.

Она предложила ему свою крученую сигарету.

— Что за опасность на сей раз, герр доктор?

— Вы знаете, Германия не похожа на Англию. Там генеральный солиситор не может начать судебное дело до тех пор, пока не подана формальная жалоба. Здесь, если состряпанное Ходсоном обвинение в том, что Вы — та, кто подделывает документы, попадет в газеты, Вас могут арестовать по подозрению и заключить в тюрьму. Я советую Вам немедленно уехать из Германии.

Е. П. Б. горько усмехнулась. Вильгельм Хюббе-Шлейден был юристом и банкиром. Он получил образование в университетах Геттингена, Гейдельберга, Мюнхена и Лейпцига. Он должен был знать то, о чем говорит. Она понимала его беспокойство о своем благополучии

и о германском отделении Теософского общества, президентом которого он был.

— Я не собираюсь убежать. Позвольте им *повесить* меня, если они хотят меня повесить. Это будет подобающим завершением такого сумасшествия,— сказала она ему, и никакие его доводы не смогли изменить ее решение.

Вскоре после посещения Хюббе графиня Вахтмейстер получила записку от Баваджи. Он умолял ее приехать в Эберфельд. Она и только она одна со своими психическими силами могла-де спасти его. К нему, утверждал он, пришел «Живущий на Пороге», и, если она не поможет ему, последствия будут страшными.

Записка звучала так, будто он сходил с ума и бредил. С согласия Е. П. Б. Констанс поехала. Когда она приехала в Эберфельд, Баваджи спокойно сказал, что с ним не случилось ничего плохого. Он написал в таком стиле с целью отвлечь ее от Е. П. Б., которая «загипнотизировала» ее.

Графиня смогла заметить, что он оказывал пагубное влияние на семейство Гебхард. Он говорил немислимые, возмутительные вещи о госпоже Блаватской. Великие Учителя, по его словам, никогда не существовали, а если и существовали, то не снисходили до писания писем и представления приписанных им феноменов. Иными словами, все это было делом рук колдуньи, госпожи Блаватской, которой помогал полковник Олкотт.

Поверив прежде, что Баваджи был талантливим чела Учителей, Гебхарды начали теперь верить и его рассказам. По наблюдениям графини, их почтительное отношение вскружило ему голову и сделало его более тщеславным, взбалмошным и переменчивым по сравнению с тем, каким он мог быть в других обстоятельствах. Если его не остановить, он сможет причинить Обществу значительный вред и в Германии, и за ее пределами. Возмущенная и подавленная, она уехала знакомить Е. П. Б. с тамошним положением дел.

Е. П. Б. знала, что некоторые европейцы были склонны возводить индийских чела на пьедестал. Поэтому ее сильно беспокоил тот вред, который мог причинить маленький Баваджи. Его прежняя верность ей, по всей вероятности, пала жертвой нападения Общества исследований психики. Ему, как и большинству индуистов, было невыносимо видеть, что имена Махатм осквернены. Теперь

он был намерен отделить ее и ее феномены от Учителей, называя ее колдуньей, которая под личиной Махатм вызывала стихийных духов и показывала феномены собственной корысти ради. Махатмы существовали, утверждал он, но были несопоставимо выше тех действий, которые Е. П. Б. связывала с их именами. Это был воистину безумный мир!

В письмах к Синнетту госпожа Блаватская старалась опровергнуть измышления Баваджи прежде, чем поднятая ими волна шума захлестнет Англию. Графиня также писала о нем. Она была склонна думать, что им двигало смешение дурно понятого идеализма с личными честолюбивыми притязаниями развалить Теософское общество, обзавестись собственными последователями и создать новое общество.

Некоторые старые союзники отказывались защищать Е. П. Б. или даже осуждали ее под видом приторных похвал. Доктор Гартманн, намереваясь выступить в ее *защиту* в печати, писал: «Вы совершенно неповинны в каком бы то ни было *предумышленном* обмане».

«Не собирается ли он сделать меня *невменяемым медиумом?*» — спрашивала она Синнетта.

Даже Олкотт, тот, для кого она перевернула мир вверх дном, когда их было всего-навсего двое, первое копьё движения в старом нью-йоркском «Ламасери», иногда сомневался в ней, хотя он-то, старый неверующий дурак, знал ее лучше всех! И все же она не могла не помогать по-дружески ему, своему старому другу с тех времен, когда они впервые встретились на ферме Эдди в солнечный день десять с лишним лет назад.

А как быть с Т. Субба Роу, которому она открыла путь к высокому оккультизму? Он уклонился от искренней поддержки подлинности ее феноменов и был согласен с Хьюмом в том, что Теософскому обществу не следует защищать чудеса госпожи Блаватской. В противном случае, говорил он, «время и силы Общества будут растратчены впустую при отражении многих тысяч ежедневных атак. Не следует придавать феноменам слишком большого значения».

Она знала, что он тоже думает, будто она разменяла на медную монету имена Махатм и *Brahma Vidya*, которая имела значение лишь для тех немногих, кто читал ее. Ей же всего-навсего следовало делать

то, что распорядился делать ее Гуру, — почтительно принести часть Тайной Мудрости большому количеству людей.

Возможно, в силу своей непредсказуемой эмоциональной природы она часто поступала неблагоразумно. Но она никогда не мошенничала. Великие знали это. «Я даю Вам слово чести и клянусь в том, что она никогда не была обманщицей, — писал Мастер К. Х. Синнетту, — она также никогда сознательно *не лгала*, хотя ее положение часто становилось невыносимым и ей приходилось многое скрывать, как предписывали торжественно принесенные ею обеты». И «она может вызывать и действительно вызывает феномены, обязанные своим происхождением сочетанию врожденных ей сил с многими годами постоянной суровой подготовки, и временами ее феномены лучше, чудеснее и намного совершеннее тех феноменов, которые вызывают чела высоких степеней Посвящения».

Возможно, именно из-за своей собственной переписки с Махатмами Синнетт оставался ее верным другом на протяжении всего черного периода 1886 года, — «года сплошных пятниц», как называла она это время. В начале года Синнетт с женой приехали в Вюрцбург и провели с ней три недели. Он усиленно работал над ее *Мемуарами*, с помощью которых надеялся повернуть поток общественного мнения в ее пользу. Кроме того, он набросал черновик письма в ее защиту в лондонскую «Таймс». Е. П. Б. и графиня сомневались, стоит ли посылать это письмо в газету. Они думали, что письмо, по всей вероятности, породит новый спор, а спор еще шире разнесет клевету. К счастью, «Таймс» отказалась заниматься этим делом и не напечатала письмо.

Но, вероятно, самое страшное потрясение в начале «года сплошных пятниц» было инициировано соотечественником Елены Блаватской.

В первый период ее вынужденного отъезда из Индии Всеволод Соловьев казался одним из ее самых пылких почитателей и верных друзей. Он несколько раз приезжал погостить у нее и считал ее «самобытной и блестящей» писательницей, чьи книги, такие как *Пещеры и джунгли Индостана*, занимали достойное и видное место в русской литературе. Временами, писал он, она бывала «поистине вдохновенной пророчицей». Сам он явно пребывал в магнитном поле ее мистических сил. Во времена первых контактов с ней он определенно наслаждался некоторыми чудесными экстрасенсорными опытами, включая видение Учителя Мория.

Когда был издан «Доклад» Общества исследований психики, Соловьев счел его пощечиной не только Е. П. Б., но и самому себе. Он был одним из тех, кто верил в ее мистические силы и благожелательно писал о ней в русской печати. «Доклад», говорил он, поставил его в ложное положение. Теперь его самого следовало считать либо лунатиком, либо сообщником обмана. Он послал Майерсу заявление о выходе из Общества исследований психики и резкое письмо с требованием опубликовать и заявление, и приложенное к нему письмо.

Что и когда побудило его выступить против своей соотечественницы — одна из тайн тех бурных времен. Сама Е. П. Б. была поставлена в тупик. «Соловьев набросился на меня, как ошалелый пес, набросился по причинам, равно загадочным и для него, и для меня».

Но изучение переписки и распространенных в то время отношений между людьми подсказывает и заставляет предположить некоторые факторы, повлекшие за собой это выступление. Некоторые думают, что он, подобно многим последователям Е. П. Б., страстно желал лично приблизиться к Учителям с целью развить в себе психические силы. Он потерпел неудачу и винил в ней Е. П. Б., хотя ему следовало понимать, что такой шаг целиком и полностью зависел от его собственного характера и степени духовного развития. По природе своей он был поверхностен, болтлив и злобен. Неудача сделала его разочарованным, завистливым и преисполненным ненависти к тем, кто, как он думал, помешал его честолюбивым замыслам.

Искрой, которая подпалила эту взрывчатку, было отношение Е. П. Б. к скандалу, возникшему вокруг Мохини. Этот красивый и благожелательный молодой индус разъезжал по Европе с лекциями и выступлениями. Он сыграл определенную роль в становлении нового направления мысли в английской литературе, представленного таким писателем, как А. Э. [Джорджем Уильямом Расселом]. Он вскружил головы нескольким женщинам в Париже и Лондоне. Одна из них, мисс Леонард, по всей видимости преисполнилась решимости сыграть роль жены Потифара по отношению к прекрасному Иосифу — Мохини.

Е. П. Б. восприняла эту ситуацию по меньшей мере спокойно. Она была уверена в том, что Мохини, один из самых ярких светочей Общества и чела Учителей, был невинен и чист. Она знала, что он неукоснительно

вел ту строгую, нравственно чистую жизнь, которую предполагало и требовало его положение чела. Но другие судачили о том, что он и в самом деле написал мисс Леонард множество чувствительных писем. Злые языки викторианских времен с неодобрением сплетничали об этом в Лондоне и даже в Париже. Тот, кто пришел указать им путь к лучшей жизни, сам явно был всего-навсего заурядным, нравственно уязвимым и небезупречным человеком.

Е. П. Б. деятельно защищала его. Он мог быть настолько глуп, говорила она, что действительно писал пресловутые письма, но никоим образом не был повинен в каком бы то ни было дурном поведении. Для нее были очень важны его чистота и невинность — во имя Общества и Учителей и той поистине материнской любви и привязанности, которую она питала к нему.

Соловьев, по уши погрязший в этом скандале парижских гостиных, обвинял ее в том, что она сознательно покрывает и защищает Мохини, хотя знает, что он виновен. Здесь-то и коренилась причина разрыва между ними.

3 марта 1886 года Е. П. Б. писала Синнетту: «Соловьев распускает грязную сплетню; он задира и беспокойный, надоедливый человек, которому до всего есть дело. Он, чье белье грязнее, чем у всех остальных, выставляет себя *in virtue* против Мохини, продает меня, как Иуда, и продает без всякой к тому причины или предупреждения. По приезде в Петербург он близко познакомился с моей сестрой и ее семейством, настроил их всех против меня, пересказал все старые сплетни, которые только смог пересказать (особенно рассказы о бедном ребенке), возвратился в Париж и теперь продает нас всех и т. д.».

Из России Соловьев привез несколько новостей, которые потрясли Елену. Одна из них была такова: «Господин Блаватский — не покойник, а очаровательный старец около ста лет от роду; он многие годы считал нужным скрываться в имении своего брата,— отсюда и пошли слухи о его смерти». Задолго до этого Елена слышала от своей тетушки, что ее муж умер. Поэтому она считала себя свободной и второй раз вышла замуж в Америке. Теперь Соловьев угрожал выставить ее перед всем миром как двоемужницу.

Более того, он внезапно полностью изменил свое мнение в отношении ее экстрасенсорных и оккультных сил. Теперь он утверждал, что

его видение Учителя Мориа должно было быть галлюцинацией. Он соединил свои усилия с усилиями Общества исследований психики и вместе с ним натравливал ту свору, которая преследовала по пятам «мошеницу», как он теперь именовал ее.

С такой точки зрения Соловьев предстает в своей естественной роли,— роли разгребателя грязи, журналиста, которого хороший сюжет заботит несопоставимо больше, чем истина. Он, разумеется, знал, что истории публичного разоблачения продаются легче всех остальных, и продаются за хорошую цену. Он состряпал большую часть такой истории. Но свою книгу «Современная жрица Изиды» он издал после смерти Е. П. Б. Именно ее смерть, писал Олкотт, «позволила ему безнаказанно распространять свою ложь о ней и показала его столь же бессердечным и презренным, но в пятьдесят раз более даровитым, чем Куломбы».

В тот ошеломляюще страшный год, который последовал за изданием «Доклада» Общества исследований психики, Соловьев, по всей видимости, был для Елены той вошедшей в поговорку соломинкой, за которую цепляется утопающий. Она писала Синнетту, что чувствует себя подобной ни в чем не повинному кабану, который хочет лишь одного — чтобы ему дали спокойно жить в его лесу. Но свора собак приходит в лес травить его, убить и разорвать на куски. Какое-то время он пытается спасти свою жизнь бегством, но в конце концов останавливается и поворачивает навстречу врагам. Он определенно знает, что будет зарезан. Он принимает смерть, ибо не хочет более убегать. Но в последнем кровавом бою он вспорет брюхо многим лающим псам и многих убьет.

Используя ту же самую аллгорию, она писала Соловьеву, говоря, что теперь она повернется, встретит лицом подавляющее превосходство врага и совершит нравственное самоубийство. Она как на исповеди скажет все и повергнет вместе с собой множество врагов из числа бывших друзей. Настроение отчаяния вылилось в *Мою исповедь*, которую она действительно написала и отправила Соловьеву. Сочинители разоблачительных историй извлекли из нее очень и очень многое.

Действительно, чтение текста показывает, что это не исповедь и не что-то иное, призванное возместить ей обиды и утраты.

Оккультную науку, по ее словам, она любила сильнее, чем того не названного по имени мужчину, с которым путешествовала по

трем разным континентам. Здесь нет исповедального признания в том, что у нее были скандально приписанные ей незаконные дети. Как говорит Беатрис Гастингс в своем «Оправдании госпожи Блаватской», Елена пишет о безнравственности с таким детским простодушием, будто все, известное ей об этом, узнала от других, а сама не имеет ни малейшего личного опыта по этой части. Итак, ближе всего к истине было, вероятно, то, что она действительно странствовала по всему белому свету в обществе мужчин, но в свои пятьдесят пять лет все еще оставалась девственницей. Во всяком случае, графиня Вахтмейстер утверждала в письме к Синнетту, что доктор Оппенгеймер из Вюрцбурга дал ей понять, что дело обстоит именно так.

Преданные последователи Е. П. Б., видимо, стремились доказать, что она всегда вела чистую, целомудренную жизнь, и, говоря о ней, следует принимать во внимание ту особую работу, которой она была занята.

Долгая вюрцбургская зима заканчивалась. Признаки весны были заметны и в садах, и в жизни Е. П. Б. Предостережения Хьюббе о полицейских акциях и заключении в тюрьму оказались излишними. Баваджи тоном провинившегося школьника принес своей «Дорогой и Почитаемой Матери» нижайшие извинения и просил позволить ему при первой же возможности уехать в Индию. «Я пишу полковнику Олкотту с просьбой о деньгах на обратный проезд».

Е. П. Б. знала, что полковник пришлет ему деньги. Тот еще раньше писал о том, что Баваджи должен вернуться домой. Его «эпилептомания» очевидно усиливалась, и он не мог более выносить умственные волнения и возбуждение, которое вызывала Европа.

Тайная доктрина продвигалась вопреки длительным отсрочкам, обусловленным тем смятением чувств и умственной протрацией, которые последовали за изданием «Доклада». В начале марта Е. П. Б. сообщала Синнетту, что закончила первые триста страниц полного формата; они составляли первый том.

В апреле из Англии неожиданно приехал старый друг. Е. П. Б. впервые встретила Эмили Кислингбери лет десять тому назад, когда та приехала в Нью-Йорк лично исследовать ее прославленные феномены. В то время Эмили была пламенной спиритуалисткой. Она

стала почитательницей и добрым другом Е. П. Б. и основательно помогла составить оглавление для *Изиды без покрывала*. Позже, в июне 1878 года, когда в Лондоне было образовано Британское отделение Теософского общества, Эмили Кислингбери стала его секретарем. Но какое-то время спустя она отошла от движения.

Она пишет: «Мне пришлось почти в одиночку биться с оппозицией английских спиритуалистов против ее [Е. П. Б.] объяснений их излюбленных “феноменов”. В конце концов я покинула и спиритуалистов, и Теософское общество и многие годы не встречалась с госпожой Блаватской. Но благородство ее характера, правдивость и честность произвели на меня впечатление столь сильное и неизгладимое, что, как только я услышала о пресловутом “Докладе” Общества исследований психики, то немедленно решила поехать к Е. П. Б., если только она была где-то в пределах досягаемого. Я решила поехать лишь в порядке молчаливого протеста против действий тех в высшей степени несправедливых и ошибочно мыслящих джентльменов, которые одобряли столь отвратительную и подлую клевету. Я нашла ее в Вюрцбурге, в обществе графини Вахтмейстер, за работой над *Тайной доктриной*».

«Теперь я здесь, и не могу ли я чем-нибудь помочь Вам?» — спросила Эмили графиню. «Я была бы очень рада, если бы Вы на обратном пути в Англию проводили Е. П. Б. в Остенде. Ей нужна заботливая спутница, — ответила Констанс, — а мне самой необходимо на какое-то время возвратиться домой, в Швецию».

Е. П. Б. выбрала Остенде летним местом жительства потому, что он был расположен достаточно близко к Лондону. Семейству Синнеттов и другим ее верным друзьям было легко навещать ее там. Она надеялась устроиться в Остенде прежде, чем толпа летних посетителей города затруднит поиск жилья и непомерно взвинтит цены на квартиры.

8 мая 1886 года графиня проводила двух дам, служанку Е. П. Б. Луизу и огромное количество поклажи на железнодорожную станцию Вюрцбург. Для удобства Е. П. Б. она рассчитывала обеспечить трем путешественницам особое отделение вагона. Это оказалось трудным делом.

В конце концов, после долгих препирательств, кондуктора убедили открыть пустой вагон. Путешественницы устроились в нем, окру-

жив себя подушками, покрывалами, сумками, девятью большими тюками и драгоценной коробкой, которая заключала в себе рукопись *Тайной доктрины*.

Казалось, все более или менее сносно устроилось, когда в дверях вагона внезапно появился разгневанный чиновник железной дороги. Он приказал убрать из вагона все тяжелые вещи и поместить их на багажную площадку. Он кричал по-немецки, Е. П. Б. в ответ кричала по-французски. Эмили казалась измученной. Констанс прижимала руки к вискам. Как ей утихомирить его и оставить Е. П. Б. в покое? Прозвучал резкий свисток, и поезд тронулся. Разгневанный краснолицый чиновник, брызгая слюной, выкрикнул последние бессвязные слова. Констанс увернулась от него и побежала вдоль платформы, прощаясь со своим любимым другом и наставницей. Она ушла с вокзала, чувствуя себя свободной, но почему-то опустошенной.

Глава 23

Госпожа Блаватская и мисс Кислингбери собирались остановиться в Кельне и отдохнуть там одну ночь, а затем продолжить путешествие в Остенде. Но в этом городе на Рейне они встретили господина Гебхарда. Эта встреча изменила их планы.

«Первые известия, которые я получила от Е. П. Б.,— пишет графиня,— состоят в том, что на следующий день по приезде в Кельн они с мисс Кислингбери встретили господина Гебхарда с несколькими членами его семейства. Он убедил ее навестить их в Эберфельде. Мисс Кислингбери уехала в Лондон, а Е. П. Б. отправилась в дом своих старых добрых друзей».

Следующее письмо рассказало графине о том, что Е. П. Б. «упала на скользком паркетном полу в доме Гебхардов... и так неудачно, что растянула связки и ушибла ногу в лодыжке». Это, естественно, помешало ее намерениям продолжить путешествие в Остенде, поэтому она осталась у своих друзей, сердечность которых не знала границ. Они не упустили ничего, что могло облегчить ее страдания и сделать ее жизнь приятной. Для этого они пригласили госпожу Желиховскую (сестру Е. П. Б.— Веру) и ее дочь пожить у них.

Отсюда ясно, что вопреки ядовитому языку Баваджи Гебхарды все еще очень дружелюбно и приязненно относились к Старой Даме. Однако они не хотели больше слышать никаких разговоров о Махатмах. Во время визита Е. П. Б. Баваджи все еще жил в доме другого немецкого теософа.

К 8 июля, приблизительно после двух месяцев, проведенных у Гебхардов, госпожа Блаватская смогла продолжить путешествие в Остенде в обществе своей сестры и племянницы. Ночь в отеле обошлась в круглую сумму, и после трудных поисков Вера нашла подходящую квартиру на боковой улице. Е. П. Б. была очень довольна этой квартирой «с тремя прекрасными комнатами по левую и с двумя — по правую сторону коридора... и кухней внизу всего за тысячу франков за весь сезон и сто франков за месяц вперед».

У нее самой была спальня, большая рабочая комната и маленькая гостиная. Две комнаты через коридор она собиралась отвести самым разным гостям, которых ждала из Англии и других стран. Первыми гостями были конечно же ее сестра и племянница, но большую часть времени они проводили в комнатах Е. П. Б. Она всегда была рада видеть вокруг себя членов своего семейства, но они сильно мешали ей писать.

Вера Желиховская сама была писательницей и, подобно многим другим писателям и в те, и в более поздние времена, считала загадочную Елену неисчерпаемым источником материала для своего пера. С этой целью она бросала ей вызов и спорила с ней чаще, чем было полезно для неистойой Старой Дамы.

Об одном таком случае Вера рассказывала:

- Да, я часто видела, что ты делаешь *apports*, но я не верю, что ты действительно можешь создать материальный объект.
- Это верно. Меня мало заботит, веришь ли ты или кто-то другой в такую чепуху.
- Это не чепуха! Если ты, по твоим словам, можешь создавать золото и драгоценные камни, ты должна обогатить *меня* и себя. Мы не должны будем, к примеру, искать квартиру подешевле. У нас будет все самое лучшее.

Елена засмеялась:

- Это было бы колдовство, черная магия, которая не может принести ничего, кроме вреда.

— Чем же вредно достаточное количество денег?

Елена потянулась к своей корзинке с табаком; ее тонкие пальцы начали скручивать сигарету.

— Я могу сказать тебе, Вера, только то, что и твоя, и моя карма быть в этой жизни бедными. Если я использую священные силы с целью обогатить нас, я погублю нас обеих не только в этой, теперешней жизни, но, вероятно, и на многие столетия вперед.

— Тогда как быть с подарками, которые ты, предположим, делаешь другим, если такие вещи причиняют вред?

— Дорогая, разве ты не понимаешь? Изготовление нескольких безделушек никого не сделает богатым. Но, с другой стороны, оно может показать любому тупице-материалисту могущество Божественной воли в человеке.

На самом деле Веру не убедило высказывание ее сестры о том, что оккультные силы, если их использовать своекорыстно, напоминают бумеранг с динамитом. Она так и не смогла понять, почему Елена должна терпеть нужду и лишения во имя своих идеалов. Она не могла использовать эти так называемые опасные оккультные силы с целью обеспечить себе достаток и удобства. Допустим, это было действительно так. Но она могла приобрести их своим писательством. Одна русская газета предлагала ей большое ежегодное жалованье за исключительное право на ее сочинения.

— Я думаю, ты сделала глупость, Елена, не приняв предложение Каткова, особенно потому, что могла, как он говорил, писать для его газеты по своим излюбленным вопросам психики. Это положило бы конец твоим денежным затруднениям.

— Я отказалась потому, что Учитель велел мне отказаться. Он хочет, чтобы я полностью сосредоточилась на *Тайной доктрине*. Я не должна расточать крошечные запасы своей жизненной силы на незначительные вещи.

— Деньги — вещь значительная. Тебе нужна хорошая еда и комфорт; они дадут тебе силы писать твою *Тайную доктрину*.

— Все это ерунда — деньги и хлопоты о них. Учитель видит, что у меня их *достаточно*. Они приходят, когда мне нужно, — немного из Америки, отчисления за *Изиду*, немного из Индии — от *Теософа* и из других мест. Слава Богу, мои мирские нужды очень ограничены, так почему же я должна продать себя за катковское золото!

Вера и ее дочь уехали в Россию приблизительно в середине июля, а комнаты по ту сторону коридора занимало множество других гостей, и среди них — Мохини.

Что бы там ни говорили о его «скандальных амурах», Е. П. Б. всегда верила, что он невинен и чист. Интересно, что некоторое время спустя, по возвращении в родную Калькутту, этот мнимый ловелас открыл приют для самых нуждающихся «падших женщин».

Е. П. Б. писала длинные письма в Швецию графине Вахтмейстер, настоятельно убеждая ее приехать как можно скорее. Она чувствовала, что, когда Констанс близ нее, она свободна от множества мелких хлопот и способна сосредоточиться на своем писательстве. Сильная, с лицом сирены графиня служила щитом, который прикрывал Елену от будничных тревожений, и к тому же она была своего рода катализатором. Графиня помогала создать спокойную обстановку, необходимую для работы над *Тайной доктриной*.

Их счастливое воссоединение произошло в августе, и вскоре они снова погрузились в привычную обстановку писательства. Е. П. Б. получила то, что она называла «потоками». «Сообщения от ее Учителя и от других поступали часто,— писала графиня,— и мы жили в своем собственном мире».

Но однажды спокойствие было нарушено вопросом Е. П. Б. о том, не съездит ли графиня в Лондон по ее частному делу. Графиня согласилась, хоть и боялась оставить Старую Даму в одиночестве. Последовала оживленная переписка между ними. Госпожу Блаватскую и Луизу беспокоила бельгийская полиция. «Я нахожусь под подозрением по делу о миллионе, украденном в поезде между Остенде и Брюсселем!!!» — писала она.

Пакет с рукописью, зашитый в промасленную ткань, прибыл из Лондона. Это была часть *Тайной Доктрины*, и Е. П. Б. просила графиню переслать ее в Мадрас полковнику и Т. Субба Роу для критического разбора и замечаний, «но застраховать ее не больше, чем на 150 или 200 фунтов стерлингов: если она потеряется — все, пиши пропало!»

А в письме графине, написанном где-то в январе 1886 года, после того как Джордж Радвей выпустил в свет книгу А. П. Синнетта «Случаи из жизни госпожи Блаватской», она писала: «Вы говорите, что литература — единственное спасение. Да, мы видим, что *Мемуары*

госпожи Блаватской возымели положительное действие. По причине успеха этих *Мемуаров* семь или восемь французских газет выставляют на продажу Синнетта, меня, К. Х. и так далее. Подлинное возрождение, повторение сызнова всех скандалов вокруг Теософского общества, и все из-за этой самой литературы. ...Ваша комната с печью на верхнем этаже готова, так что Вам будет уютно. Вы делаете в Лондоне полезное дело. Я чувствую себя настолько одинокой, насколько это вообще возможно...»

Позже: «Я холодна как лед, и четыре дозы дигиталиса в день не могут успокоить мое сердце. Ладно, дайте мне только закончить мою *Тайную доктрину*. Вчера вместо сна мне пришлось писать до часа ночи. Тройственная тайна описана; я думаю, что они никогда не раскроют ее, — так что...»

Кроме частного поручения Елены Блаватской, графиня выполнила в Лондоне хорошую теософскую работу. Она разбирала затруднения членов Общества, отвечала на их вопросы, разъясняла концепции, восстанавливала веру в Е. П. Б., Учителей и их великий замысел. Она, сама того не ведая, помогала готовить почву для нового начала. Шторы на западном окне исподволь начинали подниматься.

Учитель Мориа дал Е. П. Б. дальнейшие наставления. Жить ей оставалось недолго, а писательские занятия *Тайной доктриной* были не единственной работой, которую она должна была сделать за этот краткий срок. Ее новый замысел был хорошо согласован с писательской работой у себя дома. По желанию Учителей ей надлежало обучить небольшой отряд преданных, верных последователей в Лондоне. Это была маленькая горсточка чистого зерна, которая осталась после того, как мякину отвеяли ветры публичного скандала и клеветы.

Должна ли была Елена лично отправиться в Лондон или могла действовать из Остенде либо откуда-то еще, оставалось неясным. Ясно было другое. Ее работа была теперь здесь, на Западе, а не в Индии. Эзотерические, бросающие миру вызов и изменяющие мир доктрины духовной эволюции и истинного братства надлежало теперь проповедовать в самом центре политической власти и могущества — в имперской викторианской Англии.

К идее поселиться там она относилась двойственно. С одной стороны, она питала теплые чувства к той стране, где впервые воочию, лицом

к лицу, встретила со своим великим Учителем и где жили такие верные друзья, как семейство Синнеттов. С другой стороны, она ненавидела эту страну.

Она представляла себе Англию страной снобизма и лицемерия,— страной, откуда известные «джентльмены» из Общества исследований психики нанесли ей жестокий, несправедливый удар,— страной, где даже сейчас изменник Соловьев выставлял напоказ ее врагам свои лживые, умышленно ошибочные переводы ее переписки с ним на русском языке и в особенности ее *Исповеди*.

Что за пагубная клевета на нее и ее дело отравляет лондонские туманы? Она не считала эти ядовитые туманы той атмосферой, в которой могли расцвести и набрать силу молодые, хрупкие и еще слабенькие саженцы теософии. Но, разумеется, Учителям было виднее.

Часть III

Проблески на Западе

Тайная доктрина есть сосредоточенная мудрость веков... Фундаментальный Закон в этой системе, та срединная точка, откуда все возникает, вокруг которой и к которой все тяготеет и на которой зиждется вся остальная философия,— есть Одна самородная Божественная *Субстанция-Принцип*, единственная коренная причина... Это вездесущая Реальность, реальность безличная, ибо она содержит в себе все и вся. *Ее безличность есть краеугольное положение Системы*. Она скрыта в каждом атоме во Вселенной, и она есть сама Вселенная... Вселенная есть периодическое проявление этой неизвестной Абсолютной Сущности...

...Вселенную и все сущее в ней называют *Мауа*, потому что все сущее в ней временно — от бабочки, которая летит на огонек, до Солнца. Вместе с тем Вселенная вполне реальна для тех существующих в ней наделенных сознанием существ, которые столь же нереальны, как и она сама. Все во Вселенной, во всех ее царствах пребывает в *сознании* — иными словами, наделено своего рода сознанием и своим собственным способом восприятия. Здесь нет ничего «мертвого» или «слепого», как нет «Слепого» или «Бессознательного» Закона... Вселенная действует и управляется *извне себя*. Она действует и управляется извне сверху донизу, как в небесах, так и на земле; а человек, микрокосм и миниатюрная копия макрокосма, есть живое свидетельство этого Вселенского закона и способа его действия... Весь Космос направляют, контролируют и одушевляют почти бесконечные Иерархии чувствующих существ; каждая из них должна выполнить свое предназначение... и они — «посланники» лишь в том смысле, что они суть действующие силы Кармических и Космических Законов... каждое из этих существ или *было*, или *готовится быть* человеком, если не в этом, то в прошлом или грядущем цикле. Они *совершенны*, когда не *зачинают* людей. Весь порядок природы являет поступательное движение вперед, к *высшей жизни*. Разумный замысел есть в действии самых слепых с виду сил. Доказательством тому служит весь процесс эволюции с его бесконечными приобретениями... То, что называют «бессознательной» природой, есть в действительности совокупность сил, управляемых наполовину разумными существами (стихиями), которых направляют Высшие планетарные Духи (Dhiani Chohans); их совокупность образует явное *Verbum* неявного *Logos* и составляет в одно и то же время *разум* Вселенной и ее неизменный *Закон*...

Глава 24

Зимним вечером в конце 1886 года, «года сплошных пятниц» Е. П. Б., пятеро мужчин и одна женщина, собравшись в лондонской гостиной, изучали и обсуждали теософию. Один вопрос привел их в тупик. Все они могли блистательно рассуждать о нем, но никто не был в состоянии предложить остальным удовлетворительное объяснение.

Такое случалось слишком часто. Все они серьезно изучали Древнюю Мудрость и верили в реальность Махатм. Они хотели возродить в Лондоне теософское движение, но, казалось, терпели безнадежное поражение. Они писали Е. П. Б. в Остенде, и она великодушно отвечала. Графиня Вахтмейстер в бытность свою в Лондоне осветила *некоторые* вопросы. Но этого было недостаточно.

Двадцатипятилетний Бертрам Кейтли теребил свои вислые каштановые усы. Сильный мыслитель, математик и обладатель ученой степени Кембриджского университета, он наслаждался этими спорными, порождающими сомнения метафизическими вопросами, но знал, что не в силах решить их. Он посмотрел на своего бородастого дядюшку, Арчибальда Кейтли, которого молчаливо считали вождем группы, хотя ему тоже было немногим более двадцати пяти лет.

- Что нам нужно, — сказал Бертрам, — так это сесть у ног настоящего вождя, наставника, который может высказаться авторитетно.
- Который сможет привести нас к Учителям, — добавила Мэйбл Коллинз, дочь романиста Мортимера Коллинза и сама писательница и ясновидящая. — Да, было бы чудесно, сумей мы заполнить сюда Е. П. Б.

— Я говорил Синнетту, что следует просить ее приехать и жить в Лондоне. Но он категорически против. Видимо, он думает, что это вызовет брожение среди членов его ложи.

— Подумаешь, велика важность! — воскликнула Мэйбл.

Арчибальда Кейтли мало занимала суетная мысль о положении вождя.

Он знал пределы своих возможностей. Если они хотели возродить теософское движение в Лондоне, им нужна была Е. П. Б.

— Да, в самом деле, мы должны поехать и упросить ее перебраться сюда, — ответил он Мэйбл.

После небольшого спора шестеро собеседников согласились просить Старую Даму приехать, а на себя взять заботы о ней. Но кому-то нужно было поехать к ней с этим предложением.

— Кто поедет? — Арчибальд оглядел собравшихся. — Сам я сейчас, к сожалению, поехать не смогу.

— Я смогу сразу после Нового года, — вызвался добровольцем Бертрам.

На этом и порешили. Бертрам и Арчибальд в самом деле несколько раз ездили в Остенде. Сначала госпожа Блаватская не дала им определенного ответа, потом наконец-то согласилась, но не назвала точную дату переезда.

Приблизительно через десять дней вслед за последней поездкой к ней Арчибальда в Лондон пришла телеграмма, адресованная доктору Эштону Эллису. Телеграмма была от Констанс Вахтмейстер. Констанс просила его как можно скорее приехать в Остенде. Госпожа Блаватская, писала она, была серьезно больна, а ее бельгийский врач мало что смог сделать для нее.

Доктор Эллис был уверен в том, что у пожилой дамы множество недомоганий, но главная причина ее бед гнездится в почках. Поэтому перед отъездом он посетил известного лондонского специалиста в этой области. Вооруженный всеми профессиональными советами, которые он только смог получить у специалиста, доктор Эллис уехал в Остенде.

Графиня и госпожа Гебхард, которая приехала в Остенде помочь ухаживать за больной, были вне себя от радости, когда доктор Эллис позвонил у дверей. Он привез лекарство, прописанное лондонским специалистом. Специалист советовал применять вместе с лекарством массаж с целью стимулировать парализованные органы.

- Но совещание английского доктора с бельгийским снова разрушило возникшие было надежды обеих дам.
- Я не знаю и никогда не знал случая, — сказал бельгийский доктор, — когда кто-то с почками в таком состоянии жил так долго, как мадам.
 - Да, жить так долго в таком состоянии — явление исключительно редкое, — согласился доктор Эллис.
 - Ни лекарства, ни массаж не могут теперь принести значительных перемен к лучшему. Боюсь, что ничто не может спасти ее, — мрачно заключил бельгийский доктор.
 - Она еще не сделала завещание, — предположила госпожа Гебхард, — и я думаю, что она должна его сделать. Смерть без завещания в чужой стране может вызвать бесконечные неприятности и неразбериху.
- В один из периодов, когда Е. П. Б. была в сознании, она согласилась письменно выразить свою волю и распорядиться имуществом — одеждой, несколькими книгами, немногими драгоценностями и скромной суммой наличных денег. Она сказала, что оставляет все графине. Графиня должна была взять на себя заботы о рукописи *Тайной доктрины* и передать ее полковнику Олкотту с распоряжением отдать текст в печать.
- Я думаю, графиня, что Учитель наконец-то смог позволить мне быть свободной, — прошептала Е. П. Б. — Я буду так счастлива умереть.
- Весь этот день доктор Эллис делал ей массаж, — делал до тех пор, пока не измучился сам. Но, когда графиня сидела этой ночью одна у кровати госпожи Блаватской, она со страхом уловила тот тошнотворный запах смерти, который иногда предшествует самой смерти. Потом она ощутила, что женщина, чью великую и благородную душу она научилась любить, не переживет эту ночь.
- Однако *Тайная доктрина* еще была не закончена, и Е. П. Б. передала ей мысль Учителя о небольшой группе искренних и ревностных учеников в Лондоне. Оттуда приезжали Кейтли, и сама Е. П. Б. согласилась поехать в английскую столицу. Но что толку теперь во всем этом самопожертвовании бедной женщины, во всей борьбе, которую она так долго вела, если она должна умереть до завершения всех своих трудов? Это было бессмысленно. Но кто мог хотя бы предположительно судить о таких неуволнимых и непос-

тижимых явлениях, как жизнь, смерть и карма? «Я даже не начала понимать,— думала графиня,— ту загадку, которая сейчас лежит передо мной на кровати, ее изумительное знание, ее таинственную жизнь, проведенную в местах, недоступных простым смертным, так что тело ее часто может быть вблизи, а душа вдали общаться с другими. Как часто я видела ее такой и знала, что здесь была только раковина, тело!»

С медленным тиканьем текли часы. Отчаяние графини становилось все сильнее и сильнее. Ее душа восставала при мысли о том, какой пустой и бедной будет ее жизнь без присутствия и привязанности Елены Блаватской. Учитель спасал ее прежде; не может ли он снова спасти ее?

«Мой Учитель — белый маг и вместе с тем — Махатма»,— однажды сказала ей Е. П. Б. Она имела в виду великого чудотворца и великий дух. Самым лучшим было бы сотворенное им чудесное исцеление. Тягостные ли переживания, усталость или какие-то оккультные причины (вероятней всего последнее), но что-то заставило сознание графини угаснуть.

Когда она открыла глаза, в комнату украдкой пробирався свет раннего утра. Ее первая, ужасающая мысль была о том, что она не смогла бодрствовать и ее дорогой друг умерла этой ночью. Она встала и посмотрела на кровать. Там, к своему великому удивлению, она увидела два голубых глаза, и сильный голос позвал:

— Графиня, подойдите сюда.

Констанс бросилась к кровати и спросила:

— Что же случилось, Елена Петровна? Сейчас Вы выглядите совершенно иначе, чем прошлой ночью.

— Да,— ответила больная. — Учитель был здесь. Он предоставил мне выбор — умереть и быть свободной или жить и закончить *Тайную доктрину*. Он предостерег меня, что в том случае, если я выберу жизнь, мне придется претерпеть жестокие страдания и клеветнические измышления.

— И все же Вы сделали свой выбор, Елена. Это чудесно. Я так счастлива.

— Да, когда я подумала о тех преданных учениках, которые ждут от меня помощи как от канала связи с Учителем, когда я подумала о бедном Обществе, которое треплет буря, и о том, что *Тайная доктрина* может быть для него прочным якорем...

Констанс отбросила назад массу серебряной «африканской шерсти» и поцеловала ее широкий лоб. Глаза Старой Дамы наполнились слезами, и она резко сказала:

— А теперь принесите мне кофе и что-нибудь поесть и подайте мне коробку с табаком.

В письме Уильяму Джаджу Е. П. Б. писала о своем выздоровлении с той веселой внутренней дерзостью, к которой часто прибегала, когда речь шла о ней самой: «Некто еще раз спас меня и еще раз ткнул в житейскую грязь прямо моим классическим носом. Двое Кейтли и Торнтон (интересный, воистину новый теософ) приехали в Остенде, упаковали меня, книги, почки и подагрические ноги и переправили меня по воде, частью на пароходе, частью в инвалидном кресле».

Она совершила морской вояж 1 мая 1887 года. Плавание было спокойным. В Дувре ее ждали несколько новых учеников. Корабль пришел в отлив, по низкой воде, и на причал нужно было сойти по крутым и скользким ступеням трапа. Но сильные молодые руки перенесли ее на берег и несли до лондонского поезда.

Ее новым жилищем был маленький домик под названием «Мэйкотт» на Кроун-Хилл, в лондонском квартале Верхний Норвуд. Он принадлежал Мэйбл Коллинз. «Когда в двух моих комнатах (размерами в половину моей спальни в Остенде) есть еще три человека, мы непрерывно наступаем друг другу на мозоли», — писала Е. П. Б. графине в Швецию. Обычно там бывало больше, чем трое, и когда приходил Дж. Х. Торнтон, здоровенный молодой бакалавр шести с половиною футов роста, со своими пятью Великими, они поистине были, по словам Е. П. Б., «как сельди в бочке».

На самом деле они меньше напоминали сельдей, чем хлопчущих пчел, которые жужжали внутри и снаружи, пока их матка, сидя в центре, в дневные часы писала и распоряжалась, а вечерами беседовала, спорила, учила. Меньше чем через три недели после ее приезда преисполненные энтузиазма молодые люди образовали и учредили вокруг нее новую ложу. Вопреки ее протестам они настаивали и настояли на названии «Ложя Блаватской». В ней было четырнадцать членов.

Арчибальд и Бертрам Кейтли проводили все свое свободное время, помогая в работе над рукописью *Тайной доктрины*. Они печатали

на машинке, готовили текст к изданию, заново распределяли материал по разделам, согласованным с Е. П. Б. Они старались не исправлять в рукописи ничего, кроме звучащих на иностранный лад оборотов речи, и то лишь после серьезных столкновений между собой.

«Для меня,— писал Арчибальд Кейтли,— жизнь долгое время была непрерывной борьбой в лабиринтах *Тайной доктрины* — постоянными усилиями предлагать распределение и расположение текста, исправлять иностранные обороты речи и в то же самое время сохранять в высшей степени своеобразный стиль госпожи Блаватской. Когда ее спрашивали о том, как сформулировать то или иное предложение, она обычно отвечала: “Сделайте так, как вам кажется лучше, дорогой мой. Это ваша работа — привести текст к правильному английскому языку”».

Но другие призванные на помощь были не согласны с внесенными им изменениями. «Язык оригинала следует оставить в неприкосновенности,— настаивали они. — Пусть у читателей будет возможность самим выбрать то, что они сочтут истинным авторским значением».

Но, памятуя о страшных угрозах Е. П. Б. на тот случай, если английский язык книги не будет правильным, он предпочел «морские глубины» ее благосклонности «дьявольским нападкам» своих друзей и правил языковую сторону текста так, как находил необходимым.

Однажды Е. П. Б. сказала группе:

- С такой скоростью мы закончим *Тайную доктрину* через год или год с небольшим. Все это время вы учитесь. Но как насчет более широкой публики?
- Вы думаете, она чего-то заслуживает? — с нажимом спросил кто-то.
- Да, это поле, которое мы должны вспахать для того, чтобы движение росло так, как этого желают Учителя,— ответила она, а потом продолжала: — Мы должны иметь выход на широкую публику. *Теософ* для этого теперь не годится. В Адьяре под запретом всякое упоминание о Махатмах, а госпожа Блаватская под подозрением, особенно у Купер-Окли, которые, видимо, ведут издательские дела, поскольку Олкотт много ездит и почти постоянно в отлучке.
- А почему бы нам не начать издавать свой собственный журнал здесь, в Лондоне? — спросил кто-то.

Идея эта, по всей видимости, встретила общее горячее одобрение.

После некоторого обсуждения дело было решено и слажено.

«Создана Теософская издательская компания... и мы не только начали выпускать новый теософский журнал. Они [группа «Ложа Блаватской»] настаивают на издании собственными силами *Тайной доктрины*», — немногим позже писала Е. П. Б. графине.

Люцифер — так называли новый журнал. Название было удачным, если помнить истинное значение имени — Носитель Света. Но оно явно не было рассчитано на добрые общественные отношения с христианскими церквями, для которых Люцифер был другим наименованием Сатаны.

Тем летом было сделано многое; заложены определенные положительные начала, а рукопись, которая алчно поглощала время, продвигалась вперед вопреки всем трудностям работы в переполненном людьми маленьком доме.

Но все, и Кейтли в особенности, отчетливо понимали необходимость сменить место обитания. Они должны были подыскать более просторное место, где сможет развиваться ложа Блаватской, где Старой Даме будет удобно писать и куда ее многочисленным посетителям будет не так далеко добираться из центра Лондона.

Поиски были трудными, но вскоре Е. П. Б. смогла написать графине, что подходящее место найдено. Предполагалось, что расходы по дому разделят между собой Е. П. Б., двое Кейтли и графиня, если она согласится. «Я выбрала для Вас две комнаты; думаю, они Вам понравятся. Но приезжайте, и сделайте милость, приезжайте не откладывая. Всегда Ваша Е. П. Б.».

Глава 25

Графиня Вахтмейстер приехала в Лондон в начале сентября 1887 года. Она успела помочь в сборах и присмотреть за переездом. Утром, на четвертый день по приезде, она села в экипаж и сопроводила Е. П. Б. на новое место жительства — в дом № 17 по Лэнсдаун-роуд, Холланд-Парк. Отсюда было ближе до центра Лондона, и еще ближе стояли дома Синнеттов и Арундейл.

- Графиня описывает их приезд: «Здесь усердно трудились двое Кейтли. Они старались сделать дом удобным для Е. П. Б. Я могла только восхищаться той нежной преданностью и деятельной заботой о ее удобствах вплоть до мельчайших житейских подробностей, которую неизменно проявляли два этих молодых человека».
- Е. П. Б занимала комнаты на первом этаже. Из маленькой спальни можно было пройти в просторный кабинет, где обстановка была расположена так, что Елена могла легко брать свои книги и бумаги, а дверь из этой комнаты вела в столовую.
- Окно ее рабочей комнаты выходило на покрытый листвой Холланд-Парк, а задний фасад дома был обращен к обнесенному оградой маленькому частному скверу, общему для обитателей всех домов вокруг него.
- Едва они успели устроиться, как дом стал оживленной, занятой делом писательской мастерской. Кейтли ночевали в спальнях на втором этаже, а днем были заняты в качестве секретарей, личных ассистентов и помощников редактора, счастливые своим рабством у *Тайной доктрины* и издания *Люцифера*. Графиня, избавленная теперь от секретарской работы для Е. П. Б., посвящала свое время управлению домашними делами. Она привезла из Швеции двух служанок, которых Е. П. Б. прозвала «шведскими девами».
- Люцифер*, как и следовало ожидать, принес не только свет, но и некоторые тени. Ее старинный друг в Адьяре был сильно рассержен. Он думал, что новый журнал будет соперничать с *Теософом* за подписчиков. «Что, если это произойдет на самом деле?» — думала Е. П. Б. Журнал, который они вместе начали выпускать в Индии около восьми лет назад, теперь был «похож на сборник скучных проповедей, не оживленных ни единой искрой человеческого остроумия или поэзии», — писала она Олкотту. Предоставим ему идти своим робким, безопасным путем. Ей было нужно нечто более живое, то, с чем можно было атаковать заблуждения, самодовольство и лицемерие повсюду, где она только находила их, и атаковать без всякого почтения к личностям.
- Она, вне сомнений, поднимет великую грязь со дна подернутых ряской самодовольства застойных прудов христианства. Но лишь промывая многие тонны пустой породы и мусора, можно отыскать на дне лотка золото и драгоценные камни. Последняя большая

промывка принесла три драгоценных камня, которые жили с ней в Холланд-Парке. Другие еще ждали, когда до них дойдут лопата и лоток старателя. Как бы там ни было, это была ее стезя, ее роль, ее *дхарма* — атаковать, и Учителя явно одобряли ее.

Поэтому Елена Блаватская, обитая теперь в самом сердце «вражеского лагеря», не ввязывалась в кулачные потасовки по пустякам и не разменивалась на них. Она вела наступление на самые укрепленные цитадели хорошего общества, к примеру на стены официальной резиденции главы англиканской церкви. Ее *Шесть тысяч слов к архиепископу Кентерберийскому* вряд ли взволнуют кого-то сегодня, когда столь многие журналы трубными голосами возвестили смерть того Бога, которому поклонялись в викторианские времена. Но тогда они потрясли великое множество людей.

Она атаковала ту теологию и догму церкви, которая принадлежала средним векам, а не времени рассвета разума и науки. Елена приводила мысль философа Герберта Спенсера:

«Проклятие всех тех людей, кто не воспользовался предложенным им способом получить то прощение, о котором они в большинстве своем никогда не слышали, и осуществить примирение, принеся в жертву совершенно невинного Сына, дабы удовлетворить вымышленную необходимость подобающей жертвы,— проклятие это состоит в тех способах действия, которые принадлежат земным владыкам, и способы эти непременно вызовут ярко выраженную ненависть и отвращение».

Христианские церкви, говорила она, определенно не распространяют слова Иисуса Христа, который учил «любить врагов своих».

«...Мир стал одним огромным полем битвы, на которое “достопочтенные” опускаются, подобно стервятникам, клевать глаза и сердца павших... религия не перевесит и птичье перышко сегодня, когда на другой чаше весов лежат мирские выгоды и эгоистические удовольствия.

Отнюдь не удивительно,— отмечала она,— что психическая наука опустошает церковные скамьи, если все, что могут предложить проповедники,— это догмы, навязанные некогда пытками на дыбе и сожжениями на кострах, но не затронутые логикой девятнадцатого века. “Тайны Царствия Небесного”, тайная доктрина Иисуса, данная одному из его апостолов, могли утолить присущую чело-

веческому разуму жажду возрождения, но были подавлены, выброшены вон, утрачены. Без них церковь стала внутренне пустой, бесплодной прислужницей материалистов.

Современная теософия должна сызнова учить той *тайной доктрине*, которая полностью или наполовину скрыта в самом сердце всех религий, включая христианство. Теософия была не провозвестницей Антихриста, не слугой одного только Зла, но практической помощницей, возможно, спасительницей христианства. ... Ее единственным стремлением было стремление сделать ту работу, которую Иисус, подобно Будде и другим “Сынам Господним”, приходившим до него, повелел взять на себя всем своим последователям».

Лишь очень и очень немногие служители церкви сумели понять ее письмо и предостережение. В большинстве своем они попросту считали Теософское общество «выводком Сатаны». Поэтому служители церкви обычно блистали своим отсутствием среди множества тех, кто искал свой путь в дом на Лэнсдаун-роуд, 17, хотя здесь бывал один капитан Армии Спасения и один священник греческой православной церкви.

Здесь собиралось пестрое, смешанное и интересное общество: искатели курьезов и серьезные исследователи, люди с причудами и знаменитости. Среди знаменитостей были видный английский ученый сэра Уильяма Крукса, член Королевского общества — он сам был членом Теософского общества, оккультистом и исследователем психики; Дж. Дж. Романс; У. Т. Сид, издатель «Пэлл-Мэлл газетт» и, вероятно, самый известный английский журналист; лорд Кроуфорд, граф Кроуфорд и Балкаррес, член Королевского общества, ревностный исследователь оккультизма и космогонии, ученик Бульвер-Литтона. Красота и талант сочетались в княгине Елене фон Раковитц, «живой тициановской картине с несказанным очарованием, как в те времена, когда забытая ныне дуэль Лассалья потрясла Европу, а Джордж Мередит писал близ нее свои “Трагические комедии”», — вспоминал американский художник Эдмунд Рассел, который сам принадлежал к обществу Лэнсдаун-роуд.

Рассел писал исследование об Упанишадах и думал, что Е. П. Б. полностью знала все 108 главных Упанишад. «Чувствовалось, что он не понимает того, о чем говорит. Это вряд ли могло быть сказано на жаргоне самых видных вождей спиритуализма».

Она говорила также о многих других оккультных вопросах, которые рассматривала в *Тайной доктрине*. Среди них был вопрос о том племени людей, которые жили до Адама, — о племени андрогинов. «История Адама есть история разделения полов», — постоянно поясняла Елена.

Рассел, который любил поддразнивать ее, однажды сказал: «Да, сударыня, я понимаю все это, но уверен в том, что, когда людей разрезали надвое, нож иногда соскальзывал. Вы вся — женщина, но в вас больше от мужчины, чем следовало бы вам.

Где-то бродит бедное маленькое создание, мужчина лишь наполовину, подпорченный обрезок Елены Блаватской».

Госпожа Блаватская рассмеялась. Юмор всегда сопровождал у нее обсуждение самых серьезных вопросов. Но в отношении ее самой были тайны и очевидные противоречия; они ставили некоторых в тупик, и кто-то отважился спросить ее:

— Почему вы, от природы ясновидящая, читающая в умах и сердцах людей, не в силах даже отличить своих друзей от врагов, например Куломбов?

Она не разгневалась, но была опечалена. «Янтарные глаза подернулись бирюзой».

— Ах, друг мой, личность не прозрачна. Неприятная аура может подтолкнуть меня к ложным представлениям и ошибкам; но есть божественная искра, которую я вижу всегда. Кто я такая, чтобы отказать кому-то в возможности воспользоваться той истиной, которой я учу, и вступить на Путь? Не суть важно, что я лично рискую навлечь на себя плохие последствия — обман, ненависть, месть. Владыка Будда повелел нам не отказывать в пище даже голодной змее и презирать все опасения и страхи, что она может извернуться и поразить руку, которая кормит ее.

Ободренный этим сочувственным ответом, кто-то другой сказал:

— Сударыня, вы проповедуете укрощение нрава, а сами и прежде, и теперь, бывает, взрываетесь.

— Да, — согласилась она. — Это моя потеря и ваш выигрыш. Если бы не мой нрав, к этому времени я должна была стать Посвященной и не была бы среди вас.

В дверь постучали. «Войдите», — сказала она голосом, который «потряс дверное полотно, как удары Кэти Фокс».

Вновь пришедший был журналист — острый, продувной, но поверхностного и мелкого ума. Он начал задавать вопросы с явной целью заманить ее в западню. Она сразу же разгадала это и обошлась с ним на сократовский лад. Напустив на себя глупый вид, она в свой черед задавала ему вопрос за вопросом, заставила раскрыть все его уловки и обнаружить слабость всех его доводов. Затем она вновь шаг за шагом обрела почву под ногами и полностью подчинила себе собеседника. Ее глаза сияли победой; она от всей души рассмеялась и пожала ему руку: «Вы отличный парень, приходите еще. Приходите часто!»

Около полуночи общество разошлось. Эдмунд Рассел ушел вместе с поэтом Йетсом. Он спросил:

— Вам не приходилось слышать, как Елена играет на пианино? Ее друзья нью-йоркских времен рассказывали, что она была тогда чудесной музыкантшей. Она играла с порывами дикой импровизации, как никто другой в мире.

— Меня это не удивляет, — ответил Йетс. — Она сама называет себя русской дикаркой. Для меня она вся — знак вопроса, но знак во всех отношениях чудесный. Тем не менее когда она умрет, парень, который открывает двери, будет думать, что он может занять ее место.

Йетс был одним из «эзотеристов» Е. П. Б. По словам Рассела, его очень интересовала магия. Вслед за поэзией, говорил он, магия была самым важным делом его жизни. В письме Джону О'Лири он писал: «Не будь магия моим постоянным занятием, я не написал бы ни слова моей книги о Блейке, а “Графиня Катлин” не была бы даже задумана. Мистическая жизнь есть средоточие всего, о чем я думаю, что делаю и пишу... Я всегда считал себя голосом того, что, по моим верованиям, должно быть великим возрождением, — того восстания духа против интеллекта, которое начинается ныне в мире».

Е. П. Б. явно оказывала сильное влияние на его мышление и на его работу.

В жизни Е. П. Б. было одно правило, которое в нью-йоркские времена узнали на себе Олкотт и Джадж. Правило состояло в том, что она испытывала близких ей людей и выявляла ценность своих учеников суровым и грубым обращением.

Теперь трудное испытание проходили двое молодых Кейтли. Мера их понимания оккультного состояла в том, что, хотя временами их нер-

вы были напряжены до предела явно несправедливыми упреками, которые так и сыпались с ее хлесткого языка, они воспринимали это как обучение и испытание стойкости. Они были, как Олкотт до них, польщены этим. По крайней мере, на это указывают их «Воспоминания», написанные немало времени спустя.

Но Бертрам приводит один случай, когда он не выдержал перенапряжения и потерял власть над собой. Е. П. Б. послала за ним еще до завтрака и сразу же начала безжалостно распекать, бранить и осыпать его упреками, болезненно задевая все его самые слабые и чувствительные места. Бертрам не сыграл ни малейшей роли в том деле, которое так разгневало ее. Он вообще знать не знал о нем.

Но он не мог вставить ни словечка. Он чувствовал, что с ним обошлись несправедливо, а жалость к самому себе становилась все больше и больше, напоминая пузырь, готовый лопнуть. Он был в значительной степени переутомлен и возбужден тяжелой работой и некоторыми затруднительными обстоятельствами личного свойства. Теперь он ощутил, что самообладание его покинуло, а глаза вспыхнули.

Госпожа Блаватская, которая только что казалась вне себя от гнева, остановилась на полуслове. Она стала молчаливой и абсолютно спокойной. *От нее* не исходил ни один флюид гнева. Это выглядело так, будто она только что поставила большой спектакль, но сама не испытывала никаких эмоций. Ее глаза холодно оглядели его с головы до ног, и она сказала: «И вы хотите быть оккультистом!» Он пишет: «Тогда я увидел, понял и ушел прочь с глубоким чувством стыда: ученик не усвоил урока». Но она ничего не припоминала своим ученикам. «Все это тотчас же было стерто и полностью забыто, коль скоро оно ушло в прошлое».

Когда последние дни 1887 года исподволь перетекали в 1888-й, на восточном горизонте все выше и выше поднимались опасные грозовые облака. Во-первых, против нее выступил Т. Субба Роу. Он напечатал в *Теософе* несколько враждебных ей статей и вопреки своим прежним обещаниям отказался помогать ей в работе над *Тайной доктриной*, хотя ранее хвалил этот труд. Сперва она ничего не могла понять. Она любила молодого индуса, восхищалась им и доверяла ему. Его враждебность глубоко задевала ее.

Во-вторых, там был ее старый сподвижник, Олкотт. Она опять-таки любила его и доверяла ему. Однако он делал глупости всякий раз,

когда она была вдалеке и не могла руководить им. Теперь он был глупее и бестолковее, чем обычно, и противостоял ей со все большим и большим гневом.

Олкотт через силу, неохотно, допустил издание журнала *Люцифер*, но полностью обходил его вниманием, будто такого журнала просто-напросто не было. Позже из Адьяра донесся громовой раскат. Гром прогремел в ответ на ее намерение образовать в Лондоне Эзотерическое отделение Теософского общества. Это намерение шло вразрез с самой природой полковника. *Imperium in imperio* (государство в государстве) — так он именовал предполагаемое отделение. Оно расколется общество, говорил он.

Кроме того, она на собственном опыте знала, что его честному, правдивому разуму и складу мышления уроженца Нового Света была противна сама идея тайны. Все должно быть демократично и открыто для людей. Если он даже недавно и увидел, что такую политику тайны следует проводить и ее действительно проводят, он все еще был резко против эзотеризма. Он говорил, что не может иметь в Теософском обществе такое отделение.

Ну да ладно. Ему все-таки придется с этим согласиться. Это был приказ Учителя. Знали Учителя, знала она, и Олкотт *должен* был узнать, что Тома, Дика и Гарри с улицы опасно допускать в школу высшего оккультизма — царскую йогу. Люди в большинстве своем не готовы и не готовятся жить той жизнью, которая требует особого внутреннего состояния. Они просто-напросто повернут вспять и прилюдно разорвут своих наставников, подобно тем вошедшим в поговорку свиньям, которые попрали копытами рассыпанный перед ними жемчуг.

Обычной широкой публике необходимы и достаточны лекции по теософии.

Одни люди будут насмешливо улыбаться. Некоторые согласятся, но согласятся лишь в теории. Очень и очень немногие действительно поймут и будут готовить себя к той практике самодисциплины, строгого образа жизни, изучения, медитации, *sadhana*, которая приведет их к сверхчеловеческому сознанию Великого Братства.

Но этим немногим нужно дать шанс. Они обеспечат искреннюю и мощную силу, непрерывность осуществления великого замысла Учителей изменить мир. Здесь, в Лондоне, близ нее пребывали несколько готовых. В большинстве своем в этом воплощении они

не смогут достичь больших высот, даже высот ученичества чела. Но их искренние усилия, их продвижение шаг за шагом вперед сохраняют великое движение живым и поднимут общее сознание человечества на более высокую ступень.

Полковник гордился тем Обществом, которое он помог создать. Это было справедливо. Несколько меньше он гордился своим положением и властью президента-основателя. Это было если не правильно, то понятно. Но Общество, организация, было создано для Дела. Другой цели у него не было. Распространение и усиление влияния истинной теософии должны стоять на первом месте. Все, что мешает *этому*, надлежит сломить и отбросить.

Многие последователи Елены в Англии хотели, чтобы она взяла на себя главенство и по имени, и по существу и предоставила старику с его напыщенными исполнительными распоряжениями изнемогать от жары, кипеть и бесноваться в Адьяре.

Но она оставалась непоколебимо верна флагу штаб-квартиры.

Итак, если он даже теперь не примет это новшество, это естественное движение вперед, она расколет Общество на две части. Каждая из них пойдет своим путем. Она говорила и писала ему об этом.

Но Елена надеялась, что до раскола не дойдет. Она искренне любила своего старого друга-янки, и он действительно был прекрасным организатором.

Позже она услышала, что он едет в Лондон, дыша, подобно дракону, огнем. Его драконий огонь мог заставить ключом кипеть семь морей и спалить зелень Холланд-Парка. За несколько дней до предполагаемой даты его прибытия планировалось основание Эзотерического отделения и должны были быть готовы гранки *Тайной доктрины*. Осенний сезон 1888 года обещал быть оживленным.

Глава 26

Когда большую комнату для письменных занятий в Холланд-Парке заповалили гранки *Тайной доктрины*, Е. П. Б. начала работать над ними в бальзаковской манере — беспощадным пером. Как все истинные художники, она никогда не была до конца довольна своей работой и вносила изменения, сокращения и дополнения

вплоть до последней страницы гранок. Люди вокруг нее грызли ногти, тревожась о скудных финансах их издательской компании. Перечень исправлений будет ошеломляющим, а может быть — и разорительным.

Но благородная рука жестом отметала прочь столь мелкие коммерческие соображения, а сотрудники и совладельцы нового издательства выполняли ее распоряжения без малейшего заметного ропота. В большинстве своем они видели по ходу работы над этой книгой достаточно много необъяснимого. Это необъяснимое внушило им чувство, что здесь совершилось действительно нечто незаурядное и его отзвуки пройдут сквозь века. «В этом столетии книгу поймут очень и очень немногие, — говорила им Е. П. Б., — но следующий век увидит, что ее начнут принимать и ценить по достоинству».

Тайная доктрина была начата четыре с лишним года назад, еще до того, как Е. П. Б. уехала из Индии в Европу и попала в западни Общества исследований психики. Ее Учитель подсказал ей замысел. Но когда она начала всерьез работать над ним в Париже и Энгине, у нее было лишь смутное представление о том, чем же, собственно, должна быть ее книга. По ее просьбе Уильям Кван Джадж всячески помогал ей и сам видел некоторые странные феномены.

Однажды, к примеру, он спросил о том, нет ли у нее намерения подробно рассмотреть в предполагаемой работе вопрос о стихиях.

«Я могла бы, — задумчиво ответила она, — но это отнюдь не спокойная и не безопасная сторона вопроса, поэтому я должна дождаться распоряжений о ней».

Она знала, что Джаджа очень интересуется этот вопрос, и попросила его написать все, что он, по собственному мнению, знает о нем. «Тогда, если все будет в порядке, я посмотрю, что именно можно будет использовать в книге».

Джадж написал длинный очерк о стихиях. После полудня, когда он закончил и передал ей текст, было тепло. Но внезапно воздух в комнате, казалось, остыл до температуры ниже точки замерзания. По всей видимости, холодом тянуло от Е. П. Б., — тянуло так, будто она была связана с каким-то огромным холодильником.

«Похоже, что за открытой дверью у нас Гималаи, — заметил Джадж, — и в эту комнату идет морозный воздух оттуда». — «Возможно, так оно и есть», — улыбнулась госпожа Блаватская.

Джадж начал мерзнуть, дрожать и завернулся в поднятый с пола коврик.

Три дня спустя она сказала ему, что решила лишь слегка коснуться, если вообще касаться, этого вопроса в *Тайной доктрине*. Когда книга вышла в свет, он обнаружил, что в ней нет ровным счетом ничего написанного им.

Два года спустя, в марте 1886 года, Е. П. Б. писала ему из Вюрцбурга, что она была бы рада, сумей он приехать и помочь ей в распределении материала для *Тайной доктрины*. «У меня сейчас есть кое-какие деньги, и я легко смогу оплатить Ваш проезд туда и обратно. Приезжайте, мой дорогой, мой добрый друг, приезжайте и сделайте это... Таковы факты, Джадж, *таковы факты*, и Учителя объявляют волю обрадовать Ваше старое сердце».

Джадж вспоминает: «По некоторым обстоятельствам я не смог принять приглашение, но, оглядываясь назад, сожалею, что упустил эту возможность».

По словам многих очевидцев, материал, шедший от Учителей, проходил через перо Е. П. Б. различными способами. Иногда его диктовали, иногда применяли яснослышание или другие средства. Кое-что появлялось в рукописях самих Учителей. Доктор Хьюббе-Шлейден в 1886 году приезжал в Вюрцбург посоветовать Е. П. Б. немедленно покинуть Германию. Он пишет о своем опыте:

«Я знаю, что видел множество поправок и примечаний синим карандашом, сделанных хорошо известным почерком Учителя К. Х. в ее рукописи [*Тайной доктрины*] и в книгах, которые случайно лежали на ее письменном столе. Я принципиально отметил это утром, до того, как она начала работать. Я спал на кушетке в ее рабочей комнате после того, как она ушла к себе, и кушетка стояла всего лишь в нескольких шагах от ее письменного стола. Я хорошо помню свое удивление тем утром, когда я обнаружил великое множество страниц полного формата, исписанных от руки синим карандашом. Они лежали на ее столе напротив того места, на котором писала она сама. Я не знаю, каким образом попали туда эти страницы. Но я не видел их до того, как заснул, и никто во плоти не входил ночью в эту комнату, ибо сплю я чутко».

Большая часть материала приходила к ней в виде того, что она называла «астральным светом», путем сосредоточения сознания или

иными путями. Однажды она писала Синнетту: «Каждое утро есть новые обстоятельства и декорации. Я снова живу *двумя жизнями*. Учителя считают, что мне слишком трудно искать в астральном свете мое С. Д., и теперь около полуночи меня заставляют видеть все, что мне нужно, как будто в полусне. Я вижу покрытые письменами большие и длинные свитки бумаги и припоминаю их. Мне также было дано видеть всех Патриархов — от Адама до Ноя, а в промежутках между ними — значение их символов или персонификаций».

Но даже ее удивительный оккультный дар не всегда и не полностью освобождал от ошибок. Вся беда была в том, говорила она, что строки бывали перевернутыми, как в зеркале, так что иногда цифры или слова она воспроизводила неправильно. Ее секретари и личные помощники часто были заняты сверкой цитат из тех редких старинных книг, доступ к которым был очень и очень затруднителен.

Однажды графине было поручено проверить выдержку из рукописи, хранившейся в Ватикане. С помощью одного знакомого, у которого в Ватикане был родственник, она в конце концов сумела выполнить поручение. Оказалось, что при цитировании Е. П. Б. неправильно привела всего лишь два слова, и, странное дело, именно эти два слова были сильно затерты и с трудом читались в оригинале рукописи.

Оба Кейтли — и Бертрам, и Арчибальд — сверяли приведенные ею выдержки после многих часов поиска той или иной редкой книги в Британском музее или других хранилищах книг. Они оба отмечают курьезный, но любопытный факт. Госпожа Блаватская иногда давала цифровые ссылки в перевернутом, зеркальном виде. Так, например, «страница 321» могла быть указана у нее как «страница 123».

Молодой кембриджский магистр искусств Джордж Мид начал работать позже, чем Кейтли; он дополнил домашний обиход живописной нотой — ярко-рыжей остроконечной бородкой и черным бархатным жакетом. Он подтверждает слова других очевидцев о том, что Е. П. Б. цитировала известные, но редкие, недоступные обычным смертным источники.

«Но,— говорит он,— что больше всего интересовало меня в писательстве Е. П. Б. и до сих пор составляет для меня одно из слагаемых ее загадки, так это то, что она черпала информацию не только из

известных источников. Я постоянно задавал себе один и тот же вопрос: откуда она берет знание, точные переводы и толкования текстов, оригиналы которых неизвестны западному миру?..

Один из наиболее интересных фактов во всей этой проблеме заключается в том, что она сама наслаждалась красотой этих учений и изумлялась широте их концепций ничуть не меньше, чем кто-то иной».

Одним из ученых, которые часто беседовали с Е. П. Б. в Холланд-Парке, был доктор С. Картер Блейк — геолог, зоолог и антрополог из Лондона. Подобно некоторым другим ученым, он был поражен широтой познаний этой больной старой женщины, чье формальное образование в России не дотягивало даже до уровня английской средней школы. Он обнаружил, что она знает больше него самого в его собственной области исследований. «Например, — пишет он, — ее информация по вопросу о наулеттской челюсти существенно превосходила мою».

Ее высказывания по некоторым вопросам он сначала считал ошибочными, но потом находил, что они-то и были истинными. «Я помню, что в беседе с ней на Лэнсдаун-роуд в 1888 году, когда госпожа Блаватская работала над *Тайной доктриной*, она, к моему великому удивлению, неожиданно поставила вопрос о том, что рельеф морских берегов Тариджа должен быть плиоценовым. Я следовал тогда рассуждениям Дарвина и Спотвуда Уилсона и думал, что они должны быть плейстоценовыми.

Тот факт, что берега действительно были плиоценовыми, доказали мне впоследствии работы Гая... и других исследователей...

Госпожа Блаватская определенно располагала оригинальными источниками информации (я не знаю, что это были за источники), которые превосходили познания специалистов в их собственной области исследований».

Но многие знатоки той или иной проблемы в последнее десятилетие XIX века не могли согласиться и действительно не соглашались с тем, что их знание или их концепции могут быть превзойдены. Наука, в ее тогдашнем виде, была истинной, а госпожа Блаватская сочиняла фантазии.

Тем не менее за сто лет, прошедших с тех пор, как *Тайная доктрина* впервые вышла в свет, многие «устойчивые заблуждения» мужей науки оказались фантазиями, а многое, пусть и не все то, о чем

писала Е. П. Б., было доказано современной наукой. Начинает казаться, пишет один теперешний ученый, что «современная наука, в сущности, заново открывает уже известное тем более ранним цивилизациям, которые мы забыли».

Итак, *Тайная доктрина* предвосхищала исследования многих ученых и открывала им выход к свету из тупика материализма. Один из них пишет: «...Она была источником вдохновения и информации для все большего и большего числа искателей истины и понимания... Ее влияние на свойственный миру способ мышления постоянно усиливается... Тот, кто притязает на истину, обретает в ней способность осветить ключевые реалии природы и человека и проникнуть в них... В свете *Тайной доктрины* концепции современного материализма следует признать такими неуклюжими, грубыми догмами, которые не связаны и не совместимы ни с фактами науки, ни с обыденным опытом человека».

Но время явного исполнения пророчеств Е. П. Б. еще было неизвестно, когда ранней осенью 1888 года «теософская двоица» снова сидела за столом, исправляя гранки. Это было очень похоже на один из тех прежних дней совместной работы над *Изидой без покрывала*, — похоже во всем, кроме того, что теперь они оба были на двенадцать лет старше и за окном была не улица Нью-Йорка, а лондонский парк.

Судя по всему, что полковник смог узнать от очевидцев, оба произведения были созданы сходными оккультными методами. Кто мог назвать поименно всех тех Великих, которые внесли тот или иной вклад во второе и более полное раскрытие Древней Мудрости? Хотя было ясно, что к нему приложили руку Учитель Мориа и К. Х. Как жаль, что Т. Субба Роу не оказал той помощи и содействия, которых от него ждали! Причиной разрыва молодого брахмана и Старой Дамы были по большей части третьи лица, но все же во всем этом было нечто необъяснимое, думал Олкотт.

Е. П. Б. показала ему письмо, полученное несколько ранее от бомбейского теософа Токарама Татиа. В письме говорилось о том, что Т. Субба Роу уведомил его (Токарама) о своей былой готовности помочь Е. П. Б. с *Тайной доктриной*, если она изымет из текста все упоминания об Учителях.

- Неужели он подразумевал, что я отрекусь от Учителей или стану подтасовывать факты? Ему было конечно же известно, что Учителя сами одобрили содержание книги,— протестовала Е. П. Б.
- Я так не думаю, друг мой. Но я знаю, что он осуждает вас за осквернение имени Махатм. Он соглашался помогать вам, но соглашался на определенных условиях. Одно из условий состояло в том, что вы не будете названы по имени автором *Тайной доктрины*.
- Его отпугнул прежде всего тот вздор, который нагородили Ходсон и Майерс. После этого он начал говорить, что я — всего лишь пустая оболочка, раковина, выброшенная Учителями,— резко возразила Е. П. Б.

Полковник потерял бороду.

- Да, я слышал, что...
- Знаете, что он сказал, когда я задала ему нагоняй? — перебила Елена.
- Нет.
- Я могу вспомнить его речи почти дословно: «Вы раскрыли самые священные тайны оккультизма, отнюдь не предназначенные для европейских умов. Поэтому лучше всего принести вас в жертву. Раньше люди слишком сильно верили в вас. Теперь они должны усомниться. Иначе они выкачают из вас все, что вы знаете». С тех пор его действия основаны именно на этом принципе.
- Да, поистине жаль. Но ничего, Елена,— утешил ее Олкотт. Он раскурил трубку и продолжил: — *Изида без покрывала* составила целую эпоху. Я в свое время говорил об этом. Но *Тайная доктрина* гораздо значительнее. Эта книга на века и для вечности.

Елена счастливо улыбнулась и сложила последние выправленные гранки в картонную коробку.

- А это что за гранки? — спросил полковник, указывая на кипу бумаги на другом конце стола.
- *Люцифер*, — ответила она, ожидая враждебной реакции.
- Подвиньте их ко мне. Я просмотрю их вместо вас и для вас.

Неожиданное сотрудничество и доброе отношение «достопочтенной бороды» к *Люциферу* и к Эзотерическому отделению обрадовали и приятно удивили Е. П. Б. Что же случилось? Какое море погасило тот драконий огонь, которым он дышал при отъезде из Бомбея?

Действительно, драконий огонь погас в синем Ионийском море, восточнее Бриндизи. Именно там и произошла перемена. Там, когда вокруг прекрасного корабля «Шэннон» сияло спокойное море, а в каюте не было никого, кроме самого полковника, на его столе неожиданно появился конверт, надписанный рукой Учителя К. Х. Полковник был взволнован его появлением при столь безупречных обстоятельствах. Мгновение назад ничего не было, а сию секунду — есть! Вокруг ничего и никого: ни почтового штемпеля, ни посланника!

В конверте находилось длинное письмо. Помимо всего прочего, в нем была решена раздражавшая его дилемма. Ему объяснили, что предполагаемое Эзотерическое отделение необходимо. Он должен предоставить все оккультные вопросы Е. П. Б. Ему самому надлежит играть привычную роль организатора и администратора.

Итак, Генри Олкотт усердно трудился в Англии с целью помочь Е. П. Б. утвердить новое дело на прочном основании. Затем, 9 октября 1888 года, он издал тщательно написанное распоряжение, в котором официально объявлялось о создании Эзотерического отделения Теософского общества. Новое отделение, писал он, «не имеет официальной или корпоративной связи с Теософским обществом, за исключением связи, представленной личностью президента-основателя». Таким образом, надеялся он, был улажен опасный вопрос «империи внутри империи», хотя он все еще не до конца был уверен в этом.

В бытность свою в Англии полковник гостил на свадьбе Чарлза Джонстона, друга Йетса и сына ирландского члена парламента от Южного Белфаста, с племянницей госпожи Блаватской, дочерью ее сестры Веры.

В конце октября Олкотт уехал по суше в Неаполь. Там он собирался сесть на пароход «Аркадия», который уходил в Индию. Из Рима он писал госпоже Блаватской, что, путешествуя поездом по Италии, он удостоился совершенно неожиданного и великолепного астрального посещения их Гуру, Учителя Мориа. «Я ощутил такой восторг, что чуть не выпрыгнул в окно. Он был настроен очень дружелюбно и сочувственно. Вопреки всем моим промахам и недостаткам он терпеливо относится ко мне и держится за меня ради той полезной работы, которую я делал прежде и делаю сейчас,

и ради моего страстного желания до конца исполнить свой долг». Полковник подписал это письмо тем старым прозвищем, которым Елена подкалывала его в Нью-Йорке, — «Мэлони».

В Неаполе он пригласил плыть с ним попутчиками Чарлза и Веру Джонстон. Чарлз блистательно выдержал экзамен для поступления в Индийскую гражданскую службу. Прославленная сила имперской Британии почти заполучила работника, который, благодаря теософии, научился ценить по достоинству культуру «туземцев». Были и другие, способные оценить ее, но их было очень и очень немного.

А в Англии в течение октября 1888 года вышел из печати первый выпуск *Тайной доктрины*. Один экземпляр был послан на отзыв мистеру У. Т. Стиду, известному лондонскому редактору, который уже проявил свое расположение к теософскому движению.

Стид перелистал два объемистых тома. Они были — он отдавал себе в этом отчет — насыщены глубокой метафизикой и мистическим знанием, — нелегкая работа для любого обозревателя! Кто мог сделать ее должным образом? У кого были пронизательный ум, свобода от религиозных предрассудков и широта видения?

Неожиданно на ум ему пришло одно имя. Это было имя женщины, которой он восхищался. Она была замужем за ортодоксальным служителем церкви. Тем не менее в умственном отношении она стояла выше ограничений церковного христианства, и ей хватило отваги порвать его оковы. Теперь она была ключевой фигурой у мятежников, известных под именем «секуляристы». Она мыслила широко и честно, но была убежденным агностиком и к тому же сверх меры занята делом социальной реформы. Вызовет ли у нее интерес эта большая книга, посвященная сугубо специальному оккультному знанию? Он сомневался в этом. Все же что-то заставило его послать ей книгу и попросить написать отзыв.

Именно так *Тайная доктрина* попала в руки Анни Безант.

Глава 27

«Замечательный отзыв — лучший, чем я мог думать, когда просматривал книгу, — появился у Стида в “Ревью оф ревьюз”, — пишет Бертрам Кейтли в своих «Воспоминаниях». Автором отзыва

была Анни Безант. «Вскоре, я думаю всего лишь несколько дней спустя,— продолжает Бертрам,— миссис Безант сама пришла на Лэнсдаун-роуд, 17, повидать Е. П. Б.».

Великая сторонница агностицизма открыла в *Тайной доктрине* нечто, полностью изменившее ее взгляды и всю ее жизнь. Это исподволь побуждало ее вступить в Теософское общество.

Елена Блаватская с первого же взгляда распознала в той, что стояла перед ней, великую душу. Но она не хотела более испытывать горьких разочарований. Она сняла с книжной полки экземпляр «Доклада» Общества исследований психики и протянула его миссис Безант. «Изучите это хорошенько, прежде чем сделать важный шаг и присоединиться к нам»,— сказала она.

Анни Безант понадобилось немного времени, чтобы прочесть, понять по существу и по достоинству оценить «Доклад». Она положила его на одну чашу весов. На второй лежали гений и сила, представленные, по ее собственным убеждениям, *Тайной доктриной* и той женщиной, которая обитала на Лэнсдаун-роуд.

Эдмунд Рассел описывает свое посещение Е. П. Б. немного времени спустя. Госпожа Блаватская, сидя за столом, раскладывала пасьянс. Это был привычный, излюбленный ею отдых. «На полу подле нее сидела маленькая седая женщина. Она сильно прижимала свободную руку той, что раскладывала карты, к своей щеке. Она была не расположена разговаривать, и я не расслышал ее имя.

Весь вечер она держалась за руку, и оторвать ее могла одна-единственная сила — гигантский спрут, захвати он ее своими щупальцами после крушения корабля в открытом море.

По дороге домой мне довелось упомянуть это сравнение. «Разве вы не знаете,— спросила миссис Коэс,— что ваша *маленькая седая женщина* — великая Анни Безант?»»

Еще один посетитель дома на Лэнсдаун-роуд описывает появление пришедшей немного позже Анни Безант: «В черном платье с рукавами по локоть, тоненькая моложавая женщина с короткими седыми волосами, венчающими умный лоб».

Госпожа Блаватская все еще боролась со своим больным, причиняющим муки телом. «Никогда ранее не был известен ни один пациент, который прожил хотя бы неделю в состоянии такого расстройства почек, которое было у нее хроническим на протяжении многих

месяцев в прошлом», — писал некий врач. Она сама говорила, что хорошо чувствует себя лишь в то время, когда сидит за столом и пишет. Ходить и даже стоять ей было тяжело.

Тому, что ее жизнь продолжалась, удивлялась она сама. Вся ее жизнь была наполовину связана со смертью, которая, начиная с младенчества в пораженной чумой России, частенько подходила к ней вплотную.

Вся ее жизнь была пронизана борьбой со своим собственным буйным нравом; нрав этот, вне сомнений, навязала ей текущая в ее жилах кровь Долгоруковых. Была еще одна продолжительная борьба, — борьба за подчинение себе той неудержимой психической оболочки, которая преследовала ее и досаждала ей в юности. Теперь прошло около двадцати лет с тех пор, как она подчинила себе психические силы. Но всегда ли она использовала их с необходимой умеренностью и осторожностью? Она в значительной степени преодолела неистовые эмоции буйной крови, поставила себя выше их, но они все еще пробивались сквозь ее психофизический аппарат.

Она не знала, в какой мере ее тяжкие болезни были следами и остатками этих давних сражений и в какой могли быть кармическими плодами предшествующих жизней. Но она понимала, что они были смертельными. Только ее Учитель сдерживал их, — сдерживал временно и с какой-то целью. И еще она знала, что очень устала испытывать и переносить боль, неудобства и стеснения, причиняемые этой старой скрипучей повозкой — ее телом.

Но большинству тех новых учеников, которые находились близ нее в Лондоне, казалось, что с нее ниспадает исполненная достоинства мантия Учителя. Для них она была подобной древнему Платону, когда тот в старости сидел в обществе молодых друзей, глядя на их смешные человеческие ужимки и шалости с терпимостью большей, чем можно было ожидать.

Но она знала, что тот, кто всерьез притязает на Путь, должен просто существовать в своей телесной оболочке в то время, когда его подлинная жизнь — в духе. Тем не менее спокойного отношения к жизни и безразличия к ее радостям и печалям было недостаточно. Она писала одному вновь обращенному: «Мне нет нужды говорить Вам, что Царствие Небесное есть не что иное, как господство бес-

смертного человеческого духа над внутренними силами Вселенной, и его надлежит брать силой. Я сожалею о вынужденной надобности говорить Вам, что награду Мудрости и Силы можно добыть, лишь пройдя через опасности, испытания, соблазн, обольщения чувства и все искушения того материального мира, который они уравнивают».

Внутреннее согласие, мир и лад среди ее эзотеристов были тем, на чем она настаивала как на важнейшем, жизненно необходимом условии успеха. Это согласие и мир были нарушены дважды, и она писала, что если это случится в третий раз, обучение группы именно в качестве *группы* будет прервано и никогда более не возобновится. «Отдельные, достойные того члены будут учиться, но весь класс, в котором собрались те, кто ненавидит, и те, кого ненавидят, будет распущен раз и навсегда».

Ее ученики в оккультизме должны были жить согласно своду строгих правил. Тех, кто нарушал его, изгоняли без малейших колебаний. Вместе с тем жалость и сочувствие Е. П. Б. к слабым, угнетенным и несчастным стали еще сильнее, чем в прошлом, если только это было возможно. Она всегда была готова не скупясь помочь им из своей «вдовьей лепты». Однажды, к примеру, русский священник восточной православной церкви, собирая милостыню для бедных, пришел в ее лондонский дом. Она указала на тот выдвижной ящик письменного стола, в котором хранила свой невеликий запас денег, и просто сказала: «Помогите им сами».

В другой раз она писала Анни Безант, которая вела большую благотворительную работу среди сильно нуждающихся: «У меня есть почти 30 шиллингов *моих собственных* денег, и я могу свободно располагать ими (Вы знаете, я бедна и горжусь этим). Я хочу, чтобы Вы взяли их *без единого слова*. На них можно купить 30 обедов для тридцати маленьких голодающих бедолаг».

Ее сострадательное сердце иногда влекло ее вспять, к старым феноменам. Ее «чудеса» вызвали такие плохие отклики во всем мире, что теперь она редко совершала их при какой бы то ни было публичке.

Но ее близкие ученики рассказывают интересные истории о множестве странных случаев. Одна из лучших историй приведена в «Воспоминаниях» Арчибальда Кейтли. Лондонская группа об-

суждала вопрос о потребностях того человека, который в данное время «воистину голоден». Во время разговора госпожа Блаватская упорно молчала и неожиданно воскликнула:

— Да, я вижу! — она обернулась к Арчибальду и спросила: — Есть у вас 25 фунтов одной банкнотой?

Он не знал, что и думать, но в конце концов нашел банкноту и подал ее Е. П. Б. Она отказалась взять ее в руки.

— Нет, — сказала она, — я хочу, чтобы вы туго свернули банкноту и положили ее вон туда, в мою корзинку с табаком. Закопайте ее в табак поглубже.

Арчибальд сделал то, что ему было сказано, и поставил корзинку на подлокотник ее кресла. Она положила руку поверх плотно закрытой крышки и, казалось, ушла в «глубокое раздумье». Минуту или две спустя она со вздохом сказала:

— Откройте корзинку и возьмите вашу банкноту.

Когда Арчибальд развернул банкноту, он нашел в ней вторую свернутую бумажку в 25 фунтов. Пристально рассмотрев находку, он обнаружил, что номер на ней не совпадает с номером на его собственной банкноте. «Материализованная» банкнота в 25 фунтов — не подражание или копия подлинной, а в любом случае самая настоящая — была отправлена почтой нуждающемуся человеку.

Позже Арчибальд спросил ее:

— Зачем вам нужна была моя банкнота, если вы преципитировали другую?

— Знаете ли, с матрицей легче работать. В таком случае нет надобности в той точной астральной картине, которую иначе приходится строить из физических частиц.

— Откуда взялись те физические частицы, которые вы использовали с целью материализовать вторую банкноту? — пожелал узнать он.

Она постаралась объяснить ему, какие, собственно, силы стоят за феноменом.

— Видите ли, в тех центрах, которые хранят мои оккультные друзья, есть определенные средства. В известных случаях я могу потребовать часть этих средств в помощь тому или иному человеку. Когда я делаю это, деньги там, на другом конце линии, дезинтегрируют и посылают сюда. Я реинтегрирую их здесь.

Темные, укромные уголки табачной корзинки, по всей видимости, не раз были хорошим местом для материализации. Бертрам Кейтли пишет в «Воспоминаниях» о другом случае.

Субботним вечером Е. П. Б. получила письмо от женщины, которая когда-то сильно обидела ее. Письмо было просьбой о помощи деньгами в крайней, отчаянной нужде.

Е. П. Б. вынула из кошелька пять соверенов и спросила, не может ли кто-нибудь обменять их на бумажные деньги? Никто не смог. Ее плетеная из травы цейлонская корзинка для табака ходила по рукам среди тех, кто хотел сделать себе сигарету. Когда корзинка дошла до нее, она положила внутрь пять соверенов, закрыла крышку и продолжала разговаривать. Несколько времени спустя Бертрам попросил разрешения свернуть себе сигарету. Она подвинула корзинку к нему. Заметив отсутствие золотых монет, он сказал:

— Алло, Е. П. Б., что вы сделали с этими пятью соверенами? Я думал, что вы положили их сюда.

— Я так и сделала.

Он снова обыскал корзинку и обнаружил пять фунтов банкнотой.

— Итак, опять ваши маленькие игры, — заметил Бертрам, подавая ей банкноту. Она слегка улыбнулась, написала дружеское письмо своему «врагу», положила в него банкноту и вручила Бертраму с просьбой отнести на почту.

— Я пошел и опустил его в ящик как раз во время полуночного сбора почты, — пишет он.

Значительная часть материала, написанного для *Тайной доктрины*, не отвечала схеме построения двух первых томов и была отложена в сторону. В своем предисловии к первому тому Е. П. Б. пояснила: «Если эти тома будут приняты благосклонно, не составит особого труда довести замысел до полного завершения. Третий том совершенно готов, четвертый почти готов». Однако ее непосредственной, ближайшей задачей была напряженная работа над двумя другими книгами — *Ключ к теософии* и *Голос Безмолвия*.

Следовало также написать, как обычно, множество длинных писем, и написать не только в Индию и другие места, но и в Америку, где возникало что-то хорошее.

Свет на Западе становился все сильнее и сильнее, но вместе с ним почти неизбежно возникала тень. «Темная тень всегда идет вместе

с философией, двигаясь в ее собственном свете, до тех пор, пока та полностью не очистит себя от плотской скверны», — гласит одна старинная книга о тайнах герметизма.

Хорошим в Америке был быстрый рост Теософского общества. После того как в 1878 году Е. П. Б. и Олкотт уехали из Нью-Йорка, движение несколько лет пребывало в дремотном состоянии. Затем, вслед за поездкой Уильяма Кван Джаджа в Европу и Индию в 1884 году, появились новые зеленые побеги. Их появление было во многом обусловлено трудами мистера Джаджа в теософском саду. До сих пор он, ее старший ученик в оккультизме, был слишком занят своими профессиональными делами и не мог уделить теософскому саду столько времени, сколько тому было необходимо. Кроме того, он иногда думал, что им пренебрегли, ведь «Старики», оставив его, уехали в Индию — в ту страну, куда он сам страстно хотел уехать и жить там.

Но теперь он стал иным. Он понял, что его *dharma* была в Америке. Он стал местным представителем вновь созданного Е. П. Б. Эзотерического отделения и вел большую работу по расширению Теософского общества. В 1888 году он впервые провел большое национальное собрание членов Общества. Е. П. Б. отправила туда своего посланца — Арчибалда Кейтли. Он вез с собой ее длинное письмо, которое надлежало огласить в собрании. Доктор Кейтли с удовольствием принял опыт первого путешествия за пределы Англии и получил приглашение на второе ежегодное собрание в 1889 году.

Теперь, однако, становилась ясно видна та тень, которая должна была двигаться вместе с нарастающим светом. Такой тенью была очень деловая и хлопотливая личность по имени профессор Эллиот Коэс. Он был членом Смитсоновского института и считал себя важной, общественно значимой персоной. Его главной целью было приобретение еще большего общественного влияния почти всеми доступными средствами.

Теософия заинтересовала его несколько лет назад. Он действительно был одним из множества тех, кто приезжал к Е. П. Б. в 1884 году, когда она жила в Эберфельде. Но она с самого начала отнеслась к нему с определенным подозрением. Она увидела слишком много эгоизма, суэтности и личных амбиций. Более того, он глупо льстил

и досаждал ей манерой интриговать ее. Она начала думать, что профессор вслед за Ходсоном считал ее великой обманщицей и восхищался этим. Он ясно дал понять, что хочет вместе с ней, общими усилиями, водить людей за нос под барабанный бой величайшего, самого блистательного обмана за все столетие.

Но его первая цель состояла в том, чтобы заполучить всю полноту власти в Америке. Джадж стоял ему поперек дороги. Джаджа следовало сместить или исключить из расклада сил. Власть международная, верил он, придет позже, когда не так уж и трудно будет отодвинуть в сторону Олкотта. Обертонны таких мечтаний и замыслов начали звучать в его письмах госпоже Блаватской, а вскоре между Коэсом и Джаджем вспыхнула открытая ссора.

Несмотря на свои давние подозрения, Е. П. Б. думала, что Коэсу следует дать шанс. Возможно, надеялась она, он сумеет преодолеть свое вожделение к власти и личному престижу. В таком случае он станет весьма и весьма полезным членом Общества и мощной силой в теософском движении. У него были большие возможности творить и добро, и зло. Она уповала, что он изберет добро.

Но, увы, зло становилось все более и более явным. В письме, написанном на исходе 1887 года видному американскому теософу, доктору Дж. С. Бэку, Е. П. Б. говорила о Коэсе:

«Он поступает как Сатана, предлагавший смиренному Назарянину все царства земные,— я всего лишь должна *втайне* помочь ему и признать его единственным и единоличным главой Теософского общества в Америке, выбросив за борт разом и Джаджа, и Олкотта. Короче говоря, он [Коэс] принудит Америку признать и *почитать* меня как Единственного Представителя Теософии на Континенте, а я заставлю (!) Махатму К. Х. написать американцам циркулярное письмо о том, что один только Коэс и лично Коэс — единственный представитель, и т. д., и т. п. ... От отвращения я заболела.

Я сказала ему, что никогда, ни-ко-гда не изменю Олкотту и Джаджу — своим самым лучшим и доверенным друзьям — ради всей славы и оправдания самой себя в мире. Я сказала, что если он [Коэс] выступит вместе с Ходсоном против меня и окончательно обесчестит меня в Соединенных Штатах, мне это безразлично... Я *не стану* поддерживать ни одно *подложное* письмо от К. Х., не стану и помогать ему [Коэсу] дурачить публику».

Е. П. Б. была к тому времени уже абсолютно убеждена в том, что доктор Эллиот Коэс не верил в действительное существование Учителей, а ее саму считал предводительницей и главой блистательного международного мошенничества и страстно желал стать первым заместителем Макиавелли в юбке.

В длинном письме Коэсу в апреле 1888 года она писала: «Ни один мой самый злейший враг не понимал меня так плохо, как Вы». Она увещевала его: «Работайте для Общества и покажите мне, что Вы можете делать это, и делать по-настоящему хорошо. Тогда вся моя жизнь будет к Вашим услугам». Она предостерегала его: «Вы можете учинить множество скандалов, выступить против Джаджа, против меня и против Общества в целом, но, поверьте мне, если даже Вы сумеете вывести из душевного равновесия нескольких членов, Вам никогда не удастся развалить все Общество... Персидская пословица гласит: “Кто плюет против ветра, плюет себе в лицо”».

Даже в этот последний час она настоятельно убеждала Коэса избрать правильный путь, но с печалью чувствовала, что он вступает на путь ошибочный и ложный. Вскоре он сколотит заговор для отмщения «той ловкой и корыстной обманщице», которая с презрением отвергла предложенную им помощь.

Глава 28

В июле 1889 года Анни Безант участвовала в большом Конгрессе труда в Париже вместе с Гербертом Берроузом, ее сотрудником в деле социальной реформы, а теперь к тому же одним из преданных учеников Е. П. Б. Естественно, они не упустили случая навестить Елену — она жила тогда в доме некоего американского теософа в прекрасном лесу Фонтенбло.

Они застали ее за переводом по памяти отрывков из той древней книги, которую она изучала когда-то в одном тибетском монастыре. «Елена быстро писала, — рассказывала миссис Безант. — Перед ней не было какой-то материальной книги, а вечером она заставила меня читать вслух с целью посмотреть, насколько “приличен ее английский” ... Перевод был сделан на прекрасном и совершенном

английском языке, плавном и музыкальном. Мы нашли всего лишь одно или два слова, которые следовало изменить. Она показалась нам похожей на удивленного ребенка, который был счастлив нашими похвалами. Под этими похвалами подписался бы всякий обладатель маломальского литературного вкуса, прочти он эту совершенную поэму в прозе».

Древний рукописный том, откуда Е. П. Б. выбирала отрывки, назывался, по ее словам, «Книга земных ощущений». Его нельзя было найти ни в одной из крупнейших библиотек мира за пределами Тибета. Поэму в прозе на английском языке она собрала из его поучений и назвала ее *Голос Безмолвия*. Теперь эта книга широко известна. Она выдержала множество изданий, в том числе издание «под покровительством Китайского общества буддистских исследований». Оно содержит портрет и несколько благословляющих стихотворных строк, написанных специально для него собственной рукой покойного тибетского Таши Ламы (1883—1937). Бхикшу Сангхаракшит, англичанин, отличный знаток литературы обеих школ буддизма, Махаяны и Хинаяны, говорит, что *Голос Безмолвия* стремится пробудить Мудрость, взывая к сердцу — не телесному органу, но трансцендентальной способности, — и призывает ученика усвоить такое положение, при котором интеллектуальное будет подчинено духовному.

Сама Елена считала новую книгу прекрасным слиянием поэзии и буддистских парадоксов. Парадоксы преодолевали узкие границы логики. Поэзия была насыщена образами и ритмами, подобными ритмам Мантр.

По всей видимости, Е. П. Б. должна была создать эту маленькую драгоценность главным образом в качестве повседневного руководства и наставления по насущной самодисциплине. Она знала, что такое руководство и вдохновляющее наставление было необходимо для движения вперед по узкому и тернистому пути истинного оккультизма. Оно было особенно необходимо сейчас, когда ей самой оставалось недолго быть здесь и лично наставлять своих любимых учеников.

Елена чувствовала надобность и еще в одной книге. В теософское движение вливались все новые и новые люди. Начинаящим было трудно усвоить две ее большие книги в двух томах каждая — *Изиду*

без покрывала и Тайную доктрину, а цена их была для многих слишком высокой. Нужен был своего рода компендиум поучений, который будет легче купить, читать и понимать. По этим соображениям она написала *Ключ к теософии*.

Посылая книгу мистеру Стиду, она писала: «Вот работа, которую Вы наконец-то поймете. Метафизики в ней нет. Мистер Оскар Уайльд дал мне слово чести написать обзор, но это — дело долгое, да оно меня и не заботит. Единственное, о чем я беспокоюсь и хлопочу,— чтобы Вы прочли книгу».

Обе новые книги были изданы после ее возвращения в Англию в 1889 году.

В конце этого года американка Анни М. Джеккс пришла на Лэнсдаун-роуд, 17, навестить Е. П. Б. и повидать ее впервые с тех пор, как она уехала из Америки.

— Да, Малышка,— сказала Е. П. Б., пристально глядя на нее,— мы никогда не встретимся снова в этих телах.

Мисс Джеккс перепугалась.

— Значит, я скоро уйду, да? — воскликнула она.

— Не вы. Когда вы возвратитесь домой, уйду я.

Мисс Джеккс на мгновение умолкла. Ее глаза увлажнились. Затем она спросила:

— Кто же займет ваше место, Елена Петровна?

Старая Дама серьезно смотрела на нее целую минуту и потом сказала:

— Анни Безант. Но не говорите ей об этом. У меня есть слово от Учителей.

— Но... как эта холодная, интеллектуальная и рассудочная женщина сможет занять ваше место?

Госпожа Блаватская улыбнулась и ответила:

— Она раскроется и расцветет в духе; она станет мягкой и прекрасной.

Она может вести людей и сумеет сделать работу бóльшую, чем сделала я,— она владеет языками, особенно английским.

У мисс Джеккс голова шла кругом. Она не могла согласиться с этим, но, вне сомнений, Учителям было лучше знать.

Домочадцы с Лэнсдаун-роуд начали разъезжаться по миру, кто на время, кто навсегда. Графиня должна была время от времени возвращаться к себе домой в Швецию. Арчибалд Кейтли уехал сна-

чала в Новую Зеландию по семейным делам, а затем в Америку по делам теософским. Бертрама Е. П. Б. отправила сперва в Америку, а оттуда — в Индию. Он долго жил там и стал первым генеральным секретарем Индийского национального отделения Общества.

Сама Е. П. Б. покинула Лэнсдаун-роуд и переехала к Анни Безант, в дом № 19, Авеню-роуд, Сент-Джонс Вуд, Лондон. Это был большой дом, окруженный прекрасным садом. Рабочая комната Е. П. Б. располагалась на первом этаже. Ее большой письменный стол стоял у окна, через которое она могла видеть траву и деревья. Дверь слева вела в ее маленькую спальню, а еще одна — в кабинет ее личного секретаря Джорджа Мида. Он одновременно был генеральным секретарем европейского отделения Общества.

Вся обстановка была заботливо расположена так, чтобы по возможности щадить больные ноги Старой Дамы. Она могла, не поднимаясь по ступеням, выйти в зал собраний Ложи Блаватской и в то просторное помещение, которое было специально построено для Эзотерического отделения.

Но старая русская воительница все еще вела свои сражения. Неладья с полковником в Адьяре продолжались, несмотря на то что дважды, в 1888-м и 1889 году, он приезжал в Англию улаживать их. Тогда двое старых друзей и сотрудников провели вместе Рождество, — последнее Рождество вместе.

Когда они были вдвоем, дипломатия полковника и его старинные дружеские чувства брали верх, и все шло хорошо. Но когда они были порознь, третьи силы вызывали напряженность, недопонимание и столкновения между ними. Основная проблема состояла в том, что европейские последователи Е. П. Б. видели в ней главу Общества. Это было вполне естественно. Именно она была тем каналом связи, через который шли наставления и поучения. Она была специально подготовленным посланцем Махатм. Но ее ревностные лондонские ученики хотели видеть ее европейским президентом, совершенно не зависимым от международной штаб-квартиры и президента-основателя в Адьяре, Олкотта.

Приблизительно в середине 1890 года совет Британского отделения принял решение, «облекающее Блаватскую постоянной президентской властью во всей Европе». Когда решение это дошло до Адьяра, полковник на страницах *Теософа* публично отменил его

как «...противоречащую уставу и основным законам Теософского общества узурпацию президентской прерогативы и решение, принятое с превышением полномочий, предоставленных любому отделению или части Общества».

В личном дневнике полковник в этот день записал: «Это может означать раскол, но отнюдь не означает, что я буду рабом». Пока он был президентом Общества, его переполняла решимость *быть* президентом и по имени, и *по существу*. Он верил, что это была его собственная роль,— роль исполнительного главы и главного администратора. Ради должного исполнения этой роли Махатмы двенадцать лет назад отозвали его из процветающего юридического бизнеса в Нью-Йорке. На протяжении всех этих лет они подтверждали, что ему надлежит заботиться обо всех экзотерических делах, а эзотерические предоставить Е. П. Б. Ей, думал он, конечно же подавали дурные советы молодые горячие головы из ее лондонского окружения. Она всегда вносила путаницу в практические дела, и всегда будет вносить ее.

В конце концов он перехитрил своего старинного друга, угрожая сложить свои должностные полномочия и оставить ей все национальные и международные дела Общества.

В письме к нему, рассуждая о том, что такой акт докажет его измену Учителям и в Индии, и по всему миру, она писала:

«Оставьте в стороне свою ничтожную личность, все эти мелкие ссоры и перебранки из-за пустяков с другой бедолагой, старой грязной тряпкой по имени Е. П. Блаватская. Прислушайтесь к словам Е. П. Б., которая всегда была верна Вам,— верна до тех пор, пока Вы были верны (если только Вы знаете, как быть верным) Учителям».

В более позднем письме она предлагает принести любую необходимую жертву, лишь бы сохранить его в должности. Он согласился остаться, но согласился на определенных условиях. Одним из условий, на котором он настаивал, было изменение в той «форме обязательств, которые впредь должны принимать на себя кандидаты в члены Европейского отделения». Изменение было настолько точно выверено и выражено в слове, что обеспечивало Е. П. Б. безоговорочное повиновение в тех вопросах, которые Олкотт считал, по существу, делом всего Теософского общества.

Это, говорил он, давало ей «почти диктаторские полномочия и полностью уничтожало то основание членства, на котором изначально создавалось движение и которое оставляло каждому члену полную, абсолютную свободу совести и деятельности».

Е. П. Б. согласилась с его предложением. Она изменила обязательство, против которого он так резко возражал. В итоге были устранены возможные разрушительные следствия того, что он именовал «Звездной палатой» и «империей в империи». Более того, Европейское отделение во главе с госпожой Блаватской по крайней мере номинально оставалось под управлением международной штаб-квартиры в Адьяре, Индия.

С другой стороны надвигалась беда намного страшнее. Доктор Эллиот Коэс, очевидно, оставил всякую надежду на тайный сговор с госпожой Блаватской в использовании ее хитрых уловок. Он решил отомстить ей, и отомстить публичным нападением. Он собрал в кучу все старые и новые клеветнические слухи о ней и предложил их «Сан» — той широко известной нью-йоркской газете, редактором которой был Чарлз Дана.

Вашингтонское общество явно считало Коэса достойным доверия гражданином. В свое время он был военным врачом в офицерском чине армии США. Его считали крупным авторитетом в вопросах орнитологии. По всей видимости, он сумел убедить Чарлза Дана в том, что его материал о госпоже Блаватской был надежным и доказанным, хотя в действительности материал определенно был клеветническим.

Его атака в печати началась 1 июня 1890 года со статьи под названием «История умышленного обмана». За ней в воскресенье 20 июля последовал материал размером в целую страницу — интервью Коэса вашингтонскому корреспонденту «Сан» Д. С.

Этот материал включает фотографии обоих основателей. Коэс раскрывает в нем свое понимание Е. П. Б., ее главных помощников, Теософского общества и тех Великих, которые, по его подозрениям, стоят за ним. Все это, утверждает он, было одним гигантским обманом. Обман этот сначала использовали для прикрытия русского шпионажа, а затем — для выколачивания денег в доход Блаватской и других мошенников, занятых в этом деле.

Как это обычно бывает, он видел в ментальном образе госпожи Блаватской отражение самого себя. Те черты характера, которые

он вменял ей в вину, были по большей части его собственными чертами. Он ярко проявил их в своей частной переписке тех времен, когда стремился завладеть всей властью в многообещающей организации.

«Слагаемые натуры удачливого шарлатана,— говорит он,— это полное отсутствие совести, немного ума, большая отвага, редкое усердие, едкий, как сулема, эгоизм, живое воображение, такт, ловкое и умелое обхождение с людьми, способность к проворству, мгновенная ложь и искренняя, живая вера в человечество, которое непременно будет обмануто. У Блаватской есть все это».

Идя до конца в своих жестоких, мстительных нападках на ее нравственный облик, он утверждает, что госпожа Блаватская была дамой полусвета в Париже, что она родила от принца Эмиля фон Витгенштейна уродливого незаконного ребенка и вслед за Эммой Куломб намекает, что она была любовницей или второй женой Митровича. В начале 1870-х годов полиция-де выслала госпожу Блаватскую из Египта, заявляет он и утверждает, что это высказывание можно подтвердить тамошними полицейскими бумагами.

Олкотт, Джадж и другие ведущие члены Теософского общества, по словам Коэса, знали о мошенничестве Блаватской и содействовали ему. Все остальные, говорит он, были и согласны были быть дураками. Так называемая достойная цель общества — всемирное братство, помощь в изучении арийской и восточных религий и тому подобное — всего лишь уловка с целью дать мошенникам возможность заколачивать деньги.

В суматохе и суете крикливо расцвеченной журналистики Коэс и репортер ухитрились состряпать из фактов фальшивку и показать предположения и слухи так, будто они-то и были теми фактами, которые при надобности легко проверить и доказать. Целая страница газеты с ярким описанием деятельности преступной обманщицы должна была обеспечить завлекательное воскресное чтение человеку с улицы. Для серьезных теософов это была пощечина.

Мистер У. К. Джадж по телеграфу просил у Е. П. Б. разрешения начать судебное дело о клевете на нее.

Елену теперь не слишком беспокоили шпильки и лезвия злоумышленной клеветы. Она научилась сдерживать гнев и раздражение, когда они вспыхивали в душе. Она сама научилась осуществлять

на деле тот идеал, который внушала своим ученикам, — умение отважно и спокойно переносить личную обиду.

Но, с другой стороны, публичные поклепы на нее вредили Обществу и делу Учителей. Более того, Коэс в равной мере нападал на нее лично и на движение в целом. Если она подаст иск о клевете, «Сан» не пожалеет своих крупных средств и не упустит ни единой возможности доказать истинность клеветнических обвинений против Елены и ее работы. Поскольку все до одного обвинения ложны, доказать их газета не сумеет. Итак, возможно, это и есть ее шанс раз и навсегда обуздать все эти старые, распущенные злыми языками слухи о ней. Она согласилась подать иск о клевете.

Когда началось судебное дело и против Эллиота Коэса, и против «Сан», отважный доктор должен был оказать все содействие, какое только мог, и следователям, и юристам газеты. В конце концов именно он давал понять, что все необходимые документы и свидетельские показания можно получить без особого труда.

Месяцы шли. Календари 1890 года уступили место календарям 1891-го. Насколько преуспели ответчики в своих поисках доказательств по всему миру — вот что страстно хотели знать теософы на всем белом свете. В марте 1891 года издаваемый юристом У. К. Джаджем журнал Американского отделения «Пас» напечатал статью «Иск против ньюйоркской “Сан” и Эллиота Коэса». Дело еще не дошло до слушания в суде, но уже одержана большая победа, сообщал журнал. В открытом заседании под председательством судьи Бича обсуждалась правовая сторона вопроса, и юристы «Сан» признали свою неспособность доказать то обвинение в безнравственности, в связи с которым был подан иск. Они просили разрешить защите использовать множество не относящихся к делу материалов. Но поскольку это могло повлечь за собой предубеждение жюри присяжных, судья Бич «распорядился исключить все вызывающие сомнения материалы».

«Теперь дело выглядит, — с надеждой предсказывал “Пас”, — очень простым иском, в котором есть один-единственный вопрос, — вопрос о величине причиненного ущерба. Все должно остаться в таком виде до тех пор, пока не настанет время разбирательства на сессии суда».

К тому времени доктор Эллиот Коэс был, надо полагать, душевно измучен и сильно удивлен. Он начинал думать, что именно он и был тем, кто, по выражению Е. П. Б., плевал против ветра.

Глава 29

В 1891 году в научную терминологию впервые вошло понятие «электрон». Несколько ученых, подобно великому русскому исследователю Бутлерову, начинали сомневаться в вековом понимании атома как чего-то цельного и неделимого. Но они думали, что это было равносильно сомнениям в самом существовании материи.

Тремя годами ранее и почти за десять лет до того, как наука действительно установила делимость атома, госпожа Блаватская писала в *Тайной доктрине*:

«Атом эластичен; следовательно, атом делим и должен состоять из частиц, или субатомов... На этой доктрине призрачной природы материи и делимости атома построена вся наука оккультизма. Она открывает безграничные горизонты *субстанции*, наполняет божественным дыханием ее душу во всех возможных состояниях простоты».

Но большинство людей мало заботили эти оккультные истины и научные направления. Эдвардианское общество — те, кто обитал близ принца Уэльского, — все еще было занято охотой, приемами у себя дома, прелюбодейными связями и игрой в баккара по высоким ставкам. Массы были погребены в глубинах нищеты и ада промышленных предприятий.

В 1891 году германский кайзер создал Тройственный союз с Австрией и Италией и посетил Англию. В журнале «Стрэнд мэгэзин» печатались «Приключения Шерлока Холмса». Оскар Уайльд издал «Портрет Дориана Грэя». Весной этого года, когда теософы радовались почти очевидному поражению клеветника Эллиота Коэса, Лондон постигла не слишком сильная эпидемия инфлюэнцы.

Теософ Э. Т. Старди слег в конце апреля. Приблизительно в то же самое время пришлось лечь в постель Старой Даме. Термометр показывал 105 градусов по Фаренгейту.

Доктор Менелл, вероятно под впечатлением эпидемии, объявил, что она, должно быть, больна инфлюэнцей. Однако он понимал плохое общее состояние ее здоровья и воспринял болезнь вполне серьезно. Кому-то из самых надежных, достойных доверия домочадцев следовало, наставлял он, неотлучно быть у постели больной и пунктуально, по часам, давать ей лекарства и кормить ее.

Эта обязанность выпала в основном на долю Лауры Мэри Купер, молодой леди из хорошей семьи. Ее отцом был Фредерик Купер, кавалер ордена Британской Империи, видный чиновник Индийской гражданской службы. Лаура Купер оставила нам полное описание последней болезни Е. П. Б.

Старая Дама и в самом деле чувствовала себя очень больной. Но она хотела знать все, что происходит. Когда она услышала о болезни мистера Старди, по ее настоянию больного перевезли на Авеню-роуд, 19, с целью обеспечить должный уход.

Самой Е. П. Б. постепенно становилось хуже. Но ни врачи, ни ее ученики не были слишком встревожены. Они напоминали друг другу о том, что во время прежних болезней она несколько раз пережила критическое состояние, но рука Учителей всегда спасала ее. Так почему же на этот раз должно быть иначе?

Дни шли за днями, а ей не становилось лучше. Поэтому доктор Менелл спросил госпожу Блаватскую, не позволит ли она осмотреть себя его коллеге доктору Миллеру. Она согласилась. Доктор Миллер приехал и внимательно обследовал ее грудную клетку. После совещания между собой врачи позвали Лауру Купер и Изабеллу Купер-Окли.

«Госпожа Блаватская страдает бронхитом и предельной общей слабостью. Дело обстоит в высшей степени серьезно», — сказал доктор Миллер и добавил, что каждые два часа ей следует давать столовую ложку бренди, иначе она еще больше ослабнет.

Е. П. Б. всегда испытывала отвращение ко всем видам алкоголя, но согласилась принимать прописанное ей спиртное. Ей было очень трудно глубоко дышать, лежа в кровати, и казалось значительно легче сидеть, обложившись подушками, в большом кресле с подлокотниками. Она кочевала между креслом и кроватью. Вечером 7 мая она даже провела несколько минут за письменным столом с пером в руке, но вскоре отложила его в сторону.

Этой ночью она тяжело страдала. В семь часов утра 8 мая кто-то сменил Лауру Купер, которая в эту ночь дежурила у постели больной. Но прежде чем она успела прилечь, приехал врач. Он осмотрел больную и сказал Лауре, что непосредственной опасности, видимо, нет. Бренди возымел нужное действие, и пульс дамы стал сильнее. Лауре же следует несколько часов отдохнуть.

«Около 11.30,— пишет она,— меня разбудил мистер Клод Фаллс Райт; он сказал, что нужно сейчас же идти к Е. П. Б. Ей стало хуже, и медицинская сестра не думает, что она проживет еще хотя бы несколько часов. Я пошла напрямик в ее комнату и там поняла, что Елена в критическом состоянии. Она сидела в кресле. Я встала перед ней на колени и попросила сделать усилие и проглотить немного спиртного».

Е. П. Б. не могла сама держать стакан. Но те, кто был вокруг нее, сумели дать ей немного бренди и лекарство.

«Она может протянуть не больше, чем час-другой»,— решила медицинская сестра, но даже тогда Лаура следила за дальнейшими переменами. Она пишет: «Любимые глаза уже тускнели, хотя она еще была в полном сознании». Она отметила, что Е. П. Б. двигала одной ногой. Привычка эта всегда была признаком ментальной сосредоточенности.

Медицинская сестра, понимая, что ничем больше не может помочь, вышла из комнаты. Елена Блаватская осталась наедине с тремя ближайшими учениками. Лаура поддерживала голову своей любимой Наставницы. Уолтер Олд и К. Ф. Райт стояли перед ней на коленях, и каждый держал ее руку в своих руках. Трое оставались неподвижны долгие, медленные минуты, когда Елена Блаватская, сидя в кресле, наконец-то разорвала те узы, которые еще привязывали ее к изнуренному болезнями телу.

«Великое чувство умиротворения наполнило комнату,— говорит Лаура. — Мы стояли на коленях до тех пор, пока в комнату не вошла сначала моя сестра, а потом — графиня».

«Ее правая рука остывала в моей,— вспоминает Уолтер Олд; он был генеральным секретарем английского отделения Общества и астрологом, известным публике под именем Сефариала. — Эти мгновения несказанной боли, когда жалость к себе и радость за всех остальных — тех, кто пришел раньше меня к той, кого я любил,—

в бешеной схватке раздирали мое существо надвое, навсегда останутся в числе священных воспоминаний моей жизни».

Далеко от Англии, в гостиной одесского дома, две встревоженные старые дамы читали письмо от графини Вахтмейстер. Одна из них была любящая тетушка Надежда. Шестьдесят лет назад, когда ей самой было всего-то три года от роду, она подожгла свечой облачение священника на крестинах младенца Елены. Второй была чопорная Екатерина Витте. Все свои семьдесят пять лет она не одобряла «дикие выходки» своей племянницы. Но семейство оставалось семейством, и теперь ее мучили вести о болезни Елены. Тетушка Надежда была особенно встревожена. Агатовое кольцо с зеленым узором в виде веточки, присланное ей Еленой из Индии лет двенадцать тому назад, стало совершенно черным. Желтоватый на просвет камень темнел приблизительно на протяжении месяца. Теперь она не могла даже разглядеть запечатленный в нем узор. Это определенно значило, что случилось что-то ужасное!

Письма из Лондона долго добирались до Одессы. Старые тетушки знать не знали, что их племянница уже умерла. Письмо, которое Надежда читала вслух Екатерине, просто поведало им о том, что дела принимали плохой оборот.

«Я уверена, что она поправится», — старалась утешить сестру Екатерина.

Как только она сказала это, раздался страшный треск — такой, будто покачнулась и рухнула стена комнаты или упал на пол заставленный стеклянной посудой стол. Перепуганные дамы выскочили на улицу посмотреть, что же случилось. Но там не было ни малейших признаков чего-то сломанного.

Треск этот был апофеозом тех странных звуков, которые слышались по всему дому, — пощелкиваний и ударов по обстановке, как в те времена, когда здесь была молодая Елена — медиум, наделенный даром телепатии.

Но самым странным было то, что недоброжелательно настроенная ко всему странному Екатерина обладала сильным ясновидением. Когда сестры вечером сидели в своей большой гостиной и пытались читать, Екатерина внезапно воскликнула: «Я вижу ее! Она здесь!» Она показывала на дальний, темный угол комнаты. Надежда ничего не видела там. Екатерина описала ей свое виде-

ние Елены, «одетой во все белое, с большими белыми цветами на голове».

Это произошло на поверку тогда, когда Елена уже двое суток лежала в гробу. Но тетушки не знали этой новости.

11 июня в Уокинге, в Южной Англии, были кремированы бранные останки Елены Петровны Блаватской. Надгробную речь произнес обладатель рыжей остроконечной бородки Джордж Мид. Сын полковника Роберта Мида, Джордж был интеллектуальным мистиком. С 1887 года он был личным секретарем Е. П. Б. Позже ему было суждено написать несколько глубоких книг об истоках христианства, гностицизме, герметических учениях и стать мужем Лауры Мэри Купер.

В надгробной речи он сказал: «Е. П. Блаватская мертва. Но Е. П. Б., наш наставник и друг, жива и будет вечно жить в наших сердцах и наших воспоминаниях. В нашей сегодняшней печали особенно ясна та мысль, которую мы должны вечно помнить и вечно следовать ей. Истинно то, что человека, известного нам под именем Е. П. Блаватской, больше нет и не будет с нами. Но истинно и то, что все еще жива и действительна та выдающаяся и благородная личность, великая душа, которая учила всех нас, мужчин и женщин, жить чище и с меньшим эгоизмом.

Непоколебимая верность своей великой миссии, от которой не могли отвести ее ни оскорбления, ни ложное понимание, была точкой опоры ее сильной и бесстрашной натуры».

Урну с прахом привезли в Лондон и временно поместили в доме № 19 по Авеню-роуд, где на столе лежала незаконченная редакторская работа Е. П. Б.

Позже прах разделят на три равные части, предназначенные для трех главных мировых центров теософии. Одна часть хранится в Европе. Известный шведский скульптор Свен Бенгстон передал через графиню Вахтмейстер предложение сделать для нее достойную урну. Вторую часть своими руками доставил в Америку Уильям К. Джадж, который был тогда на пути в Англию. Третья часть была предназначена для Индии.

Полковник Генри Стил Олкотт, занятый тогда чтением лекций в далеком австралийском городе Сиднее, получил телепатический знак — чувство печали, утраты, опустошенности. «Получил тяж-

кое предчувствие смерти Е. П. Б.»,— записал он в своем личном дневнике.

Затем в печати появилась телеграмма с известием о ее смерти. Полковник отменил все дальнейшие планы поездки с чтением лекций по обратной стороне Земли, в стране антиподов, и вскоре был на пароходе, который шел через многие моря в Англию.

Содружество, которое столь много значило для него и будет, он верил, многое значить для всего человечества, было окончательно и невосстановимо разорвано. Все, что он найдет в ее комнате на Авеню-роуд,— всего лишь горсть серого праха. Как и чем может быть связана эта горсть с великой душой, пленительной, таинственной носительницей Света, известной под именем Е. П. Б.? Даже для него, который знал ее так давно и долго, она была загадкой. Но он знал, что она была великим оккультистом,— слишком великим для постижения ее нравственной величины большинством обычных людей.

Прах! Он был, по всей видимости, символом. Так учили древние. Он отвезет его назад, в Святую землю, в Индию. Ее божественный, Вечный Свет Елена Блаватская в долгой борьбе и многих страданиях несла к окнам мира, которые так неохотно открывались навстречу.

Эпилог

По законам штата Нью-Йорк, со смертью госпожи Блаватской само собой закончилось ее судебное дело против газеты «Сан» и доктора Эллиота Коэса. Они ускользнули от наказания, и с этим ничего нельзя было поделать.

Но длительный поиск данных в подкрепление своих печатных высказываний убедил редакторов «Сан», что на страницы их газеты проникли ранее грубая ошибка и большая несправедливость. Без всякой юридической необходимости или принуждения они напечатали 26 сентября 1892 года редакционную статью, в которой отказывались впредь признавать истинным интервью Коэса. Одновременно газета предоставила свои страницы для пространного сообщения мистера У. К. Дзаджа о личности и деятельности Е. П. Б.

Редакционная статья «Сан», в частности, гласила: «На другой странице мы помещаем статью, в которой мистер Уильям К. Дзаддж повествует о романтическом и необыкновенном роде деятельности покойной Елены П. Блаватской. Пользуемся случаем заметить, что 20 июля 1890 года мы совершили ошибку, допустив на страницы “Сан” статью доктора Э. Ф. Коэса из Вашингтона. В ней были высказаны те голословные обвинения против самой госпожи Блаватской и ее последователей, которые впоследствии оказались безосновательными. Статья мистера Дзаджа устраняет все сомнения, высказанные в адрес госпожи Блаватской доктором Коэсом. Мы хотим сказать, что все его обвинения в адрес Теософского общества и лично мистера Дзаджа не подкреплены фактическими данными. Их не следовало печатать».

Это был благородный, достойный уважения поступок. Крупная газета печатно взяла назад свои слова с целью очистить имя покойной женщины от клеветнических обвинений, не подкрепленных фактами.

Переживания Эллиота Коэса неизвестны. Вне сомнений, он был рад, когда смерть противницы избавила его от последствий судебного процесса. Но отказ «Сан» от своих крепких, забористых слов и принесенные ей извинения подразумевали, что его нападение было злоумышленным и полностью основанным на лжи. Это было горькой пилюлей для человека, столь озабоченного своим престижем и влиянием в обществе.

Несколько пылких некрологов о Е. П. Б. напечатали те ее ученики, кому выпало близко знать ее. Но, возможно, обычному современному читателю интереснее всего влияние госпожи Блаватской на тех людей — мыслителей, писателей, социальных реформаторов и общественных деятелей, — которые выступали и были известны за пределами основанного ею Общества.

Социальный реформатор Герберт Берроуз, в частности, пишет: «Я пришел к ней материалистом; она оставила меня теософом. Материалиста и теософа разделяет непроходимая пропасть. Через эту пропасть она сумела построить мост. Она была моей духовной матерью, и никогда у ребенка не было более любящего, более терпеливого и более мягкого наставника.

Это было в те прежние дни, когда ...Анни Безант и я интеллектуально обитали тогда там, где сейчас простираются для нас негостеприимные берега агностицизма, но всегда жаждали большего света... И вот однажды, в навсегда памятный вечер, с письмом от У. Т. Стида, редактора “Пэлл-Мэлл газетт”, вместо верительной грамоты мы оказались лицом к лицу... с женщиной, которую потом научились понимать и любить, как самую удивительную женщину тех времен... Если бы те, кто говорит нелепости о ее влиянии на людей, могли бы хоть отчасти знать, сколь глубокое впечатление производило на нас ее постоянное стремление доказывать все и твердо придерживаться лишь того, что было добром!

Сидя близ нее в те времена, когда со всех краев земли приходили к ней незнакомцы, я с радостью наблюдал их удивление при виде женщины, которая всегда говорила только то, что думала. Приди к ней

принц — она, вероятно, потрясла бы его; приди к ней нищий — он получил бы ее последний шиллинг и самое доброе слово».

«Саладин» (Стюарт Росс), который именовал себя агностиком, написал для «Агностик джорнэл» длинный панегирик Е. П. Б. Вот некоторые извлечения из его статьи:

«Она была просто-напросто прямой и романтически честной великаншей; она соизмеряла себя с теми мужчинами и женщинами, с которыми соприкасалась, ощущала различие между ними и собой и была недостаточно лицемерна, чтобы прикидываться, будто она не замечает этого различия. Она не применяла даже к тем, кто обижал и оскорблял ее, эпитетов худших, чем “глупцы”. Даже таких противников, как Куломбы и доктор Коэс, она упоминала с выражениями, подобными “Господи, прости им, ибо не ведают, что творят”. Воистину “обманщица”! Среди всех смертных, кого я только встречал, она была почти единственной, кто не обманывал и не мошенничал. Вы, те, кто глумливо усмехается по дешевке, читайте *Изиду без покрывала*, *Тайную доктрину* и *Ключ к теософии* — читайте, и вы обнаружите, что теософия, скорее всего, есть нечто слишком высокое для вашего понимания и нечто несоизмеримо далекое от самой возможности использовать ловкость рук шарлатана или фокусы шута...

Она прожила ту бурную, исполненную труда и волнений жизнь, которая оставила свои росчерки на ее лице и вызвала или ускорила неизлечимую болезнь... Она была бодрой, веселой и общительной. В ее жилах не текло ни единой капли грязной крови.

У нее не было ни одной черточки той ограниченной, жеманной манеры говорить о своих друзьях и современниках, которую усваивают светские дамы. Она не думала плохого, и поэтому ей не случилось сказать злое слово.

Госпожа Блаватская, которую я знал, для меня *мертва*. Разумеется, все, что может быть вечным или преходящим в ней, все еще кружится в водовороте Вселенной. Но для меня она жива лишь в том, что делают другие на стезе великого и доброго, в памяти о ней и ее вдохновляющем примере. Ее последователи — гностики в тех спорных вопросах телеологии, где я всего лишь агностик. У них есть сообщение, неразрывная связь с умершей, а мне остается лишь оплакивать ее».

Редакционная статья в нью-йоркской газете «Трибьюн» от 10 мая 1891 года дает определенное представление о восприятии современниками Е. П. Б. и ее дела:

«Однако в некоторых умах может возникнуть утопическая мысль о попытке сокрушить в девятнадцатом веке все преграды расовых, национальных, кастовых и классовых предрассудков и привить тот дух братской любви, которым обладал величайший из Учителей в первом веке, — благородная цель, которую могут осуждать лишь те, кто не признает христианство. Госпожа Блаватская считала, что возрождение и обновление человечества должны быть основаны на развитии альтруизма.

...В другом отношении она проделала важную и значительную работу. Можно сказать, что никто иной в современном поколении не сделал больше нее с целью вновь открыть давно запечатанную сокровищницу восточной мысли, мудрости и философии. Воистину никто не сделал столь многое с целью осветить эту глубинную мудрость-религию, созданную погруженным в вечное размышление Востоком...

Ее стопы действительно были направлены туда, куда могут последовать за ней лишь очень немногие посвященные, но тон и направленность ее произведений были здоровыми, бодрящими и стимулирующими. Урок, который она постоянно давала, состоит в том, что миру от человека больше всего нужна и всегда будет нужна именно потребность покорить себя и работать для других.

Те, кто пристально рассматривает мир, давно заметили, что тон современной мысли во многом испытывает на себе воздействие этого [урока Е. П. Б.]. Более широкая гуманность, более либеральный способ рассуждения, склонность исследовать философские учения древних с более возвышенной точки зрения прямо связаны с тем, что она делала и сделала. Словом, госпожа Блаватская наложила свой отпечаток на время».

Видный редактор У. Т. Стив писал о значимости учения Е. П. Б.:

«Начнем с того, что оно имело по крайней мере одно преимущество, — преимущество быть еретическим. Истина часто начинается с ереси. В каждой ереси может быть драгоценный камень нового откровения. Во-вторых, она вновь принесла ученому и скептически настроенному миру вечную концепцию величайших религий, —

концепцию бытия величественных существ, стоящих неизмеримо выше пигмейского племени людей, поистине на половине пути между Бесконечностью и нами самими.

Госпожа Блаватская укрепила, усилила и почти сызнова создала во многих умах ощущение того, что эта жизнь — простое испытание, искус. В этом отношении ее учение было гораздо более согласовано с духом Нового Завета, чем многое из псевдохристианского учения нашего времени. Она расширила горизонты разума и привнесла какое-то безграничное чувство обширной, беспредельной тайны, свойственное многим восточным религиям, в самое сердце Европы девятнадцатого столетия».

Махатму М. К. Ганди в Индии почитают и как святого, и как национального героя. Он сыграл ведущую роль в освобождении Индии от иноземного владычества и своим вдохновляющим примером обратил умы своих соотечественников к божественным истинам их древней духовной культуры.

В «Автобиографии, или Истории моих опытов Истины» он рассказывает о том, как в бытность свою студентом-юристом в Лондоне он встретил двоих теософов, которых принял за братьев. Это были, по всей вероятности, Арчибальд и Бертрам Кейтли — именно их многие по ошибке считали братьями. Они познакомили его с «Бхагавад Гитой». Ганди стало стыдно, что ранее он никогда не прикасался к этому ярко пламенеющему сердцу индуизма.

«Кроме того, они при случае, — пишет он, — взяли меня с собой в Ложу Блаватской и представили госпоже Блаватской и миссис Анни Безант. Последняя только что присоединилась к Теософскому обществу, и я с большим интересом следил за спорами о ее обращении... Я вспоминаю, что по настоянию братьев прочитал книгу госпожи Блаватской *Ключ к теософии*. Книга эта разбудила во мне стремление и желание читать книги по индуизму и избавила меня от привитого миссионерами представления о том, что индуизм был всего лишь обыкновенным суеверием».

В это время Ганди начал живо интересоваться сравнением религий: «Мой юный ум старался объединить учения “Гиты”, “Света Азии” и Нагорной проповеди.

Во время моего первого пребывания в Южной Африке я сохранил в себе живое религиозное чувство благодаря влиянию христианства.

Теперь [то есть после возвращения из Англии] дополнительные силы ему придавало влияние теософское. Мистер Ритч был теософом и помог мне найти контакт с Обществом в Йоханнесбурге». Именно «Бхагавад Гита», данная близкими учениками Е. П. Б., в конце концов стала для Ганди «безошибочным руководством в поведении».

«Я понял учение “Гиты” о нестяжании; оно означает, что желающие спасения должны поступать подобно тем опекунам, которые, управляя большим имуществом, ни на йоту не считают его своим собственным. Мне стало ясно, как ясен дневной свет, что нестяжание и уравновешенность предполагают изменение сердца, изменение отношения к миру».

Тот факт, что именно влияние госпожи Блаватской впервые привело Ганди к древней индийской духовной Мудрости, интересен и, вероятно, мало кому известен.

Итоги были потрясающими. Ганди не просто впитывал культуру, — он жил ею, как всегда наставляла жить своих учеников Е. П. Б. Именно поэтому вдохновляющее влияние его учения, жизни и смерти изменило мир. Сквозь его восточные окна проник новый луч Света.

Хронологическая таблица

- 1831 11 августа в Екатеринославе, в семье Петра Алексеевича и Елены Андреевны фон Хан родилась дочь Елена.
- 1835 Родилась сестра Е. П. Б. Вера; семья перебралась в Петербург, но ненадолго; детство Елены проходило в Астрахани, Саратове, Одессе.
- 1836—1840 Начальное обучение; рождение брата Леонида.
- 1842 Смерть матери; Елена, вместе с братом и сестрой, перебирается к деду по матери А. М. Фадееву в Саратов.
- 1847 Переезд в Тифлис, где А. М. Фадеев получил должность директора департамента имущества. Постоянные ссоры Елены с гувернантками. Увлечение оккультизмом. Знакомство с вице-губернатором Ереванской губернии Никифором Васильевичем Блаватским.
- 1848/49 Зима — помолвка с Н. В. Блаватским.
Июнь — обручение в церкви села Каменка, в окрестностях Еревана. Медовый месяц в Дарачихаге (Долине цветов). Переезд молодоженов в Ереван.
Осень — дерзкий побег восемнадцатилетней Е. П. Б. на паруснике «Коммодор» в Константинополь.
- 1851 Е. П. Б. в Лондоне. Первая ее встреча с Покровителем; осознание своей миссии.
- 1851—1852 Странствование Е. П. Б.: Канада, Мексика, Перу, Вест-Индия, Цейлон.
- 1854—1855 Снова Америка, затем Япония и Индия. Попытки отца и родных отыскать Елену.
- 1858 После девятилетних скитаний Е. П. Б. возвращается в Россию. Таинственные явления вокруг Е. П. Б. Спиритические сеансы в семейном кругу. Тяжелая болезнь Е. П. Б. и чудесное исцеление.

- 1860 Приезд в Тифлис к деду.
- 1862 Выдан паспорт Юрию, приемному сыну Е. П. Б.; сплетни вокруг «происхождения» ребенка.
- 1865 Странствия по диким краям Закавказья. Е. П. Б. получила власть над психическими феноменами. Отъезд из России.
- 1867 Возвращение в Россию. Е. П. Б. сопровождает оперный певец Агарди Митрович. Смерть и похороны Юрия. Отъезд в Италию и участие в битве при Менхоно в роли солдата гарибальдийской армии. Смерть деда, А. М. Фадеева.
- 1868 Письмо от индийского Покровителя, Учителя Мориа, и его приказ приехать в Константинополь.
- 1868—1870 Е. П. Б. на Тибете. Занятия с Учителем Кутхуми (К. Х.). Перевод архаического текста Сензар. Обучение языкам.
- 1870 Е. П. Б. уехала с Тибета в Грецию.
- 1871 Пребывание в Египте. Приезд Митровича и его гибель.
- 1873 Возвращение в Европу. Париж. Письмо от Учителя Мориа с требованием немедленно отправиться в Америку. Июль — приезд Е. П. Б. в Нью-Йорк. Е. П. Б. снимает квартиру на Мэдисон-стрит. Неудачная попытка выстроить ферму. Перевод на русский язык романа Ч. Диккенса «Эдвин Друд».
- 1874 Е. П. Б. приезжает в деревню Читтенден, где в одном из старых домов обитали привидения. Знакомство с полковником Генри Олкоттом. Октябрь — статья в «Дейли график» «Чудесные спиритические явления». Начало сотрудничества с журналом «Спиритуэл Сайентист».
- 1875 Знакомство с выходцем из Грузии Микаэлом Бетанелия. 3 апреля — венчание. Осень — разрыв с новым супругом. Выход книги Олкотта «Люди из другого мира». Сентябрь — идея создания философско-религиозного общества, первые заседания. 17 ноября — торжественное открытие Общества. Начало работы Е. П. Б. над «Изидой без покрывала».
- 1876—1877 Работа над «Изидой без покрывала». Последнее собрание Общества. Переписка Олкотта и Е. П. Б. с бомбейским отделением Арья Самадж, движения за возрождение ведической религии.
- 1878 8 июля — принятие американского гражданства и отречение от верности русскому императору.

- Декабрь — отъезд Е. П. Б. из Америки, вызвавший шумиху в прессе. Сотрудничество с журналом «Индиан спектейтор».
- 1879 Е. П. Б. с Олкоттом уезжают на Восток, в Индию.
- 1880 Поездка на Цейлон. Принятие пяти главных заповедей Будды. Е. П. Б. редактирует журнал «Теософ».
- 1880—1884 Постоянные поездки чела Е. П. Б. по Индии, перемена адресов, переписка и встречи с Махатмами. Сотрудничество с «Русским вестником».
- 1884 Возвращение в Европу, Париж. Начало работы над «Тайной доктриной». Суета вокруг Е. П. Б. Август — поездка в Германию. Клевета на Е. П. Б. относительно якобы «поддельных феноменов». Октябрь — Е. П. Б. в Лондоне.
- 1885 Декабрь — возвращение, через Красное море, в Индию. Работа Е. П. Б. над «Тайной доктриной». Тяжелая болезнь. 31 марта — Е. П. Б. навсегда покидает Индию на корабле «Тибр», идущем из Бомбея в Неаполь. Доклад Общества исследований психики — против Блаватской.
- 1886 Известие из России о том, что первый муж Е. П. Б. жив, угроза обвинения в двоемужестве. Е. П. Б. пишет письмо «Моя исповедь». Выход в свет книги А. П. Синнетта «Случаи из жизни госпожи Блаватской».
- 1887 Лондонский дом Е. П. Б. «Мэйпотт»; завершение работы над «Тайной доктриной». Создание теософской издательской компании; издание журнала «Люцифер».
- 1886 Октябрь — создание Эзотерического отделения Теософского общества. Вышел в свет первый выпуск «Тайной доктрины». Встреча Е. П. Б. с Анни Безант. Эксперименты с материализацией.
- 1889 Работа над книгами «Ключ к теософии» и «Голос Безмолвия». Участие в Конгрессе труда в Париже. Переезд Е. П. Б. в дом Анни Безант (Лондон, Авеню-роуд, 19).
- 1890 Критика теории Блаватской, газетная травля.
- 1891 Иск Е. П. Б. о клевете, предъявленный газете «Сан». Серьезная болезнь. 8 мая, около полудня, Е. П. Б. умерла.

Отзывы и свидетельства

Питер Вайнцвайг

Она была ученым, поэтом, пианисткой, художницей, философом, писателем, просветителем, и прежде всего — неутомимой воительницей света... Следуя зову истины и идеалам всеобщего братства, Е. П. Блаватская нажила себе немало врагов и недоброжелателей. Пожалуй, никому в XIX веке не удалось столь изрядно пощипать перья религиозных предрассудков, спиритического шарлатанства и интеллектуального снобизма, как ей. Стоит ли удивляться, что клеветники обвиняли ее именно в том, против чего она сражалась почти в одиночку с силой, меткостью и дерзким юмором Гаргантюа.

*Журнал Рикка, Торонто,
1978. Т. 5. № 4*

Всеволод С. Соловьев

В ней было три существа. Первое из них — Елена Петровна в ее спокойные дни и вдали от дел... веселая, остроумная собеседница, с неистощимым запасом хотя грубоватого, но настоящего юмора... смешная и симпатичная, как-то магнетически к себе привлекавшая и даже способная на добрые порывы.

Второе существо ее — Радда-Бай, Е. П. Б. ... писательница, поражающая своим литературным талантом, огромной памятью и способ-

ностями быстро схватывать самые разнородные предметы и писать о чем угодно, писать интересно и увлекательно, хотя нередко бес-
связно и разбрасываясь во все стороны.

Третье существо ее — это madame, как называли ее все теософы, без различия национальностей, это создательница Теософического общества и его хозяйка.

*Современная жрица Изиды.
Мое знакомство с Е. П. Блаватской
и Теософским обществом*

Уильям Батлер Йетс

Е. П. Блаватская — женщина выдающейся учености и сильного характера. Один лондонский остряк как-то назвал ее вульгарной комедианткой загробного мира. Эта недобрая фраза, тем не менее, содержит в себе ту истину, что она всегда любила хорошую шутку — даже если шутили над ней самой.

*Оккультные заметки
и дневники*

Уильям Стюарт Росс

Несмотря на огромные знания и талант, в ней не было и следа от менторского высокомерия, в ней жила простая душа ребенка... Тоже нашли «мошенницу»! Да она едва ли не единственная из смертных, кого я знал, никогда не была обманщицей... и одна из очень немногих, кто понимал меня.

*Блаватская в воспоминаниях
современников*

Томас Стернз Элиот

*Я не стану искать Пичугу в Небе:
Госпожа Блаватская научит меня
Семи Священным Трансам...*

*Из стихотворения
«Диетическое яйцо»*

Сергей Витте

...в ней было что-то демоническое, что-то чертовское, хотя в сущности она была очень незлобивым и добрым человеком... Она обладала такими громаднейшими голубыми глазами, каких я никогда в жизни не видел, и когда она начинала что-нибудь рассказывать, а в особенности небылицу, неправду, то эти глаза все время страшно искрились. Поэтому не удивляет, что она имела огромное влияние на многих людей.

Мемуары

Вера Желиховская

Когда ее называли «медиумом», она смеялась и говорила, что она не медиум, а только медиатор — посредник между умершими и живыми, но я никогда не могла понять эту разницу... Оккультные способности моей сестры не только не ослабевали, но с каждым годом становились все сильнее. Казалось, что она по своей воле может выполнить все что угодно...

*Радда-Бай: правда
о Е. П. Блаватской*

Герберт Уэллс

Меня всегда поражали феномены, совершаемые Магометом, йогами и госпожой Блаватской. Здесь мы соприкасаемся с законом более глубинным, чем общеизвестные законы природы.

28 фантастических рассказов

Курт Воннегут

Американцы должны быть благодарны мадам Блаватской уже за то, что она поделилась с ними мудростью Востока, без которой они до сих пор не могут обойтись. Если она эту мудрость неправильно поняла или приукрасила отсебятиной, то все равно вреда от ее учения не больше, чем от любого другого. А единственная награда, которой, как мне кажется, она добивалась, — это чтобы ей верили.

Таинственная мадам Блаватская

Николай Рерих

...Радуемся тому, что Вы близки с Е. П. Блаватской, которую мы так глубоко почитаем. Будет время, когда ее имя достойно и почитаемо прозвучит по всей Руси.

Из писем

Библиография

- ARUNDALE, FRANCESCA, *My Guest* — H. P. Blavatsky. Adyar: Theos. Publ. House, 1932, IX, 81 pp. Foreword by C. Jinarajadasa. Front. F. Arundale.
- BARBORKA, GEOFFREY A., *H. P. Blavatsky, the Light-Bringer. The Blavatsky Lecture of 1970.* London: Theos. Publ. House, 1970, 68 pp., Glossary, Illustr.
- BECHHOFFER-ROBERTS, C. E., *The Mysterious Madame.* New York: Brewer & Warren, Inc., 1931, 332 pp. Hostile.
- The Letters of H. P. Blavatsky to A. P. Sinnett.* Transcribed, Compiled, and with an Introduction by A. T. Barker. New York: Frederick A. Stokes Co.; London: T. Fisher Unwin, 1925, XVI, 404 pp. Index.
- H. P. B. Speaks.* Letters written by H. P. B to various people, such as General Lippitt, Prince A. M. Dondukoff-Korsakoff, her own relatives, etc. Edited by C. Jinarajadasa. Adyar: Theos. Publ. House; Vol. I, 1950, XII, 248 pp.; Vol. II, 1951, XX, 181 pp.; facsimiles, portraits.
- Some Unpublished Letters of Helena Petrovna Blavatsky.* With an Introduction and Commentary by Eugene Rollin Corson. London: Rider & Co., 1929, 255 pp. Facs. & Ill. Letters addressed to Professor Hiram Corson of Ithaca, N.Y.
- BRAGDON, C., *Episodes from an Unwritten History,* Rochester, N.Y.: The Manas Press, 1910, 109 pp.
- BUTT, G. BASEDEN, *Madame Blavatsky.* London: Rider & Co. Preface dated December, 1925, X, 269 pp.; front.

- CARRITHERS, WALTER A., JR., *The Truth about Madame Blavatsky. An Open Letter to the Author of Priestess of the Occult.* Covina, Calif.: Theos. University Press, April, 1947, 27 pp.
- CLEATHER, ALICE LEIGHTON, H. P. Blavatsky — *A Great Betrayal*, Calcutta: Thacker, Spink & Co., 1922, VIII, 97 pp.
- H. P. Blavatsky — *Her Life and Work for Humanity*, Calcutta, Spink & Co., 1922, 124 pp.
- H. P. BLAVATSKY as I knew Her, Calcutta & London: Thacker, Spink & Co., 1923, IX, 76 pp.
- COULOMB, EMMA, *Some Account of my Association with Madame Blavatsky from 1872 to 1884, etc.* Madras: Higginbotham & Co., 1884; London: Elliot Stock, 1885; II, 112 pp. Hostile.
- Dharmapala, Anagarika Devamitta. *Autobiographical Sketch, including description of H. P. B., etc.* *The Theosophist*, Vol. LIV, July, 1933.
- EVANS, THOMAS H., «Blavatsky's Instruction to a Neophyte», *The Occult Word*, Rochester, N.Y. December, 1885. Reprinted in *The Theosophical Forum*, Point Loma, Calif., Vol. XV, July, 1939.
- FLINT, CHARLES R., *Memories of an Active Life.* New York & London: G.p. Putnam's Sons, 1923, XVIII, 349 pp., ill.
- HASTINGS, BEATRICE, *Defence of Madame Blavatsky.* Worthing: The Hastings Press. Vol. I, April, 1937, 60 pp.; deals with various attacks on H. P. B.; Vol. II, August, 1937, 105 pp.
- HOLLOWAY, LAURA C. LANGFORD, «Helena Petrovna Blavatsky: A Reminiscence», *The Word*, Vol. XXII, December, 1915. Portrait.
- HOLT, ELIZABETH G. B., «A Reminiscence of H. P. Blavatsky in 1873», *The Theosophist*, Vol. LIII, December, 1931.
- H. P. B.— *In Memory of Helena Petrovna Blavatsky, by some of her Pupils.* London: Theos. Publ. Society, 1891. Collection of articles originally published in *Lucifer*, Vol. VIII, following H.P.B.'s passing. Important Source Material by eyewitnesses and friends. Second edition publ. by The Blavatsky Association, London, John M. Watkins, 1931, contains a few additional essays and illustrations.
- JINARAJADASA, C., *The Personality of H. P. Blavatsky.* The Blavatsky Lecture for 1930, London, England. Adyar: Theos. Publ. House, 1930, 25 pp., ill.
- JINARAJADASA, C., *Did Madame Blavatsky Forge the Mahatma Letters?* Adyar: Theos. Publ. House, 1934, 55 pp., 30 facs.

- KEIGHTLEY, DR. ARCHIBALD, «Reminiscences of H. P. Blavatsky», *The Theosophical Quarterly*, Vol. VII, October, 1910.
- KEIGHTLEY, BERTRAM, *Reminiscences of H. P. Blavatsky*. Adyar: Theos. Publ. House, 1931, ill. (Orig. publ. in *The Theosophist*, Sept., 1931.)
- KINGSLAND, WILLIAM, *The Real H. P. Blavatsky. A Study in Theosophy and a Memoir of a Great Soul*. London: John M. Watkins, 1928, XIV, 322 pp., portraits.
- LILLIE, ARTHUR, *Madame Blavatsky and her «Theosophy»*. A Study. London: Swan Sonnenschein & Co., 1895, X, 228 pp. Hostile.
- NEFF, MARY K., *The «Brothers» of Madame Blavatsky*. Adyar: Theos. Publ. House, 1932, VI, 125, ill. & facs.
- NEFF, MARY K., *Personal Memoirs of H. P. Blavatsky*. Compiled by M. K. Neff, New York: E. P. Dutton & Co., 1937, 323 pp. Index, ill.; also London: Rider & Co., 1937. Quest Book paperback edition, Theos. Publ. House, 1967.
- PURUCKER, G. DE, *H. P. Blavatsky: The Mystery*. In collaboration with Katherine Tingley. San Diego, California: Point Loma Publications, Inc., 1972. XVIII, 242 pp.
- RAMSOM, JOSEPHINE, *Madame Blavatsky as an Occultist*. London: Theos. Publ. House, 1931.
- RICE, LOUISE, «Madame Blavatsky», *Flynn's Weekly*, May 21, 1927.
- RYAN, CHARLES J., *H. P. Blavatsky and the Theosophical Movement*. Point Loma, Calif.: Theos. University Press, 1937, XXII, 369, ill., index.
- SINNETT, ALFRED PERCY, *Incidents in the Life of Madame Blavatsky*. London: George Redway; New York: J. W. Bouton, 1886, XII, 324 pp., front. Schmiechen's portrait of H. P. B.; 2nd edition, London: Theos. Publ. Society, 1913, 256 pp.; this edition is abridged, with many important items eliminated.
- SYMONDS, JOHN, *Madame Blavatsky: Medium and Magician*. London: Odhams Press Ltd., 1959, 254 pp., ill. Published in U.S.A. as *The Lady with the Magic Eyes*, by Thos. Yoseloff, New York, 1960. Hostile.
- VANIA, K.F., *Madame Blavatsky: Her Occult Phenomena and the Society for Psychical Research*. Bombay: Sat Publ. Co., 1951, XVI, 488 pp.
- Wachtmeister, Countess Constance, *Reminiscences of H. P. Blavatsky and The Secret Doctrine*. London: Theos. Publ. Society; New York: The Path; Madras: Theos. Society, 1893, 162 pp. Includes accounts

by Bertram Keightley, Dr. Archibald Keightley, William Quan Judge, Vera P. de Zhelihovsky, Vera V. Johnston, Dr. Franz Hartmann and other rare items.

WHYTE, G. HERBERT, H. P. Blavatsky: An Outline of Her Life. London: Persy Lund, Humphries & Co., 1909, IV, 60 pp.; also London: Theos. Publ. House, 1916.

WILLIAMS, GERTRUDE MARVIN, Priestess of the Occult: Madame Blavatsky. New York: Alfred A. Knopf, 1946, X, 345 pp.; Index. Hostile.

ZHELIHOVSKY, VERA P. DE. «The Truth About H. P. Blavatsky», Rebus, St. Petersburg, Vol. II, Nos. 40–48, 1883. This authoritative account was translated into English by H. P. B. herself to provide A. P. Sinnett with data about herself. H. P. B. has added some passages and footnotes to it. Mr. Sinnett used only parts of that material. H. P. B.'s own translation-manuscript is in the Adyar Archives.

ZHELIHOVSKY, VERA P. DE. «Helena P. Blavatsky: Biographical Sketch», Russkoye Obozreniye (Russian Review), Vol. VI, Nov., & Dec., 1891 (Russian text). Of considerable historical value. Free translation in Lucifer, London, Vols. XV & XVI, Nov., 1894 – April, 1895.

Именной указатель

- Агриппа Г. 38
Аксаков И. А. 101, 107, 112
Аксакова А. Н. 87
Али-бек, Сафар 42, 44, 95
Арнольд, Мэттью 164
Арундейл, Джордж 166
Арундейл, Франциска 139, 166,
171, 175, 188, 221
- Бабула 133, 143, 145, 151, 158,
179, 186
Баваджи 185–187, 192, 193, 198,
204, 207
Балкаррес 224
Барлет, Уильям 164
Безант, Анни 237, 238, 240, 245,
260
Бейтс, Роза 130, 142
Бенгстон, Свен 257
Берроуз, Герберт 245, 260
Бетанелия, Микаэл 99–101
Биллинг Г. Дж. 123, 129
Бирд, Джордж 96, 97
Бирон 27
Блаватский Н. В. 39, 40–43, 45,
54, 55, 62, 65, 68
Блаватский, Юрий 65, 69–71
Блейк, Картер 233
- Браун, Элбридж Джерри 97–99,
112
Броунинг, Роберт 164
Бульвер-Литтон 224
Бутлеров 107
Бхикшу Сангхаракшит 246
Бэк Дж. С. 244
- Вахтмейстер, Констанс 13, 163,
189–191, 198, 204–206, 209,
215, 218, 221, 256, 257
Витгенштейн, Эмиль фон 8, 14,
251
Витте, Екатерина 10, 38, 42, 67,
68, 74, 94, 256
Витте С. Ю. 10–12, 38, 42
Витте Ю. Ф. 38
- Ганди 263, 264
Гарджиа Дева 147
Гардинг-Бриттен, Эмма 108
Гарибальди 131
Гартманн, Франц 45, 136, 168,
183–187, 199
Гастингс, Беатрис 12, 53, 115, 204
Геххард, Мария 171, 189, 206, 216
Геххард, Рудольф 172, 173,
176, 206

- Гендерсон 136, 140
 Голицын А. 40, 45, 48
 Грегуар, Элиан 80
 Грибоедов А. С. 38
 Гурни Е. 16
- Даблдей, Абнер 161
 Д'Адемар, Гастон 163
 Дайананд Свами Сарасвати
 122, 166
 Дамодар К. Маваланкар 17, 135,
 151, 167, 175, 183, 194
 Дарвин, Чарлз 15, 87
 Джадж, Уильям Кван 104, 105,
 120, 121, 160, 163, 169, 219,
 230, 231, 243, 244, 251, 257
 Джадж, Чарлз Кван 118
 Джекс, Анни М. 247
 Джефферс А. С. 31, 73
 Джонстон, Чарлз и Вера 237
 Диккенс, Чарлз 87
 Д'Морсье, Эмилия 169
 Долгоруковы, князья 27, 30, 38,
 195
 Дондуков-Корсаков, Александр
 8, 14, 38, 45, 144
 Дэвис, Эндрю Джексон 103, 110,
 111
 Дюма А. 27
- Екатерина Великая 25
- Жеребко, Клементина 86, 99
- Ивинс, Уильям М. 87, 100—102
 Илларион, отец 76—78, 144
 Исидор, митрополит 62, 63
- Йетс, Уильям Батлер 226, 236
- Кардек, Аллен 81
 Каттинг, Эмма 76
 Кхавадалвала Н. Д. 180
 Кейтли, Арчибальд 215, 216,
 219—221, 226, 232, 240, 241,
 247
 Кейтли, Бертрам 171, 215—217,
 219, 222, 238
 Кентерберийский, архиепископ 223
 Кингсфорд, Анна 155, 162
 Киселева, графиня 45, 48, 78
 Кислингбери, Эмилия 123, 204,
 205
 Клод, Фаллс Райт 255
 Кобб, Джон Сторер 105
 Коллинз, Мейбл 215, 216, 219
 Коллинз, Мортимер 215
 Корсон, Хирам 98, 103, 105, 108,
 109, 112
 Коулмен, Эммет 115
 Коэс, Уильям 244
 Коэс, Эллиот 238, 243, 244, 250,
 252, 253, 259—261
 Кроуфорд 224
 Крукс, Уильям 18, 107, 164, 224
 Куломбы, Эмма и Алексис 79,
 80, 135—136, 142, 155, 158,
 166—168, 174, 175, 177—181,
 184, 194, 203, 225, 261
 Купер, Лаура Мэри 254, 255,
 257
 Купер-Окли Изабелла 177, 178,
 181, 182, 220, 254
 Купер, Фредерик 254
 Кюхльвейн 52, 53

- Лама Таши 246
 Лассаль 224
 Леви, Элифас 171
 Ледбетер, Чарлз У. 178, 179, 184
 Линкольн, Авраам 119
 Липпитт 98, 103, 107
 Литтон 139, 140
 Лодж, Оливер 107
 Лэйн-Фокс, Сент-Джордж 166,
 176
- Майерс, Фредерик У. Х. 16, 154,
 164, 171, 176
- Маньон 84, 93
 Маркетт Л. М. 121, 124
 Мейтленд, Эдуард 156, 162
 Менелл 254
 Мередит, Джордж 224
 Метамон, Паулос 48, 77
 Мид, Джордж 232, 248, 257
 Мид, Роберт 257
 Митрович, Агарди 8, 70, 71,
 78—80, 251
 Мозес, Уильям Стентон
 (Оксон М. А.) 123
 Морган, Родсон Э. 154, 166, 184
 Мохини Чаттерджи 157, 160—
 162, 164, 165, 167, 171, 201,
 202, 209
 Муррей 53
 Мэрчисон Р. 34
 Мэсси, Чарлз 123
- Наполеон 64
 Ньютон, Генри Дж. 104
 Обренович, Михаил 71
 Олд, Уолтер (Сефариал) 255
- Олкотт, Генри Стил 9, 11, 13, 14,
 16, 17, 53, 79, 80, 89, 93—95, 98,
 100—103, 108—110, 113—116,
 118—120, 122, 124—129, 137,
 140—143, 145, 157, 165—167,
 169, 178, 180, 182, 186, 191,
 194, 197, 199, 203, 204, 217,
 220, 226, 228, 235, 248, 249,
 257
- Омер-де-Гелль И.-Х. 34
 Оппенгеймер, Леон 13
 Оуэн, Роберт Дэйл 103
- Падшах Б. Дж. 157, 160, 165
 Парацельс 38
 Паттерсон 168, 175
 Пашкова, Лидия 79, 80
 Пенткост, Сет 104
 Пиблс 122
 Пушкин А. С. 30
- Радвей, Джордж 209
 Раковитц, Елена фон 102, 224
 Рамашвами С. 147—151
 Рассел, Джордж Уильям 201
 Рассел, Эдмунд 224—226, 238
 Рези-паша 71
 Ричет, Чарлз 18
 Рише 188
 Романс Дж. Дж. 224
 Росс, Стюарт (Саладин) 261
- Сайн Витгенштейн, Эмиль фон 8
 Санд, Жорж 28
 Сарджент, Эпес 98, 103, 111
 Сингх, Дулип 51

- Синнетты, Альфред Перси
и Пэйшенс 9, 16, 48, 53, 65,
75, 112, 132, 136—137, 139,
141, 149, 154, 162, 164, 165,
178, 182, 187, 188, 194, 195,
198—200, 202—204, 209, 210,
216, 221, 232
- Соловьев, Всеволод 169, 171,
188, 200—203, 211
- Соузерн, Чарлз 105
- Спенсер, Герберт 223
- Старди Э. Т. 253
- Стенхоуп Э. Л. 33, 34
- Стид У. Т. 224, 237, 247, 260, 262
- Субба Роу Т. 17, 152, 160, 167,
180, 183, 199, 209, 227, 234
- Субраманья Айар Н. П. 179
- Твидейл, Вайолет 159
- Тиравалла 120—121
- Торнтон Дж. Х. 219
- Уайльд, Джордж 130
- Уилсон, Спотдвуд 233
- Уимбридж, Эдуард 128, 129, 142
- Уоллес, Альфред Рассел 101
- Учитель Кутхуми Лал Сингх
(К. Х.) 17, 18, 20, 72—75, 121,
138, 139, 141, 144, 147, 167, 244
- Учитель Мориа 17, 72, 81, 108,
114, 124, 125, 133, 147, 150,
152—153, 161, 187, 210
- Уэллс, Эммелина Бланш 52
- Фадеевы, Андрей Михайлович,
Елена Павловна, Надежда 25,
32, 38, 41, 56, 64, 69, 74, 78—79,
97, 169, 170, 188, 256
- Фарнесс, Уильям 99
- Фелт, Джордж 103, 104, 109, 110
- Флетчер, Артур 107
- Фокс, Джон 57
- Хан, Вера 30—33, 35, 51, 55, 59,
60, 61—63, 115, 169, 207—209
- Хан, Елена фон (мать) 26—28,
33—34
- Хан, Елизавета 60, 61, 84
- Хан, Леонид 32, 33, 57, 58
- Хан, Николай 81
- Хан, Петр фон (отец) 26, 28, 30,
44, 52, 54—56, 58—60, 81, 95
- Хант, Элизабет 83—85
- Харисинджи 155, 158
- Харришанд Чинтамон 122, 133
- Ходсон, Ричард 16, 17, 20, 177,
180, 181, 188, 194, 196,
235, 244
- Холлоуэй, Лаура 172, 176
- Христос Иисус 16, 24, 132, 223, 224
- Хьюм А. М. 18, 139—140, 144, 199
- Хьюббе-Шлейден 196, 197,
204, 231
- Чавчавадзе А. Г. 38
- Чакерси, Мулджи 122, 133, 134
- Четта, Нарасимхалу и Суббиах 17
- Чохан Маха 144
- Эдди, Уильям 94
- Эдисон, Томас 113, 128
- Эллис, Эштон 216, 217
- Эренсби, Виктор 11, 12
- Яхонтов, Николай 55

Выражения признательности

В моих многолетних поисках важных сведений, проливающих свет на таинственную жизнь г-жи Блаватской, многие люди — часто совершенно неожиданно — оказывали мне любезную помощь и сотрудничали со мной. В их числе г-н Шри Рам, ныне почивший Международный президент Теософического общества, и другие члены Общества в Индии, Америке, Великобритании и Австралии. Мне хотелось бы выразить всем им мою искреннюю благодарность, а также, в особенности, поблагодарить: покойную Елену В. Захара, бывшего менеджера по вопросам публикаций Теософического издательства, Уитон, штат Иллинойс, США; г-на Бориса де Зиркофф и г-жу Камиллу Свенссон, оба из Лос-Анджелеса, штат Калифорния, США, которые так великодушно передали мне множество редких и полезных биографических данных; и, наконец, мою супругу Айрис Мэрфи за бесценную помощь и постоянную поддержку, которую она оказывала мне в моей исследовательской работе в архивах и библиотеке в Адьяре, Индия.

Г. М.

Об авторе

Говард Мэрфи родился в Австралии, работал журналистом, учителем, в качестве редактора готовил рукописи для печати; во время второй мировой войны служил офицером Восьмой британской армии. Свободный писатель (не связан с каким-либо издательством). В числе его книг, вышедших из печати, «Yoga of Busy People», «Sai Baba», «Man of Miracles» и биография Генри Стила Олкотта, создававшего Теософское общество вместе с Е. П. Блаватской, «Yankee Beacon of Buddhist Light» (первоначально опубликованная под названием «Hammer on the Mountain»).

Содержание

Предисловие 6

Введение 8

Часть I. Искания

Глава 1 25

Рождение.— Пожар на крестинах.— Знатные предки.—
Странное детство.— Мать-писательница.— Поездка в Саратов.—
В Одессе. Здесь умирает ее мать. — У бабушки и деда.

Глава 2 33

Бабушка и ее слава.— Дитя двух миров.— Чудесное спасение
от смерти.— Пробуждение интереса к оккультизму.— Переезд
в Тифлис.— Встреча с г-ном Блаватским.— Молва в связи
с князем Голицыным.

Глава 3 40

Тайна ее брака.— Злополучный медовый месяц.— Ереванские муки.— Побег.—
Поездка под конвоем в Одессу.

Глава 4 45

План побега.—хлопоты с капитаном корабля.—
Константинополь: скачки с препятствиями.— Путешествия.—
Лондон: встреча с Покровителем.

Глава 5 50

Дальнейшие странствия.— Канада.— Нью-Орлеан.— Южная Америка.—
Вест-Индия.— Возвращение в Англию.— Еще одна встреча с Покровителем.—
Продолжение странствий.— Тибет.— Долгое пребывание в Индии.— Возвращение
в Россию.

Глава 6 54

Драматическое пребывание в Пскове.— «Женщина
с привидениями».— Забавные случаи с отцом и братом.
Родословное древо: психическая проверка.— Призраки
в Ругодево.— Мистическая рана.— Путешествие в Тифлис.—
Неожиданная реакция митрополита Исидора

Глава 7 64

Жизнь в Тифлисе.— Отношения с мужем.— Тайна Юрия.—
Странствия по Закавказью.— Отношения с местными жителями.—
Психический кризис.— Странное плавание по древней реке.—
Измененная личность.— Погребение Юрия.— Митрович.—
Новые искания за границей.

Глава 8 72

Обучение в Тибете.— Письмо Учителя в Одессу.—
Кораблекрушение близ Спелса.— Каир: встреча с Эммой
Каттинг.— Провал спиритического общества.— Египет: смерть Митровича.—
Возвращение в Россию.— Отъезд в Париж.—
Происшествие на пути в Америку.—
Высадка на берег: Нью-Йорк, июль 1873 года.

Глава 9 83

Жизнь в Нью-Йорке.— Отцовское наследство.— Оккультная миссия в Буффало.—
Жульничество на ферме.— Спиритуализм и дарвинизм.—
Явления в Читтендене.— Начало подлинной работы.

Часть II. Солнце восходит медленно, так медленно

Глава 10 93

Встреча с полковником Олкоттом.— Странные фантомы
прошлого.— Первые полемические сочинения.—
Занятия спиритизмом.— Начальная подготовка Олкотта.— Ученый спиритист.—
Второй брак.— Судебная тяжба о ферме.— Собрании на Ирвинг-плассе, 14.—
«Приказание» из Индии.

Глава 11 103

Собрание слушает Джорджа Фелта.— Предложение основать новое общество.—
Дальнейшие собрания и основание Теософского общества.—
Инаугурационная речь полковника Олкотта.—
Г-жа Блаватская посещает Итаку.— Странные события.— «Джон Кинг».—
Реакция спиритов на теософию.

Глава 12 109

Разочарование: Фелт.— Основное возражение спиритов.—
Ученый спирит терпит неудачу.— Е. П. Блаватская — журналист.—
Работа над «Изидой без покрывала»: феномены.—
Впечатление Олкотта.— Беатрис Гастингс о «плагиате».—
Сравнение с медиумизмом.— Первая книга выходит в свет.—
Угасание Теософского общества.— Замысел уехать в Индию.

Глава 13 120

«Преципитация» индийского йоги.— Контакт с Арья Самадж.— Англия: учреждение отделения Теософского общества.— Е. П. Блаватская получает американское гражданство.— Олкотт: преданность Учителю Мориа.

Глава 14 127

Отъезд, посещение Англии, прибытие в Индию.— Знакомство с А. П. Синнеттом.— Путешествие на север.— Шпион британской полиции.— Встреча со Свами Дайанандом Сарасвати.— Основание «Теософа».— Приход Дамодара.— Прибытие Куломбов.

Глава 15 136

Первое посещение Симлы.— Первое письмо Махатмы А. П. Синнетту.— А. М. Хьюм.— Конец надоедливой полицейского шпики.— Феномен письма в Джеллам.— У цейлонских буддистов.— Буря в бомбейском доме.— «Кроуз Нест».— Частные контакты с Махатмами.— Е. П. Б. находит «камень».

Глава 16 145

Путешествие на барке по каналу.— Прелести и тяготы путешествия.— Великолепный прием в Гунтуре.— Болезнь Е. П. Б.— С. Рамашвами надеется отыскать своего Гуру.

Глава 17 149

Вновь с Учителем.— История с Рамашвами.— Поездка в Мадрас.— Т. Субба Роу.— Феномены в комнате-часовне.— Пребывание в Нилгири.— Притязание Эммы Куломб.— Замыслы путешествия в Европу.— Эмма и принц.— Отъезд.— Приближение грозы.

Глава 18 159

В Ницце у графини Кайтнесс.— Поездка в Париж.— Встреча с Джаджем.— Драма в Лондонской ложе.— Встреча с графиней Вахтмейстер в Энгисене.— Интерес общества к теософии.— Исследование паранормальных явлений.— Враги в Индии.— Зловещие сообщения.— Куломбы изгнаны из Адьяра.— Они готовят месть.

Глава 19 169

Париж: чтение запечатанного письма.— Путешествие в Германию.— Феномены в доме Гебхардов.— «Кристиан колледж мэгэзин»: нападение Куломбов.— Ответ Е. П. Б.: возвращение в Лондон, письма в «Таймс», отъезд в Индию.

Глава 20 177

Путешествие в Индию.— Теплый прием в Мадрасе.— Разумные возражения против судебного разбирательства.— Изыскания Р. Ходсона.— Е. П. Б. при смерти: чудесное исцеление.— Дамодар уходит в Тибет.— Е. П. Б. отплывает в Италию.

Глава 21 186

Неудобства.— Работа над «Тайной доктриной».— Переезд в Германию.— Посетители.— Ясновысказание: графиня Вахтмейстер приезжает к Е. П. Б. и наблюдает странные явления в связи с «Тайной доктриной».— Случай с лампой.— Пороки Баваджи.— Получен «Доклад» Общества исследований психики.— Внешние и внутренние конфликты.

Глава 22 196

Хюббе-Шлейден предупреждает о новой опасности.— Неприятности с Баваджи.— Сомнение старых друзей.— Вс. С. Соловьев присоединяется к врагам.— Конфликт с Мохини.— «Исповедь» Е. П. Б.— Приезд старого друга.— Е. П. Б. переезжает в Остенде.

Глава 23 206

Е. П. Б.: беседа с сестрой об оккультных силах и деньгах.— Графиня Вахтмейстер возвращается к Е. П. Б., а затем едет в Лондон.— Переписка.— Новый замысел.

Часть III. Проблески на Западе

Глава 24 215

Общество, которое хочет видеть Е. П. Б. в Лондоне.— Она вновь тяжело больна.— Еще одно чудесное спасение от смерти.— Друзья перевозят ее в Лондон.— Жизнь в Норвуде.— Кейтли помогают в работе над «Тайной доктриной».— В свет выходит «Люцифер».— Смена места жительства.

Глава 25 221

Лэнсдаун-роуд.— Открытое письмо архиепископу Кентерберийскому.— Некоторые интересные посетители.— Споры с Эдмундом Расселом.— У. Б. Йетс.— Аспекты оккультной подготовки.— Замыслы эзотерического отделения и сопротивление Олкотта.

Глава 26 229

«Тайная доктрина»: признаки оккультной помощи в написании книги. Впереди научного знания.— Странная позиция Т. Субба Роу.— Неожиданная поддержка полковника.— У. Т. Свид принимает мгновенное решение.

Глава 27 237

Впечатление миссис Безант.— Здоровье Е. П. Б. ухудшается.— Великий Учитель оккультизма.— Феномены и сострадание.— Новые книги.— Свет и тени в Америке.— Козни Эллиота Коэса.

Глава 28 245

Писательская работа в Фонтенбло.— Заметки о «Голосе молчания».— «Ключ к теософии» и его предназначение.— Пророчество Е. П. Б.— Поездка в Сент-Джонс Вуд.— Олкотт посещает Англию.— Эллиот Коэс: нападки на Е. П. Б. в нью-йоркской газете «Сан».— Тяжба о клевете в печати.

Глава 29 253

Весна 1891 года: тяжелая болезнь Е. П. Б.— Сообщение Лауры Купер о болезни и смерти.— Другие сообщения.— Психические знаки в Одессе.— Кремация в Уокинге. Полковник и прах.

Эпилог 259

Хронологическая таблица 265

Отзывы и свидетельства 268

Библиография 272

Именной указатель 276

Выражения признательности 280

Об авторе 281

Литературно-художественное издание

Говард Мэрфи

**КОГДА ПРИХОДИТ РАССВЕТ,
или ЖИЗНЬ И ТРУДЫ
ЕЛЕНА ПЕТРОВНА БЛАВАТСКАЯ**

Ответственный редактор *А. А. Самойлов*
Художественный редактор *С. А. Васильев*
Технический редактор *Т. В. Анохина*
Корректор *М. В. Вербина*
Компьютерная верстка — *Ю. В. Анохина*

Подписано в печать 20.08.04. Формат 60×84/16
Бумага для ВХИ Краснокамской бумажной фабрики «Гознак»
Гарнитура Petersburg. Печать офсетная
Усл. печ. л. 16,74. Уч.-изд. л. 16,61
Тираж 3000 экз. Заказ № 3249

Издательство «Аркаим»
454091, г. Челябинск, ул. Постышева, 2

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Звезда»
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

Челябинск, ООО «Издательство «Аркаим» («Урал Л.Т.Д.»)

454091, г. Челябинск, ул. Постышева, 2
тел.: (3512) 65-87-01 (отдел реализации), тел/факс 65-87-00, 65-86-97
e-mail: sales@ural-ltd.ru, www.millionmenu.ru
Доставка книг почтой по территории России

Москва, представительство ООО «Издательство «Аркаим» («Урал Л.Т.Д.»)

107023, г. Москва, ул. Малая Семеновская, 11а, стр. 4
тел.: (095) 964-14-57, 964-14-80
e-mail: ural-ltd@mtu-net.ru

Челябинск, ООО «Интерсервис»

официальный представитель издательства «Аркаим» («Урал Л.Т.Д.»)
454036, г. Челябинск, Свердловский тракт, 14
тел.: (3512) 21-33-74, 21-34-42
e-mail: mail@intser.ru, oleg@intser.ru

Новосибирск, ООО «Топ-книга»

официальный представитель издательства «Аркаим» («Урал Л.Т.Д.»)
630117, г. Новосибирск, ул. Арбузова, 1/1
тел. (3832) 36-10-26
e-mail: elena.belova@top-kniga.ru
«Книга-почтой»: 630117, Новосибирск, а/я 560 «Топ-книга»
тел. (3832) 36-10-28
Интернет-магазин: www.top-kniga.ru

Санкт-Петербург, ООО «Северо-западное книготорговое объединение»

официальный представитель издательства «Аркаим» («Урал Л.Т.Д.»)
193029, г. Санкт-Петербург, проспект Обуховской Обороны, 84с
тел.: (812) 265-44-80, 265-44-81, 265-44-82
e-mail: jkd_szko@mail.ru

Украина, Киев, ООО «АСТ-Пресс-Дик-Си»

официальный представитель издательства «Аркаим» («Урал Л.Т.Д.»)
01001, Украина, г. Киев, ул. Малая Житомирская, 16/3, офис 12
тел.: 8-10-(380-44) 490-35-78, 464-08-74
e-mail: kazka@svitonline.com

Генеральный поставщик бумаги ОАО «Русбумторг»

117630, г. Москва, ул. Обручева, д. 23
тел.: (095) 424-26-33, 424-27-00, факс 424-06-90
e-mail: lazarew@rusbum.amcs.ru

биографические ландшафты

Елена Блаватская

Говард
Мэрфи

ISBN 5-8029-0823-8

9 785802 908235

